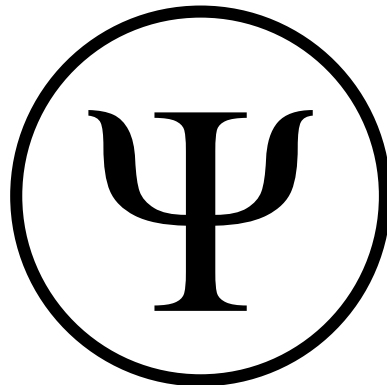

РОССИЙСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ЯРОСЛАВСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ЯРОСЛАВСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК

ВЫПУСК 2 (50)

МОСКВА – ЯРОСЛАВЛЬ
2021

ЯРОСЛАВСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

Редакционная коллегия

А.А. Карпов (гл.ред.)
Н.П. Ансимова
О.Ю. Камакина
Е.В. Карпова
М.М. Кашапов
Н.В.Клюева
В.В.Козлов
Е.В.Конева
И.В. Кузнецова
Е.В.Маркова
В.А. Мазиллов
Н.В. Нижегородцева
Т.М. Панкратова
Ю.П. Поваренков
И.Г. Сенин
И.В. Серафимович
Е.В. Соловьева (техн.секретарь)
В.К. Солондаев (отв.секретарь)
Л.Ю. Субботина
В.А. Урываев

Редакционный Совет

Ю.И. Александров
Т.Ю. Базаров
Э.В. Галажинский
А.И. Донцов
А.Л. Журавлев
Ю.П. Зинченко
В.В. Знаков
П.Н. Ермаков
А.В. Карпов
С.Б. Малых
Н.Н. Нечаев
В.И. Панов
В.Ф. Петренко
А.О. Прохоров
А.А. Реан
Е.А. Сергиенко
Д.В. Ушаков
М.А. Холодная
В.Д. Шадриков
А.В. Юревич

Учредитель – Российское Психологическое Общество
Издается с 1999 года

ISSN 1813-5587

Адрес редакции: 150057, г.Ярославль, пр-д Матросова, д. 9, каб. 207.
Тел.: 8(4852) 48-22-93

Материалы для публикации направлять по адресу:
karprov.sander2016@yandex.ru

Ярославский психологический вестник, № 2 (50), 201.

Отпечатано в РПФ «Титул», ИП Маренков А.В.
Ярославль, Волжская набережная, 4, тел. (4852) 59-41-52

Сдано в набор 27.04.2021 г. подписано в печать 30.04.2021 г.
Бумага офсетная 60x90 1/8. Тираж 100. Заказ 315

Уважаемый Читатель!

Этот номер «Ярославского психологического вестника» посвящен 100-летию со Дня Рождения выдающегося отечественного психолога, одного из крупнейших ученых Ярославской психологической школы, доктора психологических наук, профессора Михаила Семеновича Роговина.

В номере опубликованы работы коллег, учеников и последователей Михаила Семеновича, выполненные в русле направлений исследований, которые он развивал, а также материалы памятного и историко-ретроспективного характера, относящиеся к жизни и творчеству Михаила Семеновича.

Публикации номера сопровождаются историческими фотоматериалами, подготовленными редакцией журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Д. Шадриков, г. Москва, Российская Федерация</i> О единстве познавательных процессов в структуре индивидуального сознания	6
<i>М. С. Роговин, Е. В. Карпова, г. Ярославль, Российская Федерация</i> Содержание, динамика и уровневая организация понятий в психологическом анализе субъективного времени	12
<i>В. А. Мазиллов, г. Ярославль, Российская Федерация</i> Уроки мастера: человек, который знал все. Несколько штрихов к портрету М. С. Роговина	20
<hr/>	
<i>А. В. Карпов, г. Ярославль, Российская Федерация</i> Два основных подхода к структурно-уровневой экспликации профессионально-важных качеств	27
<i>А. А. Карпов, г. Ярославль, Российская Федерация</i> Структурно-уровневый подход к проблеме филогенетической эволюции психики (статья первая)	40
<i>В. А. Мазиллов, г. Ярославль, Российская Федерация</i> М. С. Роговин как историк психологии: завещание мастера	50
<i>А. Э. Симановский, г. Ярославль, Российская Федерация</i> Влияние работ К. Ясперса на содержание творчества М. С. Роговина	58
<i>А. А. Смирнов, Е. В. Соловьева, г. Ярославль</i> Эмпатия как метод познания психического. Теоретический аспект	61
<i>И. Г. Сенин, г. Ярославль, Российская Федерация</i> Особенности оценки нормальности распределения показателей поведенческих характеристик	68
<i>Ю. Н. Слепко, г. Ярославль, Российская Федерация</i> Вклад М. С. Роговина в разработку проблемы уровневого объяснения в психологии	70
<hr/>	
<i>Е. В. Карпова, г. Ярославль, Российская Федерация</i> Вспоминая Учителя...	74
<i>В. В. Козлов, г. Ярославль, Российская Федерация</i> 100 лет света	76
<i>А. А. Карпов, г. Ярославль, Российская Федерация</i> К 75-летию Великой Победы. Михаил Семенович Роговин	79
<i>В. А. Мазиллов, г. Ярославль, Российская Федерация</i> «Все в моей жизни так складывалось, чтобы я обязательно стал психолог»: несколько штрихов к портрету Г. В. Залевского	81
<i>Л. П. Урванцев, г. Ярославль, Российская Федерация</i> Михаил Семенович Роговин	88
<i>В. А. Урываев, г. Ярославль, Российская Федерация</i> М. С. Роговин в современном информационном пространстве	90
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	93
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	96
ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЕННЫМ НА ПУБЛИКАЦИЮ	98

CONTENTS

<i>V. D. Shadrikov</i> On the Unity of Cognitive Processes in the Structure of Individual Consciousness	6
<i>M. S. Rogovin, E. V. Karpova</i> Content, Dynamics, and Level Organization of Concepts in the Psychological Analysis of Subjective Time	12
<i>V. A. Mazilov</i> Master's Lessons: a Man Who Knew Everything. Several Strokes to the Portrait of M. S. Rogovin	20
<hr/>	
<i>A. V. Karpov</i> Two Main Approaches to the Structural-Level Explication of Professionally Important Qualities	27
<i>A. A. Karpov</i> Structural-Level Approach to the Problem of Phylogenetic Evolution of the Psyche (Article One)	40
<i>V. A. Mazilov</i> M. S. Rogovin as a Historian of Psychology: Master's Testament	50
<i>A. E. Simanovskiy</i> Influence of K. Jaspers' Works on the Content of the Work of M. S. Rogovin	58
<i>A. A. Smirnov, E. V. Solovyeva</i> Empathy as a Method of Cognition of the Psychic. Theoretical Aspect	61
<i>I. G. Senin</i> Features of Estimating the Normality of the Distribution Indicators of Behavioral Characteristics	68
<i>Yu. N. Slepko</i> Contribution of M. S. Rogovin to the Development of the Problem of Level Explanation in Psychology	70
<hr/>	
<i>E. V. Karpova</i> Remembering the Teacher	74
<i>V. V. Kozlov</i> 100 Years of Light	76
<i>A. A. Karpov</i> To the 75th anniversary of the Great Victory. Mikhail Semyonovich Rogovin	79
<i>V. A. Mazilov</i> «Everything in my life turned out so that I would definitely become a psychologist»: a few touches to the portrait of G. V. Zalevsky	81
<i>L. P. Urvantsev</i> Mikhail Semenovich Rogovin	88
<i>V. A. Uryvaev</i> M. S. Rogovin in Modern Information Space	90
ABSTRACTS	93
PERSONALITIES	96
TREQUIREMENTS TO ARTICLES SUBMITTED FOR PUBLICATION	98

УДК 159

О единстве познавательных процессов в структуре индивидуального сознания

В. Д. Шадриков, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается функциональное значение отдельных познавательных процессов, объединенных субстанциональным комплексом предметных мыслей. Показывается непрерывность мысли в индивидуальном познавательном процессе. Дается попытка на этой основе преодолеть существующую разделенность основных познавательных процессов.

Ключевые слова: мысль, субстанция, предметность познавательных процессов, функции познавательных процессов, индивидуальная непрерывность мыслей.

О структуре психики философы, теологи, психологи думали и писали на протяжении веков. Длительное время дискуссии проводились в рамках представлений о душе. Уже во время Платона складывается представление о душе, которое определяется как «то, что само себя движет, причина жизненного движения существ» [8, с. 615]. В душе выделялись такие элементы как: добродетель, мужество, справедливость, разумность, рассудительность, мышление, знание, ощущение, опытность и другие качества человека. Вместе с тем душа понималась как нечто единое, целостное.

Душа является одним из центральных понятий в этике Аристотеля [3]. Аристотель утверждал, что «дело человека – некая жизнь, а жизнь – это деятельность души и поступки при участии суждения» [3, с. 50]. Рассматривая структуру души, Аристотель выделял три [вещи]: страсти, способности и нравственные устои [3, с. 70].

Значительное место в своих исследованиях понятию души отводил Абу Ибн Сина (Авиценна). К проявлениям души Ибн Сина относил восприятие, воображение, память, речь, мышление. Можно с уверенностью утверждать, что к проявлениям души Ибн Сина относил все основные категории, изучаемые современной психологией.

Рассматривая структуру внутреннего мира человека З. Фрейд выделял в ней три структуры: оно (Es), самая глубинная подструктура, связанная с мотивацией, прежде всего с сексуальными и агрессивными влечениями. Содержание данной подструктуры не осознается. В своем проявлении данная подструктура руководствуется принципом удовольствия, находится в конфликтных отношениях с Я и сверх-Я; Я (Ich) – подструктура душевной жизни, отвечающая за восприятие внешнего мира и приспособление к нему. Стремится согласовать между собой стремление Оно (мотивации), реальные возможности и требования морали; подчиняется принципу реальности. Содержание данной подструктуры частично осознается; Сверх-Я (Uber-Ich) – высшая инстанция в структуре душевной жизни, выполняет роль внутреннего цензора, совести; содержание сверх-Я определяется моральными нормами. Относящиеся к сверх-Я представления могут быть как осознанно/предсознательными, так и бессознательными. В своем учении Фрейд выделял в структуре психики сознательное и бессознательное и такое деление считал основной предпосылкой психоанализа. Часть из того, что субъект отражает на уровне сознания в данный момент, может стать бессознательным, а при определенных обстоятельствах вновь стать сознательным. Бессознательное в данном случае является латентным, оно в любой момент может стать сознательным. Латентное бессознательное Фрейд назвал предсознательным. Но в ряде случаев содержание бессознательного не становится сознательным, потому что этому противодействует определенная сила (действие Сверх-Я). Состояние, в котором в этом случае находится бессознательное до его осознания, Фрейд назвал вытеснением, а термин бессознательное относил только к вытесненному динамическому бессознательному.

Таким образом, писал Фрейд, мы можем обходиться тремя терминами: сознательное, подсознательное и бессознательное, «если только не станем упускать из виду, что в описательном смысле существуют два вида бессознательного, в динамическом же только одно. В некоторых случаях, когда изложение преследует особые цели, этим различием можно пренебречь, в других же случаях оно, конечно, совершенно необходимо» [13, с. 427].

Важно отметить, что в теоретических воззрениях З. Фрейда выделяется топографическая и структурная модели психики. В топографической модели он выделяет пространство бессознательного, сознательного и вытесненного бессознательного. Для описания этой модели Фрейд выбрал пространственную метафору. «Он приравнял систему бессознательного к большому тамбуру, в котором роятся душевные побуждения. К этому тамбуру примыкает вторая, более узкая часть, разновидность салона, в котором пребывает сознание. На пороге между двумя этими пространствами Фрейд видел сторожа, в обязанности которого входит рассмотрение отдельных побуждений души. Он отбирает и не допускает в салон те из них, которые вызвали неудовольствие» [14, с. 44].

В понимание методологических основ структурно-уровневых теорий в психологии большой вклад внес Михаил Семенович Роговин [9]. Роговин разделяет методологию изучения материальных и психологических структур. Рассматривая подход к изучению идеальных структур (в частности, психологических) М. С. Роговин отмечает, что здесь чрезвычайно важным является установление единиц исследования. «Всякое научное исследование, – пишет он, – в зависимости от своих задач, имеет структурный предел, элементы выше которого участвуют в нем в качестве структурных, а те, которые ниже, условно берутся как неструктурные» [9, с. 55].

В нашем подходе к рассмотрению функции основных познавательных процессов в качестве такого структурного элемента мы выбрали «мысль» человека. Было показано, что мысль является тем структурным элементом, из которых образуются образ, представление, воображение. Мысли составляют и характеризуют процесс мышления и речи [15, 16, 18].

Обращение к мысли как потребностно-эмоционально-информационной субстанции позволяет преодолеть существующую разделенность основных познавательных (когнитивных) процессов (восприятия, представления, воображения, мышления), открывает перспективу нового подхода к пониманию непрерывности мысли в индивидуальном познавательном процессе и ее сохранения (предметности) при переходе от одного этапа познания к другому, отраженному в различных когнитивных процессах. На этой основе можно сделать первый шаг к пониманию единства мира внутренней жизни человека, показать относительную самостоятельность отдельных познавательных процессов в индивидуальном личностном сознании. Рассмотрим эти процессы более подробно.

Мысль и образ

Рассмотрим характеристику образа вещи, с которой связана предметная мысль. На уровне психологического анализа образ предмета выступает как совокупность мыслей о свойствах предмета, объединенных в единое целое. Эта совокупность характеризуется определенным постоянством, обобщенностью и осмысленностью [15, с. 33]. И если мысль мы определили как потребностно-эмоционально-содержательную субстанцию, то и образ будет выступать как субстанция мыслей – как образ-субстанция. В соответствии со свойствами субстанции [12] образ-субстанция будет пониматься как устойчивая совокупность мыслей, как пребывающая во времени сущность и ее проявление, как сущее, причина которого в нем самом. Благодаря этим качествам образ-субстанция будет проявлять активность в процессах мышления, сохраняя качества отдельных мыслей, их предметность.

Представляя устойчивую совокупность мыслей, образ-субстанция будет находиться в постоянном развитии. С одной стороны, являясь производным от вещи, которая в процессе жизнедеятельности может включаться во все новые связи и в силу этого выступать во все новых свойствах и качествах [10], образ вещи будет наполняться новыми мыслями, с другой стороны в этих же процессах будет осуществляться субъективизация образа, привнесение в него мыслей субъекта восприятия. В этих процессах будет находиться значение и смысл образа для субъекта.

Субстанциональная (сущностная) часть образа может дополняться случайными, несущественными мыслями-признаками, которые можно охарактеризовать как акцидентные. При этом эти мысли не препятствуют тому, что сущность вещи, отраженная в образе, не перестает быть тем, чем она есть.

Субъективный образ выступает как интеграция субстанциональных и акцидентных мыслей.

Мысль и представление

Обычно, говоря о представлении, разделяют представления памяти и представления воображения. Остановимся вначале на первом понятии – представлении памяти, под которым понимается воспроизведение в сознании ранее пережитых восприятий. Представления памяти – это представления того, что было. Но воспроизведение того, что было, не тождественно тому, что воспринималось.

Воспринимаемый образ всегда субъективен, он выступает как единица личного сознания и сохраняет свое постоянство достаточно краткое время. Даже пребывая в настоящем времени, образ предмета, обеспечивая адекватность воспринимаемой вещи, постоянно находится в динамике, диктуемой ситуацией, решаемой задачей и личностными ценностями. Постоянна вещь, но образ этой вещи как субъективный образ изменчив. В данном случае мы подчеркиваем субъективную изменчивость образа при его предметной устойчивости для того, чтобы понять отношения образа-восприятия и образа-представления. Для понимания этого отношения отметим, что образ-представление, как и образ-восприятие, функционален. Мы всегда воспроизводим образ для решения какой-либо задачи, руководствуясь определенными потребностями либо переживаниями. Образ-восприятие остался в прошлом. Образ-представление воспроизводится в настоящем для решения задач, стоящих перед субъектом «здесь и сейчас». В силу этого образ-представление находится под контролем всей внутренней жизни человека, он выступает как часть сознания субъекта. Поэтому в образ-представление могут привноситься новые мысли, которых не было в процессе восприятия, но при этом образ-представление будет обеспечивать предметность представления, отнесенность к конкретной вещи внешнего мира.

Образ-представление есть образ-восприятие, преломленный через внутренний мир человека, отнесенный к решаемой задаче и ситуации. Именно в этом заключается продуктивность представлений. Недаром в русских народных сказках говорится: «Утро вечера мудренее».

Образ вещи и представления о вещи имеют разное наполнение мыслями, но при этом они сохраняют свою предметность. Благодаря этому разная наполняемость мыслями представлений о вещи у разных субъектов не лишает их возможности общения и может служить основой для взаимного обогащения мыслями субъективных представлений.

Обращение к образу и представлению через их выражение в индивидуальных мыслях показывает их взаимосвязь и одновременно различие, обусловленные временем, ситуацией и задачами, решаемыми субъектом. В представлении мы выходим за рамки образа-восприятия, добавляя в него элементы (мысли) индивидуального сознания.

Рассматривая познавательные процессы: восприятие, память, воображение, мы должны постараться ответить на вопрос: что нового привносит тот или иной познавательный процесс? При этом необходимо помнить, что все познавательные процессы первоначально включены в жизнедеятельность человека. И если процессы ощущений и восприятия дают нам сведения об окружающем мире и о нас самих, на основе которых мы и строим свое поведение, то представления памяти снабжают нас сведениями из нашего опыта, на основе которых происходят построение поведения и субъективная организация деятельности. Недаром уже в глубокой древности люди придавали большое значение памяти. Замечательно в этом отношении изречение Эсхила, вложенное в уста Прометея: «Послушай, что смертным я сделал: число изобрел, слова слагать научил, память им дал». Матерью всех муз древние греки считали богиню памяти Мнемозину. Современные нейропсихологические исследования показывают, что под влиянием памяти (прошлого опыта) находятся все познавательные процессы и поведение в целом (Н. П. Бехтерева др.).

Мысль и воображение

Какова же в процессах жизнедеятельности функция представления-воображения? Воображение включено в деятельность, прежде всего в процессы целеполагания.

На физиологическом уровне роль предвидения результата поведения рассмотрена П. К. Анохиным в механизмах «акцептора результата действия», который «предвосхищает» афферентные свойства того результата, который должен быть получен в соответствии с принятым решением и, следовательно, опережает ход событий в отношениях между организмом и внешним миром» [2, с. 52-53].

Ту же роль в построении движения играет у Н. А. Бернштейна «задающий элемент, вносящий тем или другим путем в систему требуемое значение регулируемого параметра» [4, с. 357].

В работе Д. Миллера, Ю. Галантера, К. Прибрама эту роль предвидения выполняют намерения и планы поведения. Авторы понимают намерения как ожидаемый результат. Намерение выражается в плане поведения, который реализуется по схеме Т-О-Т-Е.

Р. Акофф и Ф. Эмери также считают, что в поведении целеустремленных систем ведущая роль отводится целям, в которых отражается множество результатов [1].

Этот ряд исследований можно было бы продолжить, но главный вывод ясен – поведение человека определяется целью, в которой отражены параметры результата. Цель формируется до начала деятельности. В ее формировании существенную роль играют процессы представления прошлого опыта и

воображение, когда деятельность связана с получением нового продукта, обладающего новыми свойствами и функциональными возможностями.

Новый продукт может задаваться системой технических требований или образом. Примером первого случая могут выступать технические требования к новому самолету: высота полета, грузоподъемность, скорость, экономичность. Пример второго типа – образ нового здания, непохожего на существующие, с определенными эксплуатационными характеристиками. Важно подчеркнуть, что в любом случае «новое» будет включать элементы опыта, имеющиеся в индивидуальном сознании. И даже технические задания будут содержать образную часть. Поэтому мы согласны с мыслью С. Л. Рубинштейна о том, что воображение – это преобразование данного в опыте и порождение на этой основе новых образов. «Воображение в собственном смысле имеется лишь тогда, когда течение образов перестает быть произвольным изменением, как бы искажением образов-представлений, становясь свободным оперированием образами, не связанным установкой на воспроизведение» [10, с. 296].

Итогом воображения является, как правило, функциональный образ, а раз образ, то мы будем иметь дело с субстанциональным образованием мыслей, и механизмом формирования образа-воображения будет выступать механизм работы с мыслями. Воображение работает с опытом субъекта, но, как отмечает С. Л. Рубинштейн, оно может «совершить и такой отлет от действительности, который создает фантастическую картину, ярко отклоняющуюся от действительности. Но и в этом случае оно в какой-то мере отражает эту действительность. И воображение тем плодотворнее и ценнее, чем в большей мере оно, преобразуя действительность, отклоняется от нее, при этом все же учитывает ее существенные стороны и наиболее значимые черты» [10, с. 297].

Таким образом, мы определили место воображения в структуре продуктивной деятельности, показали связь воображения с восприятием. Через использование образов восприятия воображение дает нам образ-субстанцию мыслей в оригинальном сочетании.

Проведенный анализ показывает путь мысли от образа к представлению и воображению. Этот путь мысль проходит в операциях мышления [17]. Главное, что нам хотелось бы подчеркнуть, это то, что в индивидуальном сознании переход от образа к представлению и, далее, к воображению осуществляется в мыслях, представленных в субстанции и акциденции, без потери предметности, но при определенной динамике мыслей. Именно благодаря этому и реализуется предметная связь между образом, представлением и воображением.

Мысль и мышление

«Психология мышления – одно из самых новых завоеваний психологии: она стала разрабатываться лишь в XX столетии» – писал С. Л. Рубинштейн в 1935 году [11, с. 205]. За прошедшие десятилетия проведены тысячи исследований в этой области, ученые и технические специалисты дерзнули на создание искусственного интеллекта, но сущность мышления до сих пор остается тайной, над разгадкой которой бьются психологи и физиологи, философы и поэты, математики и инженеры. До настоящего времени мы не имеем определения, раскрывающего сущности мышления. Все говорят, в основном, о том, что мышление определяет успешность решения различных задач, но никто не говорит, что есть мышление.

В словаре Брокгауза и Ефрона мышление в широком смысле определяется как «совокупность умственных процессов, лежащих в основе познания; к мышлению именно относится активную сторону познания: внимание, восприятие, процесс ассоциаций, образование понятий и суждений. В более тесном логическом смысле мышление включает в себе лишь образование суждений и умозаключений путем анализа и синтеза понятий» [7, с. 654].

Отметим, что в данном определении мышление сводится к познавательным процессам, не раскрывая сущности предмета мышления.

В Большом энциклопедическом словаре мышление определяется как «высшая степень человеческого познания. Позволяет получать знания о таких объектах, свойствах и отношениях реального мира, которые не могут быть непосредственно восприняты на чувственной ступени познания» [5, с. 774].

При таком подходе появляется вероятность отрыва мышления от чувственного познания (против чего выступал С. Л. Рубинштейн), сущность мышления заменяется его функцией получения знаний (что тоже ограничивает функции мышления). Осторожно следует относиться и к тому, что мышление есть высшая степень человеческого познания. Более точным было бы выражение: мышление прошло несколько стадий в филогенезе своего развития и включает чувственную и понятийную составляющие, при этом понятийная составляющая развивается на основе чувственной.

Не раскрывая сущность мышления на этапе чувственного познания, авторы сосредотачиваются на том, что это «высшая степень» познания вообще. Повторяя из издания в издание тезис о «высшей

ступени» как мантру», как магическое заклинание (что, во многом, соответствует уровню изученности мышления), психологи не предпринимают серьезных попыток определить его сущность.

Нам представляется, что для содержательного определения мышления необходимо вернуться к незаслуженно забытому в современной психологии понятию «мысль». Показательно, что, рассматривая мышление, всемирно признанные физиологи Артур К. Гайтон и Джон Э. Холл обращаются к понятию мысли. «Исходя из нервной активности, – пишут они, – можно сформулировать следующее предварительное определение мышления. Мышление – результат одновременной стимуляции определенной «структуры» многих частей нервной системы. Наиболее важными вероятными участниками этого процесса являются кора большого мозга, таламус, лимбическая система и верхние отделы ретикулярной формации ствола мозга. Это представление называют холистической теорией мышления... Сознание, вероятно, можно объяснить как непрерывный поток осознания нашего окружения или наших последовательных мыслей» [6, с. 807].

Как мы видим, данное определение мышления и сознания дается в вероятностном стиле. Авторы отмечают, что «самое трудное при обсуждении сознания, мышления, памяти и научения то, что мы не знаем нервных механизмов мышления и мало знаем о механизмах памяти» [6, с. 807]. Будем и мы иметь это в виду. Но для утверждения принципа психофизического единства при изучении мышления этого достаточно. Отметим, что глубокую трактовку принципа психофизического единства предлагает С. Л. Рубинштейн. «При разрешении психофизической проблемы, – пишет он, – с одной стороны, необходимо вскрывать органически-функциональную зависимость психики от мозга, от нервной системы, от органического «субстрата» психофизических функций: психика, сознание, мысль – «функции мозга»; с другой – в соответствии со специфической природой психики как отражения бытия – необходимо учесть зависимость ее от объекта, с которым субъект вступает в действительный и познавательный контакт: сознание – осознанное бытие ... Отражая бытие, существующее вне и независимо от субъекта, психика выходит за пределы внутриорганических отношений» [10, с. 25].

В психологическом исследовании вторая сторона является ведущей (не забывая о первой). В мышлении она проявляется как предметность мышления. «Исходные особенности мышления, как интеллектуальной операции, это объективность или предметная отнесенность его содержания: мысль направлена на предмет. Отношение мысли к независимому от нее предмету, объективность его содержания – самая существенная черта мыслительного процесса» [10, с. 305]. Отметим, что мысль не только направлена на предмет, мысль несет существенные характеристики предмета.

Исходя из сказанного, определим мышление как качественно специфический психический процесс, суть которого заключается в порождении мыслей и в работе с мыслями, используя систему интеллектуальных операций, направленную на разрешение задачи, посредством раскрытия объективных свойств, связей и отношений.

* * *

Рассмотрев основные познавательные процессы с позиции представленности в них мыслей, мы можем сделать важный вывод: данный подход позволяет проследить непрерывность и изменчивость мыслей у одного и того же субъекта при переходе от восприятия к представлению, воображению и мышлению. Раскрывается двойная функция мышления: порождение мысли и работа с мыслями. Традиционно эти познавательные процессы разделены и отнесены не к индивиду, а к выборке, на которой они изучаются. Но, следуя за Джеймсом, мы должны помнить, что психолога интересуют не только общие закономерности восприятия, памяти, воображения, мышления, но и то, как они представлены у конкретного человека. В данном случае нас интересует, как мысль рождается в восприятии и как она продолжает жить в содержании психики индивида.

Проблема это не нова. По отношению к изучению личности она была остро поставлена В. Штерном [19] еще в 1900-м году (мы приводим ее по русскому переводу 4-го издания 1921 года). Как известно, в начале своего исследования В. Штерн ставит, как он пишет, «принципиальный вопрос научно-теоретического характера – имеет ли право индивидуальность вообще, и особенно человеческая индивидуальность, быть предметом научного исследования?» [19, 206]. На первый взгляд, эта парадоксальная постановка вопроса. Но сторонники такого подхода утверждают, что наука изучает только общезначимые естественнонаучные закономерности. Разрешая данный вопрос, Штерна предложил разделить все науки на «нотетические», устанавливающие законы, и «идеографические», занимающиеся изучением индивидуальности. При этом, отмечал Штерн, не следует противопоставлять два эти подхода. Эти два подхода связаны друг с другом и, даже более, они с необходимостью дополняют друг друга. В качестве метода исследования индивидуальности он предложил биографический метод и метод психографии.

Биография, в концепции Штерна, отражает идею единства личности, психограмма отражает многообразие признаков, имеющих у личности.

К сожалению, приходится констатировать, что это требование к изучению индивидуального протекания всех познавательных процессов у конкретной личности, в психологии не было реализовано. Исследования сосредоточены на изучении общих закономерностей отдельных познавательных процессов. Единый процесс познания объекта конкретным индивидом остался в тени. И только переход к мысли, как основы психической деятельности, позволяет это сделать.

Литература

1. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М.: Советское радио, 1974.
2. Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
3. Аристотель. Этика. М.: АСТ, 2002. 492 с.
4. Бернштейн Н. А. Биомеханика и физиология движений. Избранные психологические труды / под ред. В.П. Зинченко. М.; Воронеж: Институт практической психологии: МОДЭК, 1997.
5. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1997.
6. Гайтон А. К., Холл Дж. Э. Медицинская физиология: учебник / пер. с англ. В. И. Кобрин. М.: Логосфера, 2008. 1296 с.
7. Малый энциклопедический словарь: В 4 т. Т. 3 / Репринт. воспр. изд. Брокгауза-Ефрона. М.: Терра-Терра, 1994.
8. Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т.4. М.: Мысль, 1994.
9. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии (методологические основы). Ярославль: Ярославский государственный университет, 177. 78 с.
10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999. 720 с.
11. Рубинштейн С. Л. Основы психологии. М.: Госучпедгиз, 1935. 595 с.
12. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. 224 с.
13. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989. 448 с.
14. Хайгл-Эверс А., Хайгл Ф., Отт Ю., Рюгер У. Базисное руководство по психотерапии. СПб.: Речь, Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2001. 784 с.
15. Шадриков В. Д. Мысль и познание. М.: Логос, 2014. 240 с.
16. Шадриков В. Д. Мысль и понимание. М.: Университетская книга, 2019. 168 с.
17. Шадриков В. Д. Мысль как психологическая категория // Психологический журнал. 2014. № 1. С. 130-137.
18. Шадриков В. Д. Некогнитивная психология. М.: Университетская книга, 2017. 368 с.
19. Штерн В. Дифференциальная психология и её методические основы. М.: Наука, 1998. 335 с.

Содержание, динамика и уровневая организация понятий в психологическом анализе субъективного времени¹

М. С. Роговин, Е. В. Карпова, г. Ярославль, Российская Федерация

Каждая отрасль науки имеет свою систему понятий, отражающую в целом уровень развития этой науки на определенном этапе. Психология не составляет в этом плане исключения, однако понятия психологии отличаются выраженной спецификой, что обусловлено целым рядом причин. Одной из них является своеобразие места психологии в системе наук [23, 26]. Немаловажную роль играет и процесс дифференциации психологии, благодаря которому психология превратилась в многоотраслевую науку. Каждая отрасль психологии имеет самостоятельное значение и формулирует понятия в ходе собственных экспериментальных и теоретических исследований. Прикладной характер психологических дисциплин также, по-видимому, определяет особенности понятий психологии, так как, решая конкретные задачи практики, психология не может не заимствовать понятия разных ее областей. Нельзя не учитывать и того, что психологические понятия выражают человеческую деятельность во всем ее многообразии и поэтому первоначально они не только порождаются самой этой деятельностью, но и являются ее составной частью [27]. Следует подчеркнуть и то, что исследование психологических феноменов неизбежно влечет за собой трудности описания их с помощью тех или иных понятий. Стремление к адекватному выражению сущности психологических явлений приводит к тому, что в языке психологии встречаются и понятия повседневного опыта, и операционные понятия, и понятия, отражающие принадлежность к определенной философской концепции. Можно согласиться с выводом о том, что система понятий современной психологии (которую лишь с очень большими оговорками можно назвать системой) представляется чрезвычайно разнородной [27]. Этот вывод справедлив не только по отношению к психологии в целом, но и для частных проблем, психологии.

Обращаясь к конкретной проблеме – проблеме времени и рассматривая ее, прежде всего, в общепсихологическом аспекте, можно заметить, что неоднородность, разнообразие применяемых в этой области понятий выступают еще более отчетливо. Известно, что «всесторонность, единство многообразных определений – неперенная особенность научного понятия» [5], что «понятие является такой формой отражения действительности, которая раскрывает сущность вещей, внутренние, коренные, определяющие свойства и признаки предметов» [14]. При описании приспособления человека к времени используют достаточно широкий диапазон понятий: отражение времени, ощущение времени, чувство времени, представление о времени, память на время, осмысление и осознание времени, организация поведения и деятельности во времени. Наряду с указанными употребляется и целая группа операционных понятий, связанных с решением определенных конкретных задач на время в различного рода экспериментах. В эту группу относят: оценку времени, отмеривание времени, воспроизведение времени и др. Все эти понятия, по-видимому, отличаются друг от друга качественно. Учитывая, что «образование (абстрактных) понятий и операций с ними уже включает в себя представление, убеждение, сознание закономерности объективной связи мира» [2], такое многообразие понятий о времени нельзя считать случайным. Факт многочисленности и разнородности временных понятий, охвата ими практически всех уровней психического отражения, начиная от элементарного ощущения и кончая организацией целостной деятельности во времени, вытекает, по всей видимости, из самой сущности сложного процесса приспособления человека ко времени. Вместе с тем сложному содержанию времени как параметру деятельности эти понятия отвечают не полностью.

Настоящая статья имеет целью анализ временных понятий в психологии. В этой связи необходимо остановиться на характеристике состояния проблемы времени в психологии, а также установить, чем обусловлено многообразие временных понятий и некоторые недостатки в их использовании. На этой основе можно наметить один из возможных путей более адекватного их осмысления и применения.

Как известно, проблема времени сложна и многогранна. Она исследуется в различных науках и с разных точек зрения: в философии и социологии [2, 11, 13, 20, 32]; в гуманитарных отраслях знания

[25]; естественных науках [12, 17-19]; в психологии [7-9, 16, 30, 34, 38, 41]. Несмотря на большое количество работ по проблеме психологического времени [42], считать ее достаточно разработанной нельзя. По существу, нет ни одной отрасли психологии, где бы исследователи не обращались к данной проблеме. Имеются работы по проблеме восприятия времени в области психофизики [6], психологии труда и инженерной психологии [9], психологии индивидуальных различий [16] (их особенно много в общей в экспериментальной психологии [7, 34, 38, 41]). Подчеркнем, что применительно к конкретным областям психологии исследования по данной проблеме проводились в соответствии с их специфическими целями и практическими потребностями. Так, только лишь в детской и педагогической психологии можно условно выделить по крайней мере следующие направления исследований, во-первых, ставится основная задача нацеленного формирования представлений о времени у детей, так как справедливо отмечается, что «оно составляет необходимую предпосылку развития причинно-следственного и теоретического мышления, а также условие, обеспечивающее познавательную деятельность в целом» [4]; во-вторых, выявляются особенности пространственно-временных представлений в детском возрасте, их генезис [33, 37, 39]; в-третьих, показана роль индивидуальных, половых различий в восприятии времени разных возрастных групп [8, 23]. Перечисленные направления, безусловно, не исчерпывают всех исследований проблемы времени в данной области психологии. Наиболее полную и фундаментальную разработку данная проблема получила в трудах Ж. Пиаже, который обосновал, в частности, определенную последовательность в развитии понятий о времени у детей – локальное время, операторное время, гомогенное время – и показал содержание и значение каждого из этапов [23].

Обращает на себя внимание большое число самых разнообразных методов исследования, подходов, интерпретаций проблемы времени. Так, в монографии Е. И. Головахи и А. А. Кроника представлена причинно-целевая концепция психологического времени, позволяющая выявить особенности отражения личностью временных отношений в масштабе жизни [10]. Проблема времени исследовалась в плане изучения влияния на восприятие времени мотивации [39], вида активности [38], эмоциональных состояний [7, 21, 38], сложности деятельности; анализировалась роль памяти в восприятии времени [28, 41], предпринимались попытки определить длительность «настоящего» и т. д. Однако, как справедливо указывал Р. Вудроу, «данные, собранные в такой столь трудно поддающейся конкретному исследованию области, как восприятие времени, характеризуются двумя выраженными особенностями. Одна из них состоит в противоречивом характере результатов, полученных в различных экспериментах. Другая – в умозрительном характере этих данных» [7]. В качестве иллюстрации первой особенности можно привести исследования влияния типа активности на восприятие времени. Так, в опытах Хартона периоды времени, заполненные сложной активностью, были оценены испытуемыми короче, чем такие же периоды, заполненные легкой активностью (цит. по [41]). Вместе с тем, по другим данным, взрослые переоценивают время выполнения наиболее сложного задания [8].

Получение несовпадающих, разнообразных результатов обусловлено целым рядом причин. Во-первых, сложностью самого предмета исследования, а также его качественной спецификой. Во-вторых, «односторонним» изучением данной проблемы, когда, как правило, берется один из факторов и изолированно (без учета остальных) изучается его влияние на восприятие времени. В-третьих, различием методов исследования, например воспроизведением того или иного интервала непосредственно или ретроспективно, посредством вербальной оценки или отмериванием. В-четвертых, в каждом конкретном случае весьма различается, видимо, совокупность внешних и внутренних условий при проведении экспериментов.

Для описания полученных результатов и обнаруженных феноменов привлекались разные временные понятия. Эти понятия страдают известной неточностью, неоднозначностью. Характерной особенностью является то, что отсутствуют, как правило, определения применяемых понятий. Неизбежно возникают вопросы: какой смысл вкладывается в данное понятие? Отражают ли эти понятия существо решаемых задач? Так, например, нередко употребляется понятие «отражение времени». Отражение – это философский термин. Он предполагает взаимодействие субъекта и объектов. Однако данный термин не содержит указания на конкретный психологический механизм, и поэтому его употребление в буквальном, прямом смысле может вызывать возражения: какое взаимодействие имеется в виду в данном случае? Что выступает здесь наряду с личностью в качестве второго компонента взаимодействия?

Отсутствие в большинстве случаев определения используемых временных понятий препятствует сопоставлению результатов. Если, например, в одной работе говорится об ощущении времени, а в другой – о чувстве времени, то можно ли полученные результаты сравнивать? Может быть, авторы имеют в виду что-нибудь качественно различное, даже если результаты получены с помощью аналогичных методов?

¹ Библиографическая справка публикации: «Роговин М. С., Карпова Е. В. Содержание, динамика и уровневая организация понятий в психологическом анализе субъективного времени // Вопросы психологии. № 3, 1985. С. 57-66.

Другой факт: в соответствии со своими узкими задачами авторы вкладывают в понятия смысл, далекий от общепринятого. Так, М. Ф. Пономарев считает восприятием времени оценку испытуемым времени собственной реакции [24]. Возможно, что такое понимание допустимо, если удовлетворяет задачам, решаемым автором. Однако это понятие употребляется и в широком смысле – как форма приспособления к изменениям. Понятие восприятия времени рассматривается также и как количественный результат применения различных методов исследования (отмеривания, воспроизведения [36]).

Разный смысл вкладывается и в понятие «чувство времени». Чаще оно отражает «внутреннее», субъективное переживание времени. Это может быть переживание времени как тянущегося долго (например, в случае ожидания, скуки) либо как проходящего быстро (время, заполненное деятельностью, эмоционально положительно окрашенное) [7, 19], [38]. Сходное представление вкладывается в данное понятие и в психопатологии [17, 21], [31]. Совсем иной смысл, однако, принимает понятие «чувство времени» в контексте практической деятельности. Так, С. Г. Геллерштейн, говоря о необходимости выработки в ряде конкретных профессий навыка оценивания временных длительностей, также применяет понятие «чувство времени», подчеркивая при этом необходимость его развития, тренировки [9].

Довольно часто для обозначения приблизительно одних и тех же явлений используются различные понятия и терминология, что правомерно рассматривается в качестве негативного фактора [18]. Кроме того, имеют место и случаи, когда в рамках одной статьи можно встретить употребление нескольких понятий для обозначения одного явления в этой области, что можно расценивать как свидетельство недостаточной последовательности и неоправданно широкого и нестрогого их применения.

Смещение понятий и неуточненное их применение отнюдь не «чисто словесное противоречие» [24], а принципиальный вопрос. Следует отметить, что вопрос об адекватности использования временных понятий и их соотношения возник давно и неоднократно упоминался в литературе. Так, Т. А. Доброхотова и И. Н. Брагина пишут: «Естествен... вопрос о том, идентичны ли понятия, которые вкладываются в термины «восприятие», «переживание», «чувство», «ориентировка», когда имеются в виду реальное пространство и время. Скорее всего, они не идентичны. Может оказаться, что они различны существенно» [12].

Одним из факторов, установленных при изучении проблемы времени в психологии, было обнаружение тенденции либо к переоценке, либо к недооценке временных отрезков. Это связывалось с индивидуальными особенностями субъектов [16], указывалось на нестойкий характер этих тенденций, возможность их смены [8], отмечалась также зависимость той или иной тенденции, от величины интервалов. Известен, например, закон, согласно которому короткие интервалы переоцениваются, а длинные – недооцениваются [7]. Однако понятия «недооценка», «переоценка», «ускорение», «замедление» времени понимаются по-разному, и недаром Р. Вудроу подчеркивал, что термины эти нуждаются в тщательном определении [7]. Остановимся на этом несколько подробнее.

Авторы некоторых работ стоят на позиции, согласно которой сложившаяся в сознании испытуемого переоценка временного интервала ведет к недооценке этого интервала в эксперименте (например, к преждевременной остановке секундомера, и наоборот [24]). По мнению других исследователей, оценка временного интервала испытуемым как более длинного означает, что и субъективно время для него кажется более длинным. В этом плане можно сделать некоторые замечания.

Во-первых, чтобы избежать путаницы, нужно учитывать и подробно описывать методику исследования восприятия времени, так как, например, есть данные, согласно которым оценка интервалов и отмеривание их находятся в обратных отношениях [16]. Во-вторых, по всей видимости, нельзя согласиться полностью с тем, что переоценка интервала в эксперименте означает недооценку его в сознании субъекта, и наоборот. Вряд ли можно говорить о таком однозначном соотношении. Видимо, вопрос субъективного переживания времени является более сложным. Можно привести в качестве примера данные патологии, когда переоценка временных интервалов депрессивными больными в эксперименте совпала с клиническими показателями и субъективными жалобами больных на чувство замедления времени [17, 30]. Вместе с тем имеют место случаи, когда больные отмечают у себя чувство замедления времени, однако экспериментально, методом воспроизведения интервалов это не подтверждается [21]. «Заметим также, что и при изучении патологии восприятия времени имеют место случаи различной трактовки вышеназванных понятий – замедления, ускорения, недооценки и переоценки. Так, больной, который считал сутки за полчаса, по мнению автора, описавшего данный случай, замедлял время. Однако справедливо отмечается, что если посмотреть с позиции больного, то в его представлении время ускорялось [31].

Приведенные случаи, помимо того что наглядно демонстрируют сложность внутреннего субъективного переживания времени, многообразие нарушений восприятия времени, указывают также и на наличие в некоторых случаях определенного «разрыва» между тем, что получается в эксперименте, и тем, что субъективно чувствует испытуемый. Сказанное относится также и к случаям, когда субъект нахо-

дится в экспериментальных условиях (длительное пребывание в одиночестве, в условиях сенсорной депривации, невесомости и т. д.). Так, например, влияние стрессовой обстановки на восприятие времени позволяет говорить и о недооценке, и о переоценке временных интервалов, так как была показана U-образная криволинейная зависимость изменений оценки времени от степени эмоционального возбуждения (углубление эмоционального возбуждения приводит к ослаблению тенденции, к переоценке заданных интервалов и смене ее на противоположную [8]).

Если субъект переоценивает интервал времени, то и следует говорить о том, что имеется тенденция к переоценке временного интервала, а не предполагать, не утверждать, что в сознании субъекта этот временной интервал переживается как более короткий. Такое утверждение означает, по существу, переход к другой проблеме — проблеме субъективного переживания времени. Она требует специального анализа, и касаться ее целесообразно лишь в определенных случаях. Так, например, проблема переживания времени в самых различных проявлениях исследуется в области психопатологии ([17, 21]), в клинике очаговых поражений головного мозга. Именно исследование искаженных переживаний времени имеет значение, например, в решении проблемы влияния функциональной асимметрии головного мозга на формирование пространственно-временной структуры психики [12]. Для исследования прошлых, настоящих и предполагаемых событий в рамках причинно-целевой концепции психологического времени необходимо также обращение к внутренним, субъективным переживаниям этих событий личностью, которые могут оказаться в разной степени психологической удаленности от времени их осуществления в зависимости от степени реализованности и потенциальности событий [10]. Приведенные примеры подтверждают сложность вопроса о субъективном переживании времени.

Таким образом, в качестве причин не всегда адекватного применения понятий при изучении проблемы времени в психологии могут быть названы по крайней мере следующие: принципиально разный характер применяемых методик при изучении данной проблемы, разнообразие и неоднозначность полученных в экспериментах результатов, отсутствие определения понятий. Подчеркнем, что перечисленные причины неравноценны. Все сказанное свидетельствует об имеющейся значительной сложности в отношении временных понятий и их адекватного, корректного применения. В данном контексте уместно вспомнить мысль Ф. Энгельса, который указывал: «Сперва создают абстракции, отвлекая их от чувственных вещей, затем желают познавать эти абстракции чувственно, желают видеть время и обонять пространство» [1, с.550].

Обсуждение проблемы психологии времени свидетельствует о ее чрезвычайной сложности, о недостаточном уровне ее разработанности, о неопределенности, неоднозначности применяемых при ее изучении понятий. Вместе с тем запросы теории и практики требуют разработки данной проблемы. Одной из важных сторон ее разработки является упорядочивание применяемых при исследовании понятий. С учетом сказанного попытаемся сформулировать свою точку зрения по данной проблеме. При этом, прежде всего, подчеркнем, что мы основывались на общих взглядах и подходах, содержащихся в классических работах И. М. Сеченова, И. П. Павлова, М. Гюйо, П. Жане и других исследователей, рассматривавших проблему психологии времени с материалистических позиций и подчеркивавших не только роль и значение истории и культуры в развитии временных представлений человека, но и его конкретной деятельности.

Начнем с анализа наиболее общего и фундаментального понятия психологии времени – понятия отражения времени. В процессе отражения времени объект взаимодействия не представлен прямо, непосредственно. Это обстоятельство, как известно, вытекает из принципиально иной качественной определенности временных свойств, чем свойств невременных, но вместе с тем делают необходимым определить психологические механизмы отражения времени. Первично и реально взаимодействуют между собой и отражаются только материальные системы во всем многообразии их свойств, в том числе, по-видимому, и временных: «...восприятие пространства и времени немислимо без отражения материального содержания пространственно-временных отношений» [3]. Человек как специфическая материальная система, взаимодействуя с разнообразными по сложности организации материальными системами, решает различные по сложности задачи. Это объективно детерминирует и различную сложность форм взаимодействия и механизмов психического отражения реальности. Так, для отражения наиболее простых уровней организации материальных систем, решения относительно элементарных (например, сенсорно-перцептивных) задач достаточно уровней ощущения и восприятия. Для решения более сложных задач, предполагающих взаимодействие с более высокоорганизованными и сложными объектами отражения, необходимы переход и к более совершенным формам их отражения, включение более «мощных» уровней психики. Например, ориентировка в предметной среде требует учета семантических характеристик ситуации и предполагает включение речемыслительного уровня отражения. Подтверждением этого положения могут служить экспериментальные данные, согласно которым

между показателями точности отсчета различных по длительности временных интервалов (коротких и длинных) отсутствует значимая корреляционная связь [36], что, по всей видимости, предполагает наличие различных механизмов восприятия времени. Таким образом, чем более организованными и сложными являются материальные системы, с которыми взаимодействует человек, чем сложнее решаемые им при этом задачи, тем более сложные формы отражения необходимы для этого, тем более высокоорганизованные уровни психики включаются в этот процесс. Данный вывод является, как известно, одним из основных в структурно-уровневой трактовке психики и деятельности [29].

Следует также отметить, что разные по сложности организации материальные системы обладают и существенно разной, временной организацией, разными временными свойствами. Установлено, что чем выше уровень сложности системы, тем более сложной становится и ее временная организация. В частности, показано, что при этом возрастает так называемый «собственный масштаб времени» системы [19]. Диапазон собственных временных масштабов материальных систем очень велик и, вероятно, определяется диапазоном различий сложности самих материальных систем. Следовательно, для того чтобы адекватно приспособиться к среде, состоящей из материальных систем с существенно разным собственным масштабом времени, субъект должен иметь возможность отражать эти масштабы времени в достаточно широком диапазоне, начиная от малых масштабов простых систем и кончая большими масштабами сложноорганизованных систем. Наиболее вероятно, что отражение собственного масштаба времени систем, их временных свойств первоначально включено в процесс материального взаимодействия этих систем с субъектом. Вторично оно вычлняется из этого взаимодействия как относительно независимое его звено. Следовательно, можно считать, что отражение временных свойств материальных систем осуществляется, как минимум, на том же уровне психики, который обеспечивает правильность отражения всех их невременных свойств, т. е. на уровне, соответствующем сложности отражаемых материальных систем.

Разная сложность систем, с которыми взаимодействует человек, обуславливает и существенно разную сложность, организованность необходимых для этого форм психического отражения. Актуализируется тот уровень психики, который по своей сложности достаточен для решения возникающих задач. Аналогичным образом обстоит дело, по-видимому, и с отражением временных свойств материальных систем. Чем более сложными являются эти системы, тем более сложными временными свойствами и большим собственным масштабом времени они обладают, тем более высокоорганизованный уровень психики должен включаться в процесс приспособления к времени. Однако в психике человека, по-видимому, нет специального и автономного аппарата приспособления к времени. Для этих целей, вероятно, используются все уже имеющиеся у человека психические механизмы и процессы, привлекаются все те же уровни психического отражения и их операционные средства, которые эволюционно сформировались для решения любых других задач адаптации. Именно поэтому в психологии для описания процесса приспособления к времени и закрепились та же самая терминология, которая описывает приспособление человека к другим, не временным свойствам реальности. Эта терминология, как отмечалось, охватывает собой практически все существующие процессы и даже содержит указание на организацию действий и деятельности во времени, отражая тот факт, что для приспособления к временным свойствам объектов субъект использует механизмы и средства, производные от средств и механизмов психических процессов разного уровня.

Естественно, что, решая временные задачи, субъект использует операционные средства каждого психического процесса в достаточно специфической форме, причем качественная определенность используемых процессуальных средств остается в рамках данной задачи постоянной. Поэтому мы и говорим об ощущении, восприятии, осознании времени как о разных процессах. Так, когда употребляются понятия «ощущение», «восприятие времени», то имеется в виду именно ощущение или восприятие (но, например, не осознание) коротких длительностей, не требующих, как правило, специального анализа, привлечения внешних опор, эталонов, мыслительных операций и т. д. С усложнением задач, с увеличением сложности отражаемых материальных систем с большими временными масштабами (а в эксперименте – с увеличением длительности и усложнением содержания интервалов времени) требуется вовлечение более высоких уровней психических процессов и употребляются, соответственно, другие понятия (осмысление, осознание, память на время). Обозначение тем или иным понятием процесса приспособления к времени указывает на то, что соответствующий этому понятию психический процесс является ведущим. И, видимо, каждый более высокий уровень привлекается лишь тогда, когда нижележащие уровни в целом уже не могут обеспечить или затрудняют адекватное приспособление к временной организации тех или иных предметов и явлений. Соответственно, возможности каждого более высокоорганизованного уровня выше, чем у нижележащих; последние входят в качестве составных компонентов в состав общей оценки больших длительностей. Необходимо, видимо, также помнить, что

эти уровни функционируют согласованно, а «...картина временной согласованности... тем сложнее, чем выше, организованнее целое, чем большим количеством одновременно и последовательно функционирующих частей оно обладает» [5]. Эта временная согласованность уровней, определенный порядок, взаимосвязь и взаимодополняемость и обеспечивают адекватное, полное приспособление человека к времени.

Таким образом, можно заключить, что процесс приспособления человека к времени имеет уровневую структуру.

Уровни этой структуры есть не что иное, как уровни психики в целом, психические процессы, организованные в соответствии с необходимостью решения специфической задачи – отражения и учета временных свойств объектов. Для этого как раз и используются операционные средства и механизмы каждого уровня, специфические возможности каждого из существующих психических процессов. Данный вывод подтверждается тем фактом, что складывающаяся в течение длительного времени при изучении данной проблемы терминология во многих основных чертах повторяет терминологию, описывающую структуру психики в целом и отдельные ее уровни. Каждый уровень, входящий в структуру процесса приспособления к времени, ответствен преимущественно за отражение некоторого достаточно ограниченного диапазона временных масштабов материальных систем (посредством ощущения или восприятия времени, например, можно приспособиться лишь к относительно небольшим интервалам; оценка больших длительностей предполагает уже осмысление и осознание времени). Однако в своей совокупности ограниченные диапазоны каждого уровня, объединяясь, обеспечивают возможность приспособления к достаточно широкому диапазону собственного масштаба времени самых разных по сложности материальных систем, что совершенно необходимо для адаптации. Механизмы приспособления к времени, свойственные каждому уровню, онтогенетически формируются в единстве с формированием операциональных механизмов каждого уровня психических процессов. На достаточно поздних этапах онтогенеза они могут функционировать в автоматизированной форме, и тогда приходится говорить о «навыках» оценки времени. Кроме того, временные масштабы систем, с которыми субъект взаимодействует, должны закрепляться и в динамике функционирования каждого уровня психики. Закрепляясь таким образом, данное взаимодействие и выступает в виде «непрерывного течения» времени, даже в отсутствие непосредственного контакта с материальными объектами. В этом, по-видимому, заключается причина ощущения в норме непрерывности субъективного времени.

Структурно-уровневая трактовка восприятия времени может быть проиллюстрирована на некоторых материалах, полученных в детской и педагогической психологии. Прежде всего необходимо отметить в этой связи операциональную концепцию интеллекта Ж. Пиаже. В ней развито положение о стадильности интеллектуального развития ребенка. Отдельные стадии интеллектуального развития «можно трактовать как стадии психического развития в целом, так как развитие всех психических функций на всех этапах подчинено интеллекту и определяется им» [22]. Каждая новая стадия характеризуется большими психическими возможностями, формированием новых операционных механизмов. Наряду с этим исследование генезиса времени позволило Ж. Пиаже сделать вывод и о стадильности формирования представлений о времени (см. выше). Генезис временных понятий и представлений рассматривался им в тесной связи со становлением определенных операциональных структур. Так, например, способность определять место одних изменений в системе других (что и позволяет, в частности, датировать события) формируется лишь к моменту, когда ребенок овладевает интеллектуальными операциями, т. е. к 7 годам [34]. Таким образом, развитие представлений о времени у детей находится, по-видимому, в тесной и необходимой связи с развитием психических функций. Только при условии зрелости всех функций достигается адекватное отражение временных отношений. По мере формирования и совершенствования психических процессов в ходе онтогенеза обеспечивается и все более адекватное приспособление к временным характеристикам среды, овладение все более сложными временными представлениями и средствами приспособления к времени. Итак, стадильность интеллектуального развития и стадильность генезиса представлений о времени выступают в исследованиях Ж. Пиаже как глубоко взаимосвязанные и взаимообусловленные явления. Становление новых операционных структур интеллекта, перевод их на новые уровни функционирования выступают в онтогенезе как предпосылка для формирования все более совершенных средств приспособления к времени.

В работе А. А. Шароян [37] показана гетерохронность развития чувства времени у детей. Пики колебаний ошибок оказываются по-разному размещенными по возрастной шкале. Можно предположить, что эта гетерохронность развития чувства времени обусловлена неравномерностью психического развития, разной степенью тех или иных уровней психики, которые обеспечивают отражение различных временных длительностей. Эти данные также могут служить подтверждением предположения об уровне строения процесса восприятия времени.

Е. М. Гареевым [8] было установлено, что к 6–7 годам дети могут точно отмеривать короткие временные интервалы, но переоценивают их словесно в несколько десятков раз. Столь большая переоценка детьми интервалов времени может быть объяснена тем, что в этом возрасте не получил еще полного развития речемыслительный уровень отражения времени, недостаточно сформированы представления о времени и временных эталонах. Имеются данные, которые показывают, что существует корреляционная зависимость между овладением системой глагольных категорий времени, вида, залога и представлениями детей о пространстве и времени [35]. А метод словесной оценки требует как раз умения владеть различного рода способами опосредованной оценки времени. Естественно, что если, например, величина длительности, содержание, метод ее определения таковы, что требуют речемыслительного уровня отражения, активного использования эталонов, различных опосредований, внешних опор и других средств, то оценка ее будет менее точна в том случае, если объективно необходимый уровень психики для адекватного отражения этой длительности на данном возрастном этапе еще недостаточно сформирован. Метод отмеривания в этом отношении является более продуктивным и обеспечивает большую точность, что, по всей видимости, связано с хорошо развитой в возрасте 6–7 лет способностью непосредственного удержания в памяти длительности интервалов. По-видимому, данный метод «провоцирует» тот способ оценки временной длительности, где ведущим является мнестический уровень, именно непосредственная память в данном случае играет определяющую, главную роль. Максимальное развитие непосредственной памяти в данном возрасте и обеспечивает более адекватную оценку временных длительностей методом отмеривания, чем методом оценки.

В работе Л. Б. Эймса [39] показано, что овладение временными представлениями не появляется у ребенка сразу, само по себе, а проходит несколько этапов, каждый из которых характеризуется определенным достижением, приобретением в плане временных представлений. Автор выделяет одиннадцать возрастных уровней, которые качественно отличаются друг от друга по содержанию и степени сложности временных представлений. Подчеркивается, что овладение временными представлениями зависит главным образом от факторов роста и процесса развития языка. На примере привлечения ребенком новых языковых средств, увеличения объема вербализации, отражающих время и временные отношения на разных возрастных уровнях, показаны динамика, усложнение, генезис у него временных представлений. Так, в частности, установлено, что если в 4 года у ребенка сформировано представление о том, утро сейчас или полдень, то знание о том, какой сейчас месяц, сезон, приобретает только к 7 годам.

В рассматриваемой работе не только был выявлен с особенной четкостью структурно-уровневый характер отражения времени, но и были показаны разнообразные конкретные формы его проявления. Здесь можно выделить по меньшей мере три различных аспекта во временной уровневой структуре представлений ребенка от 1,5 до 8 лет, причем эти аспекты рассматриваются в непосредственной зависимости от развития его речи и овладения системой понятий, выражаемых в языке повседневного общения. Во-первых, аспект адекватности отражения временных промежутков непосредственно в поведении; здесь налицо следующие уровни: а) ожидание в соответствии со значением обозначающего слова; б) спонтанное использование такого рода слов; в) адекватные ответы на вопросы, включающие в себя временные понятия. Во-вторых, аспект понимания обозначающих время слов в зависимости от развития речи как средства замещения реального действия; здесь налицо следующие уровни: а) понимание, порожденное в ходе непосредственной активности; б) упорядочивание во времени (30 месяцев); в) использование слов, обозначающих длительность (не ранее 36 месяцев). Третий аспект: а) понимание значений слов, обозначающих время, ограниченное их субъективной однородностью в рамках конкретной, непосредственно постигаемой ситуации и в рамках временных промежутков, выходящих за рамки непосредственной ситуации (недели, месяцы, годы).

Приведенные данные генетического исследования проблемы времени в определенной степени демонстрируют правомерность рассмотрения процесса восприятия времени с структурно-уровневых позиций.

Таким образом, в данной статье был сформулирован структурно-уровневый подход к изучению процесса восприятия времени. Попытка объяснения восприятия времени с уровней позиций позволяет, во-первых, преодолеть трудности, связанные с употреблением временных понятий при изучении данной проблемы, а во-вторых, может способствовать решению более общих проблем психологии времени. Приведенные выше некоторые генетические данные подтверждают правомерность рассмотрения этой проблемы с точки зрения структурно-уровневого подхода. Структурно-уровневое понимание проблемы психологии времени, а также некоторые конкретные пути разработки этого подхода, намеченные в данной статье, могут способствовать расширению представлений о психике как системной организации.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38.
3. Ананьев Б. Г. Пространственное различение. Л., 1955. 187 с.
4. Андриевская В. В. Использование младшими школьниками категории времени при интерпретации изображений // Новые исследования в психологии. 1980. № 1. С. 34-36.
5. Афанасьев В. Г. Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964. 416 с.
6. Багрова Н. Д. Фактор времени в восприятии человеком. Л. 1980. 96 с.
7. Вудроу Р. Восприятие времени. В кн.: Экспериментальная психология / ред. С. С. Стивенс. М., 1963. Т. 2. С. 859-875.
8. Гареев Е. М. Методы отсчета субъективного времени у человека. – В кн.: Фактор времени в функциональной организации живых систем. Л., 1980. С. 128-131.
9. Геллерштейн С. Г. Чувство времени и скорость двигательных реакций. М., 1958. 119 с.
10. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. Киев, 1984. 207 с.
11. Гюйо М. Происхождение идеи времени. Т. 2. СПб., 1898.
12. Доброхотова Т. А., Брагина И. Н. Функциональная асимметрия и психопатология очагового поражения мозга. М., 1977. 358 с.
13. Кармин А. С. Познание бесконечного. М., 1981. 229 с.
14. Курсанов Г. А. Диалектический материализм о понятии. М., 1963. 322 с.
15. Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М., 1980. 358 с.
16. Лисенкова В. П. Об особенностях отражения пространства и времени человеком // Психологический журнал, 1981. Т. 2. № 1. С. 113-119.
17. Меграбян А. А. Общая психопатология. М., 1972. 233 с.
18. Меринг Т. А. Категория «время». Структурно-функциональные основы механизмов отсчета времени. – В кн.: Методологические аспекты науки о мозге. М., 1983. С. 123-133.
19. Моисеева Н. И. Некоторые методологические аспекты изучения понятия времени в биологии. – В кн.: Методологические вопросы теоретической медицины. Л., 1975. С. 87-116.
20. Молчанов Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М. 1977. 192 с.
21. Нуллер Ю. Л. Экспериментальная оценка методики воспроизведения интервалов времени // Вопросы психологии, 1964. № 4. С. 94-98.
22. Обухова Л. Ф. Концепция Ж. Пиаже: за и против. М., 1981. 191 с.
23. Пиаже Ж. Избранные психологические произведения. М., 1966. 659 с.
24. Пономарев М. Ф. Экспериментальное исследование некоторых двигательных реакций в связи с восприятием времени // Вопросы психологии, 1960. № 3. С. 79-87.
25. Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974. 305 с.
26. Роговин М. С. Введение в психологию. М., 1969. 375 с.
27. Роговин М. С. Психологическое исследование. Ярославль, 1979. 66 с.
28. Роговин М. С. Философские проблемы теории памяти. М., 1966. 167 с.
29. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль, 1977. 78 с.
30. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946. 746 с.
31. Скворцов К. А. О расстройствах восприятия времени у душевнобольных // Советская невропатология, психогигиена. Т. 4. Вып. 3. С. 17-35.
32. Уитроу Дж. Естественная философия времени. М., 1964. 430 с.
33. Федотчев А. И. Восприятие, репродукция и оценка времени у школьников // Вопросы психологии, 1984. № 1. С. 80-86.
34. Фресс П. Восприятие и оценка времени. В кн.: Экспериментальная психология / ред.-сост. П. Фресс, Ж. Пиаже. М., 1978. С. 88-135.
35. Халаим А. Ф. Отражение пространства и времени грамматическими категориями глагольного времени, вида и залога на различных этапах обучения детей в школе. – В кн.: Проблемы восприятия пространства и времени. Л., 1961. С. 206-207.
36. Чуприкова Н. И., Митина Л. М. Теоретические, методические и прикладные аспекты проблемы восприятия времени // Вопросы психологии, 1979. № 3. С. 16-24.
37. Шароян А. А. Возрастные особенности чувства времени у школьников (от 7 до 16 лет) ... автореф. канд. дис. М., 1982. 24 с.
38. Элькин Д. Г. Восприятие времени. М., 1962. 300 с.
39. Ames L. B. The development of the sense of time in the young child // J. of Genetic Psychol. 1946. V. 68. P. 97-125.
40. Filer R. and Meals D. The effect of motivating conditions on the estimation of time // J. Exp. Psychol. 1949. V. 39. P. 327-331.
41. Frankenhaeuser M. Estimation of time. Stockholm, 1959.
42. Lelkind J., Sprug J. Time research: 1172 studies. München, 1974.

Уроки мастера: человек, который знал все. Несколько штрихов к портрету М. С. Роговина

В. А. Мазилев, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе бесед с профессором М. С. Роговиным содержится попытка создания эскиза психологического портрета выдающегося ученого-психолога. Беседы с М. С. Роговиным проходили в 1973–1982 гг. на факультете психологии Ярославского государственного университета. М. С. Роговин был неординарно мыслящим человеком, философом психологии, многие его оценки сохраняют свою актуальность и значимость и сегодня.

Ключевые слова: М. С. Роговин, психология, факультет психологии, история психологии

«Проходит жизнь, проходит жизнь как ветерок по полю ржи», как пелось в замечательной песне Бориса Полоскина, которая была очень популярна когда-то на факультете психологии Ярославского университета в уже такие далекие от сегодняшнего дня 1970-е годы. Причем настолько быстро проходит время, что не всегда успеваешь оглянуться... Вот сегодня мы готовимся отметить 100-летие со дня рождения Михаила Семеновича Роговина (1921–1993), одного из наших замечательных учителей. Сто лет назад, совсем другая эпоха... Когда Мастер родился в Москве, еще продолжалась гражданская война, еще только начиналась новая экономическая политика, еще не был образован СССР... А ведь Михаил Семенович был нашим современником, автор настоящих строк (как мне доподлинно известно, и многие мои однокурсники и, конечно, студенты более младших курсов) очень многим обязаны в своем профессиональном становлении этому замечательному человеку и педагогу, мудрому наставнику, профессору-энциклопедисту с совершенно фантастической эрудицией.

Я о Михаиле Семеновиче... В этой небольшой заметке хочу поделиться воспоминаниями о встречах с Михаилом Семеновичем, которые оставили неизгладимый след в моей жизни, как и в жизни многих моих друзей и сокурсников, да и, похоже, практически всех, кто в те годы учился на факультете.

Я прекрасно помню тот осенний день 1973 года, когда я впервые услышал о М. С. Роговине как профессоре нашего факультета. Заведующий кафедрой общей психологии Ю. К. Корнилов в коридоре сказал, что на кафедре теперь будет работать москвич, профессор-психолог М. С. Роговин. Помню, как мелькнула мысль: «Неужели, это он». Дело в том, что нашим учителям удалось с первых дней нашей учебы вселить в студентов-первокурсников мысль, что освоение психологии – это в первую очередь чтение первоисточников. Книг по психологии тогда было совсем немного, за ними велась настоящая «охота». Особенно удачными оказывались поездки в Москву, в букинистических магазинах находились издания по психологии предыдущих лет. Особенно «богатыми» на находки оказывались магазины в самом центре столицы, в Камергерском переулке. В одно из таких посещений «Книжной лавки писателей» (о ее истории, философах, писателях и поэтах, открывших ее и работавших в ней я, конечно, узнал много позже, как и о самом этом здании, фигурирующем в романе Б. Л. Пастернака: в окне этого дома в Камергерском горела та самая свеча из бессмертного стихотворения – «свеча горела на столе, свеча горела»... Помните? «Они проезжали по Камергерскому. Юра обратил внимание на черную протаявшую скважину в ледяном наросте одного из окон. Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи, проникавший на улицу почти с сознательностью взгляда, точно пламя подсматривало за едущими и кого-то поджидало. «Свеча горела на столе. Свеча горела...» – шептал Юра про себя начало чего-то смутного, неоформившегося, в надежде, что продолжение придет само собой, без принуждения. Оно не приходило») моим очередным «трофеем» стала книга М. С. Роговина «Введение в психологию» [6]. Возвращаясь домой, в электричке я раскрыл этот томик, настроившись на легкое и приятное чтение. Казалось бы, за время обучения (я к тому моменту уже заканчивал первый курс и о психологии, как мне тогда казалось, имел некоторое представление) уже сложилась некоторая картина того, «что есть психология» и откуда она появилась. Чтение оказалось крайне приятным, но далеко не легким. Представление, которое было у меня о психологии,

М. С. Роговин в детстве

с каждой страницей необратимо разрушалось, поскольку упоминались совсем другие имена, мне тогда совершенно или почти не известные. Короче, создавалась совсем другая картина... Я понял, наконец, что томик этот действительно введение, но в другую психологию, в ту, которой пока что нет. Но которая должна появиться. Это было потрясением...

Извините меня, немного отвлекся...

Профессора в ту пору были большой редкостью. На психологических кафедрах в Ярославском университете тогда был всего один профессор – Василий Степанович Филатов (Н. П. Ерастов, хотя и читал на факультете курс логики, продолжал работать в педагогическом институте, в ЯрГУ он пришел лишь в 1974 году) – но в 1973 В. С. Филатов уже сильно болел и появлялся на кафедре очень редко. В тот же день я встретил М. С. Роговина в вестибюле здания на Крестьянской (Андропова), где тогда локализовался психологический факультет. Это был невысокий крепкий человек, с короткой стрижкой, в которой не было заметно седины, очень обаятельный, располагающий к себе и доброжелательный, с немного прищуренными глазами, из-за чего его улыбка выглядела какой-то не то чтобы хитровой, не то, чтобы была усмешкой (в том числе и над собой), но вносила в общий облик неповторимость и уникальность. В результате размышлений (правда, это было много позже) я понял, что впечатление от его «прищуренной улыбки» правильнее всего интерпретировать как знак понимания им сложности мира и бесконечности познания: «Да, так оно, конечно, верно, хотя можно взглянуть на это дело и несколько глубже». Сама личность М. С. Роговина устойчиво ассоциировалась у меня с образом философа-стоика... М. С. Роговин был очень глубоким человеком, очень многое понимающим, но никогда не проявлявшим снисходительности даже по отношению к студенту, всегда разговаривал на равных...

Поскольку на факультете тогда существовал принцип «короткой дистанции» в общении, я, впервые увидев человека, ничтоже сумняшеся подошел к Михаилу Семеновичу, представился и обратился с просьбой о консультации. Из книги М. С. «Введение в психологию» я знал про его давнюю диссертацию о понимании [6], поэтому спросил, могу ли я в удобное для него время задать несколько вопросов о проблеме понимания, что меня тогда очень интересовало. Такая консультация состоялась на следующий день и это была первая из практически бесконечной их череды...

Для того, чтобы понять, какой «находкой» для факультета был Михаил Семенович, нужно представлять себе в условиях какого информационного дефицита мы жили. В официальных источниках информации трудно было найти какие-либо сведения о персоналиях, работах, событиях. Это совсем не удивительно, если вспомнить о драматической (моментами трагической) истории психологии в нашей стране в течение бурного XX века, когда само ее существование как науки оказывалось проблематичным. Или если вспомнить, что стоило какому-то зарубежному мыслителю дать неосторожное интервью, как он надежно исчезал из доступного тогда «информационного пространства» и о его дальнейшей судьбе и событиях в биографии приходилось лишь гадать. Михаил Семенович представлял собой уникальную личность – он знал практически все о психологах, философах, теориях, событиях. Очень легко вносил ясность в самые запутанные вопросы. Получив консультацию у М. С., ты уходил с новыми сведениями и, соответственно, новыми перспективами. Поняв, что это не только не раздражает мэтра, а, напротив, доставляет удовольствие, ибо М. С. был очень щедрым человеком, уходя, ты уже планировал, о чем стоит спросить при следующей встрече.

Всю свою жизнь он очень много читал на разных языках. С 1953 года он работал в библиотеке института научной информации общественных наук (ИНИОН), где был хороший доступ к научной литературе, в том числе и иноязычной. В свободное время М. С. посещал другие библиотеки. Как отзывался о нем один из его научных руководителей Владимир Михайлович Коган (1903-1985), который еще в двадцатые-тридцатые годы XX столетия был известным психотехником:

Экземпляр учебного пособия Ю. К. Корнилова «Мышление в производственной деятельности», подаренный автором М. С. Роговину в 1985 году

«М. С. – молодой человек, который, на мой взгляд, слишком много времени проводит в библиотеках»... И правда – тогда М.С. было чуть за пятьдесят – по нынешним меркам совсем молодой.

Поскольку М. С. Роговин обладал могучим интеллектом и прекрасной памятью, знания его были организованы очень четко и в нужный момент неизменно актуализировались... О чем жалею до сих пор, так это о том, что не записывал подробно по следам этих бесед: вполне могла получиться книжка «500 бесед с профессором Роговиным»... Увы, тогда таких мыслей просто не было. Вначале пользовался удобным случаем, чтобы что-то остроактуальное спросить... Затем М. С. стал читать нам курсы нейропсихологии, психогигиены и патопсихологии. И совершенно незабываемый источник общения – практические занятия с профессором Роговиным на базе психиатрической больницы. М. С. Роговин пользовался у психиатров огромным авторитетом. Для студентов-психологов это был неоценимый опыт. М. С. Роговин оказался непревзойденным мастером общения с больными. Я до сих пор помню и блестящее построение обследования, и мастерский анализ клинических случаев... Эти занятия прекрасно показали, какова роль психолога, психологического обследования и психологического заключения в психиатрической клинике. Был показан замечательный пример взаимодействия психолога и врача, при котором психолог ни коим образом не подменяет психиатра, не выходит за границы своей компетентности, но продуктивно с врачом сотрудничает. Для того времени, когда нормативные отношения психологов и представителей смежных специальностей только «отстраивались», это был несомненно позитивный опыт.

Впрочем, я опять немного увлекся. Про то, что он был прекрасным лектором и педагогом, конечно же, напишут многие. Это абсолютная правда, готов подписаться. Но... я еще раз процитирую другую свою публикацию, чтобы не повторяться: «Да, остались лекции, в частности, по истории психологии. Но в лекциях Михаил Семенович раскрывался не полностью, из методических соображений он часто адаптировал учебный материал к уровню студента. И действительно, его лекции всегда были ясными и понятными, какой бы проблеме ни посвящались. Главной для него была его научная деятельность» [2, с.111].

В связи с вышеприведенным фрагментом вспомню еще один эпизод, когда я уже был начинающим преподавателем. М. С. Роговин проводил открытую лекцию, и я, как преподаватель уже с другой кафедры, был в числе приглашенных. М. С. Роговин как всегда блестяще прочел свою лекцию, но я был поражен текстом лекции, некоторыми моментами ее содержания. Обсуждая отношение мышления и речи, лектор характеризовал последнюю как вторую сигнальную систему. После лекции, уже выйдя из аудитории, когда все разошлись, я задал свой вопрос, который не давал мне покоя: «Михаил Семенович, как же так? В статье в «Вопросах философии» и в книжке о теории памяти Вы трактуете это соотношение куда как более сложное, а здесь совсем простенькая модель...» Мэтр грустно улыбнулся и сказал: «Ну, что ты, Володя! Студенты не поймут, для них надо попроще, подходчивее».

Так я о беседах, где М. С. Роговин раскрывался во всем блеске своей эрудиции. На пятом курсе, когда я неожиданно для себя студентом-выпускником стал внештатным членом кафедры (см. об этом [3, с.297]), беседы приобрели систематический характер. Не могу не поделиться чувством восторга: не могу описать, как помогала начинающему преподавателю, делающему первые шаги, возможность не уходя с кафедры получить справку, комментарий, консультацию. Мне посчастливилось в течение нескольких лет работать сначала на одной кафедре с мастером, а после ее разделения на «соседних». Мало того, что М. С. Роговин был потрясающим источником информации по самым разным вопросам, он был удивительно *свободным* человеком. Прекрасное знание и понимание мировой культуры, истории, философии и, конечно, истории философии и истории психологии позволяло делать такие оценки, которые радикально расходились с принятыми в советских психологии и истории психологии стереотипами.

Общение с М. С. позволяло преодолеть «зашоренность», создаваемую официальными источниками информации, открывало новые горизонты, позволяло понять мировые тенденции в развитии психологического знания. До сих пор помню то прекрасное чувство «ожидания праздника», предвкушение свободного общения. По счастью, повторюсь, М. С. был прирожденным рассказчиком, ему доставляло удовольствие эта ситуация неопределенности: предсказать, на какие вопросы придется отвечать было практически невозможно. Придя с лекции и увидев ожидающего «интервьюера», он с присущим ему юмором произносил: «Готов, сейчас буду импровизировать как тот мужик в «Египетских ночах»». М. С. имел в виду неоконченную Пушкиным новеллу про импровизатора, который получал для развития совершенно неожиданную тему.

Эрудиция его не имела границ. Бывало, он вначале говорил: «Вот не знаю, этим никогда не занимался специально». Но через полминуты давал отсылку: посмотри там-то, мне кажется такой-то там-то о чем-то похожем писал...

О себе в прошлом М. С. вспоминать не любил. Впрочем, иногда прорывалось. Когда я восхищался его знанием языков, он морщился и говорил только, что по сравнению со своим отцом он неуч: «Тот знал двенадцать, а я лишь четыре». Тут уместно вспомнить, что Семен Миронович Роговин (1885–1938) был до революции профессором Московского императорского университета. Он был профессором философии права и переводчиком философской литературы. С древнегреческого переводил Марка Аврелия («Наедине с собой». М., 1914), с латинского Бенедикта Спинозу («Политический трактат». М., 1910), с английского Дэвида Юма («Диалоги о естественной религии». М., 1908); с итальянского Н.Макиавелли («Князь». М., 1910), с немецкого Иммануила Канта («Вечный мир». М., 1905) и Георга Еллинека («Адам в учении о государстве». М., 1909).

Как я понимаю, от Дэвида Юма (через своего отца) Михаил Семенович получил урок, состоящий в том, что не всегда свои мысли можно высказать открыто. Дело в том, что Семен Миронович увлекся переводом, что привело его к написанию собственной книги о Д. Юме, в которой С. М. доказывал, что Юм, лишенный в силу обстоятельств возможности открыто высказать свои взгляды на природу религии, не идентифицирует себя ни с одним из участников «Диалогов о естественной религии». Роговин-старший показал в этой книге, что собственные взгляды Юма на религию есть «своеобразная форма пантеизма» [9].

Да и дядя М. С. Роговина, брат отца, тоже известный юрист, Лев Миронович Роговин, тоже был профессором права, автором, в частности, весьма любопытной работы [5].

Не отваживался спросить, но по косвенным признакам понял, что Семен Миронович в тридцатые годы был незаконно репрессирован... Потом уже узнал, что был арестован в 1938 году и ушел из жизни 3 мая 1938 года...

Про свою маму, окончившую классическую гимназию еще до революции, вспоминал с неизменной теплотой. После окончания гимназии она больше нигде не училась. В начале 1970-х она была еще жива. Здесь уместно привести такой эпизод. М.С. рассказывал, что, придя как-то домой, застал старушку у его рабочего стола, сидящей в кресле и с увлечением читающей книгу Пьера Жана на французском языке...

Сам М. С. Роговин рассказывал, что в войну немцы признавали за своего – так хорош был его немецкий. М. С. переводил и с английского, и с французского, и с немецкого...

Дело, конечно, не только в знании языков. Сейчас я убежден, что Михаил Семенович был гением, видящим много шире и дальше, чем его современники и коллеги по цеху. Главное, что меня изумляло тогда и изумляет сегодня в личности М. С. Роговина, это его способность принимать на себя ответственность за *мировую психологию*. Он ее мыслил принципиально как процесс, начавшийся в глубокой древности, длящийся сейчас и совершенно точно имеющий продолжение после нас. Он был полностью свободен от «революционного нетерпения», согласно которому все проблемы могут быть разрешены быстро – главное правильно взяться. Напротив, М. С. Роговин хорошо понимал, что процессы могут занять годы, десятилетия, на их осуществление может не хватить жизни.

Откуда все это?

В ожидании грядущего исследователя, которому удастся воссоздать портрет личности М. С. Роговина (убежден, что в скором будущем появится и диссертация и монография (думаю, не одна), посвященные жизни и деятельности ученого), уместно в канун столетнего юбилея высказать некоторые предварительные соображения.

Стиль мышления. Я думаю, добрую службу талантливому человеку сослужило его своеобразное образование. Как я понимаю, психология в жизни М. С. Роговина появилась далеко не сразу. Окончив школу, М. С. поступил на мехмат МГУ. Однако поучиться на престижном факультете пришлось недолго – помешала война. Пройдя всю войну, будучи раненым и вернувшись на фронт, успел еще поучаствовать в войне с Японией.

Поскольку лучшие годы для занятий математикой оказались потерянными, после войны поступил в военный институт иностранных языков, который окончил по двум отделениям. А диссертация по проблеме понимания потребовала знания не примитивных поведенческих вариантов психологии, а классической мировой философии и ориентированных на нее психологических учений. Будучи филологом, нашел прекрасные решения в работах В. Гумбольдта, А. А. Потебни... Это чисто мировая научная проблема. Математика тоже «не пропала»: мастер безукоризненно владел искусством доказательства, что позволяло быть логичным, анализировать аргументы оппонента, критиковать, обнаруживая малейшую непоследовательность в рассуждениях. Это касалось и философских авторитетов, и классиков психологии (например, Пиаже или Фрейда).

И еще одно важное замечание. М. С. Роговин был сторонником идей французской школы, которая традиционно рассматривала проблемы нормальной психологии в связи с нарушениями психики. Глубо-

кая мысль, что сама природа ставит эксперимент, психическое нарушение выявляет механизмы работы психики, которые оказываются недоступны другим методам исследования. Очень важно, что такой подход оказывается необходимо целостным. И он не оставляет ни тени сомнения в реальности существования психики, в том, что психика имеет несомненный онтологический статус. Потрясающе интересно, что автором-основателем этой ориентации в франкоязычной психологии был несомненный гуманитарий Ипполит Тэн... Как мне представляется, именно представление М. С. Роговина о целостной психике человека позволило ему сделать фундаментальные открытия в психологии. Это представление совершенно не соответствовало доминировавшим в советской психологии ограниченными моделями, взявшими за основу категории отражения и деятельности. Они – эти идеи – позволили психологии выжить в тридцатые годы, но далее стали тормозом развития научной психологии.

М. С. Роговин не имел медицинского образования, но, посещая разборы психически больных в Институте психиатрии Академии медицинских наук, стал признанным и авторитетным специалистом и в этой области.

М. С. Роговин был одним из немногих, кто отстаивал целостность и единство психологической науки на основе понимания ее предмета как целостного. Наверное, здесь уместно назвать тех теоретиков, кто сумел выйти за границы дозволенного: это, безусловно А. А. Ухтомский, С. Л. Рубинштейн в его последней работе «Человек и мир», Б. Г. Ананьев, сумевший отстоять свои представления о целостности психики, Я. А. Пономарев, заявлявший об онтологии психического. Среди них был и М. С. Роговин... Впрочем, это тема отдельной статьи, а возможно и книги... Прошу простить, опять увлекся...

В психологии он был блестящим «самоучкой», воспитывал свой психологический профессионализм не на идеологизированных вариантах советской психологии, которая тогда преподавалась в педагогических и военных вузах, а на лучших образцах мировой психологической науки. Это дало внутреннюю свободу, позицию философа психологии...

Логика, воспитанная математикой, широчайшая гуманитарная культура, внимание к данным психопатологии – как можно полагать, это основные составляющие уникального подхода в психологии, который ныне ассоциируется с именем М. С. Роговина.

В конечном счете это привело к осознанию своей миссии. Это, как я понимаю, стало делом его жизни... Были однако препятствия. В советской психологии такое не было позволено. Решения о том, куда и в каком направлении развиваться психологии, принимались «на самом верху», согласовывались с партийными решениями и трудами классиком марксизма... Рассуждать об этом и писать было позволено лишь особо уполномоченным официальным лидерам. И вот здесь понадобилось «искусство маскировки» Дэвида Юма, обнаруженное впервые Роговиным-старшим в его давней книге. Михаил Семенович в своей докторской диссертации 1968 года вынужден был широко прибегать к маскировке масштаба своих рассуждений, пытался придать им «безобидный» характер (см. об этом [4])... Книга, написанная по материалам диссертации, проходила с огромным трудом... Монографию пришлось камуфлировать под учебное пособие, создавая видимость, что речь идет о методике преподавания психологии.

В Ярославль М. С. Роговин попал во многом случайно. До этого он был профессором в Московском педагогическом университете им. В. И. Ленина, работал на кафедре, которой в последнее время (с 1965 по 1971) заведовал А. В. Петровский. В 1968 году А. В. Петровский был избран академиком-секретарем Отделения психологии и возрастной психологии. После блестящей защиты диссертации, в которой М. С. вынужденно маскировал свои идеи, перед ним открывались новые блестящие перспективы реализации своих идей и планов. Причем, специально отмечу, что ему ничего не было нужно – только возможность самому работать *свободно и свободно* руководить работами учеников. М. С. Роговин был человеком абсолютно самодостаточным. В отличие от многих руководителей, М. С. продумывал работу аспиранта детально, проверял с помощью аспирантов гипотезы, которые были им сформулированы. Такой свободы, какой хотелось, в Московском педагогическом институте у него не было, поэтому он без сожалений ушел с кафедры. Предложения по «научному сотрудничеству», которые ему делались, были «недобросовестны» (как выражался в бессмертном романе классик отечественной литературы). Поэтому решение уйти было решением свободного человека. Во вновь открытом Ярославском университете в 1973 году возник острый дефицит кадров, причем на разных факультетах. На физико-математическом факультете, в частности, появился профессор из Москвы, который работал «вахтовым методом», приезжая в Ярославль на неделю, другую проводя в Москве. Таким образом, две недели в Москве и две недели в Ярославле: опыт оказался удачным. В разговоре с ректором Л. В. Сретенским московский профессор-физик упомянул, что у него есть знакомый профессор психологии. Так М. С. оказался в Ярославле, что было несомненной находкой для формирующегося факультета. В первое время в Ярославле жил в гостинице, затем в общежитии на проспекте Октября...

К спартанским условиям М. С. был совершенно неприспособлен. Часто можно было увидеть его с авоськой, в которой находилась бутылка кефира и французская булка, бредущим по направлению к общежитию по Казанскому бульвару. Главным была свобода и возможность работать. М. С. Роговину очень нравился Ярославль, работа в ЯрГУ, ярославские студенты, которые просто обожали настоящего профессора. Предвкушая летние каникулы, М. С. Роговин всегда планировал – не куда он отправится на отдых (как делает большинство профессоров), а какую новую книжку будет писать летом...

Творчество всегда было у него на первом месте...

В 1982 году я перешел на работу в педагогический институт и встречи стали значительно более редкими. Иногда удавалось бывать у М. С. в гостях в Москве, в его уютной квартире на Университетском проспекте. Потрясала его библиотека с прекрасным подбором мировой психологической классики на иностранных языках. Я помню, Генрих Владиславович Залевский, его первый ученик, рассказывал, что, когда был направлен министерством на работу в Западной Германии, спросил учителя, что ему привезти оттуда, «из-за границы». Генрих Владиславович говорил, что совсем не удивился, что учитель попросил у него поискать последнее немецкое издание книги Карла Ясперса «Allgemeine Psychopathologie»...

М. С. Роговин был любимым преподавателем нескольких поколений студентов Ярославского университета, пользовался безоговорочным авторитетом и у них и у своих коллег. Однажды я услышал новость, которой категорически не поверил: «М. С. уходит из университета!». Это казалось невероятным, хотя сообщил об этом преподаватель кафедры, на которой М. С. работал в университете. Увы, все оказалось правдой. Любимая жена Михаила Семеновича, которой было посвящено «Введение в психологию» М. С. Роговина («Саше Роговиной, жене и другу»), в автомобильной аварии получила травму. Требовался уход, было необходимо постоянно быть в Москве. Михаил Семенович очень просил перенести срок повышения квалификации в пределах учебного года с одного семестра на другой. Казалось бы, момент чисто организационный, вполне решаемый... В просьбе было отказано, кафедра не нашла возможности поменять срок повышения квалификации профессора. Он был вынужден написать заявление об уходе... Это был единственный раз на моей памяти, когда на глазах профессора были слезы... Он любил свою работу, ярославских студентов, свободу... В Ярославле он чувствовал себя очень хорошо... Через пару дней я оказался по делу в кабинете заместителя Министра просвещения СССР на Шаболовке... Среди прочих ярославских новостей я сообщил высокому начальнику о переменах в судьбе М. С.... Заместитель министра, хорошо знавший М. С. и высоко его ценивший, мне, конечно, просто не поверил. Он тут же набрал номер ректора университета и услышал от него, что это решение кафедры и он, ректор, лично ничего сделать не может, поскольку «*vox populi vox Dei*»...

В этом случае можно только сказать, что случайно «повезло» Московскому государственному лингвистическому университету, который неожиданно получил выдающегося ученого... Спустя пару недель М. С. Роговин стал профессором лингвистического университета, а чуть позже и заведующим кафедрой психологии, хотя никогда к этому не стремился. И всегда с неизменной теплотой вспоминал работу в Ярославле... Человеческая история, как и большая история, не знает сослагательного наклонения...

Наверное, в заключение нужно сказать еще несколько слов. Это будут слова о времени. Главное, что я понял с годами: М. С. Роговин, безусловно, был гением. Если угодно, повторюсь, титаном. У него была цель, которая сформировалась у него вероятно в начале 1960-х. (Ах, если бы Вы знали, как я корю себя за то, что не понимал этого во времена наших регулярных бесед! Ведь я мог бы это понять, когда не один раз перечитывал первые страницы его «Введения в психологию». И тогда мог бы о многом спросить, о чем при встречах просто не догадался... Но во времена нашего интенсивного общения я, увы, этого еще не понимал). Цель была обычной титанической, как у них, титанов, принято, много превосходящей силы и возможности обычного человека. *Сделать любимую им мировую психологическую науку лучше и уберечь от возможных ошибок, которые были ему прекрасно видны пятьдесят лет тому назад.* Тогда они были в зародыше. Сегодня они очевидны для простых смертных, но сегодня может быть уже поздно... При этом – может быть, кому-то покажется парадоксальным – повторюсь: Михаил Семенович был удивительно скромным человеком. Его уникальное видение психологии в ее становлении находило отражение в его текстах, но к себе он относился с изрядной долей самоиронии... Вероятно, он был очень одиноким человеком. Дружил в основном с философами (среди которых А. Г. Спиркин, Ю. М. Бородай, Э. Г. Юдин, М. Б. Туровский, Е. П. Никитин и др.), в возможности официальной психологии найти выход из трудной ситуации верил мало... О наших философских науках отзывался очень высоко. Именно от М. С. Роговина я впервые услышал о прекрасной книге Е. П. Никитина «Объяснение – функция науки» (1970). М. С. Роговин очень расстраивался, рассказывая, как Э. Г. Юдин ехал к нему домой для обсуждения совместного проекта, и не доехал, так как ему стало плохо и он умер в вестибюле станции метро «Университет»... Даже со своими близкими, с учениками, как я понимаю, он не обсуждал тех вопросов, которые его волновали в первую очередь...

Приведу маленький пример. Июль 1977 года. В высотке МГУ на Ленинских горах состоялось открытие Съезда Общества психологов СССР. Закончилось заседание, на котором намечались задачи, которые будет решать психологическая наука в ближайшую пятилетку... У лестницы главного входа ожидает М. С. Роговин, которому надо получить подпись заведующего кафедрой на каком-то заявлении. Из прохладного корпуса высотного здания выходят на июльскую жару толпы делегатов и участников всесоюзного Съезда, все как один в костюмах и галстуках. С этим контрастирует фигура М. С. с неизменной авоськой, в которой как обычно бутылки кефира и... бумага на подпись. Сам М. С. в шлепанцах на «босую ногу», в шортах, в «майке-сеточке» и белой панаме... (Кстати сказать, за все время общения я ни разу не видел М. С. Роговина в галстуке. Такое впечатление, что даже такого ограничения своей свободы он не терпел... Приходя на лекцию, снимал пиджак, вешал его на спинку стула и оставался в свитере-олимпийке, в котором обычно ходил на работу). Я опять отвлекся, извините... Мы по-прежнему у клубной части МГУ июльским вечером 1977 года...

Получив искомую подпись, М. С. идет по направлению к дому, говоря, что сейчас поедет на дачу. Я с наивностью человека, впервые попавшего на такое грандиозное мероприятие – актов зал не вмещал всех желающих, люди стояли в проходах – спрашиваю: «М. С., неужели Вам не интересно, что здесь происходит? Программа на будущее...» И слышу в ответ, а «прищур» сильнее, чем обычно: «Володя, ты знаешь, что по этому поводу я придерживаюсь точки зрения старых французов. Я – на дачу...». Под старыми французами мэтр имел в виду Габриэля Тарда и Густава Ле Бона, полагавших, что в толпе ничего особенно позитивного не происходит...

То, что тогда могло показаться чудачеством, было выстраданной позицией. На обсуждение вопросов, которые его волновали, он «права высказаться» в советской психологии, где существовала жесткая иерархия, попросту не имел. Но видел он куда дальше многих и куда точнее, включая и многих лидеров тогдашней науки... Поэтому сторонился «ярмарки тщеславия» во всех ее видах и проявлениях, но при этом безусловно знал себе цену. Повторюсь – никогда – ни словом, ни жестом никогда этого не выражал: просто тихонько уходил в сторону и делал свое дело...

Своеобразие и глубина видения распространялось в полной мере и на историю психологии. Зная историю мировой психологии в ее действительном виде – не модифицированную и трансформированную идеологией и отечественными научными традициями, он очень многие процессы представлял себе совсем не так, как это было принято и освящено канонами интерпретации. Я много раз спрашивал, почему М. С. не напишет «Историю психологии» «от Роговина». И каждый раз он говорил (и улыбка была грустнее обычной) – я-то напишу, а вот кто ее напечатает?

И неожиданные связи, и преемственность, и заимствования в мировой науке, зачастую громогласно выдаваемые «авторами» за оригинальные открытия были для него абсолютно прозрачны. Поэтому и оценки вклада того или иного ученого часто были неожиданными. Роскошь писать «в стол» он не мог себе позволить, поскольку спешил осуществить свою миссию, делать «свое дело»... Решая те или иные методологические вопросы, он пытался предупредить ошибки и заблуждения... Получается, что современники его не услышали... Услышат ли потомки?

Завершаю этот текст грустными словами. Подлинный масштаб Михаила Семеновича Роговина – личности и философа психологии – лично я смог понять значительно позднее, когда мастера в живых уже не было. Что-то подсказывает мне, что я в своих чувствах я оказался не одинок... Не оставляет мысль, что в значительной степени мастер ушел непонятым. Возможно, если бы хотя бы часть добрых слов о себе он услышал при жизни, нести свой крест ему было бы легче... И, возможно, это еще один урок мастера в назидание нам живущим...

Литература

1. Мазиллов В. А. Михаил Семенович Роговин: философ психологии // Сибирский психологический журнал. № 40, 2011. С. 80-88.
2. Мазиллов В. А. Михаил Семенович Роговин – методолог психологии // Методология и история психологии: науч. журнал. Т. 1, Вып. 2, 2006. С. 103–113.
3. Мазиллов В. А. Факультет нужных вещей: к юбилею факультета психологии ЯрГУ. Заметки об Анатолии Лактионовиче Журавлеве // Факультет психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. К 50-летию юбилею факультета психологии / отв. редактор А. А. Карпов. – Ярославль: Филигрань, 2020. – С. 283-302
4. Мазиллов В. А. Последний титан: методологические работы М. С. Роговина (60-е годы XX столетия) // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. № 1 (36), 2016. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 30.03.2021).

5. Роговин Л. М. Конституция Российской империи: сборник законов, относящихся к обновленному строю и к личным и общественным правам граждан: (по Своду законов и по Продолжениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг.) / собр. и систематизировал Л. Роговин. СПб.: Книжное дело, 1913. – X, 270, [1]
6. Роговин М. С. Введение в психологию. М., 1969. 385 с.
7. Роговин М. С. Проблема понимания: автореф. дис. ... канд. пед. наук (по психологии). М., 1956. 16 с.
8. Роговин М. С. Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории: автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 1968. 28 с.
9. Роговин С. М. Деизм и Давид Юм. М.: Заратустра, 1908. 88 с.

УДК 159

Два основных подхода к структурно-уровневой экспликации профессионально-важных качеств²

А. В. Карпов, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. Представлены теоретические и методологические материалы, раскрывающие основные особенности и главные трудности современного состояния проблемы профессионально-важных качеств. Показано, что к настоящему времени сложились два основных подхода к ее решению – гносеологический и онтологический. Раскрыта сущность каждого из них, осуществлен их развернутый анализ. Показано, как конкретно синтез указанных подходов может способствовать дальнейшей конструктивной разработке проблемы профессионально-важных качеств, а также смежных с не областей. Предложена новая трактовка общей структуры профессионально-важных качеств, развитая с позиций метасистемного подхода.

Ключевые слова: качества, субъектные детерминанты, профессионально-важные качества, структура, организация качеств, уровневый подход, принцип иерархии.

Одной из наиболее характерных черт личности Михаила Семеновича Роговина – и как ученого, и как человека была энциклопедичность его натуры. Она проявлялась многогранно – и в широте его интересов, и в жизненной мудрости, и в необычайной эрудированности, в самых разных сферах, и в высочайшей культуре и, конечно, в науке. Он имел собственное мнение по очень многим, подчас весьма несхожим вопросам, по самым разным психологическим проблемам. При этом очень трудно выделить то главное, что характеризовало сферу его основных научных интересов. Он – свой для каждого, кто его знал в том смысле, что видение Михаила Семеновича и его творчества для каждого из нас по необходимости субъективно. Я не являюсь исключением в этом плане; у меня тоже есть «свой» Михаил Семенович, а среди широкой палитры его научных интересов мне в наибольшей степени импонирует его искренняя приверженность методологии уровневого, точнее – структурно-уровневого исследования психики. Быть может, вовсе не это является объективно основным в его вкладе в развитие психологии; однако, повторяю, именно субъективно – для меня это наиболее значимо. Более того, именно это в значительной степени повлияло и на формирование моих научных интересов и выбор приоритетных направлений и проблем исследования, а в еще большей степени – на общий подход к попыткам хоть как-то понять всю реальную сложность психического. Я и сейчас очень хорошо помню лекции Михаила Семеновича и просто – разговоры с ним, в которых он с видимым уважением и пиететом рассказывал об ученых, внесших, по его мнению, наиболее важный вклад в развитии этого подхода – о Д. Джексоне, Н. А. Бернштейне, Л фон Берталанфи и, конечно же, о любимом им П. Жане. Кстати говоря, именно та работа, которая была посвящена творчеству последнего и которую я выполнил в студенческие годы под руководством Михаила Семеновича, позволила мне гораздо лучше – я бы сказал, по-взрослому, понять своеобразие состояния психологии в то время, прежде всего, отечественной, а также ее преемственность по отношению ко многим иным школам, равно как и вклад в нее целого ряда выдающихся ученых. Особо подчеркну также, что М. С. Роговин был не просто так сказать сторонником структурно-уровневого подхода, а именно его активным создателем, внеся очень большой вклад в его развитие в целом. Самое лучшее свидетельство этого – разработанная Михаилом Семеновичем теория «акционального

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ); № проекта 19-0013-00113.

уровня действия», хорошо известная сейчас, но, на мой взгляд, не совсем понятая и явно недооцененная в то время. Эта теория, разумеется, не всегда и не во всем проста, однако, как известно, «истина может и не быть простой». Более того, именно сложность этой концепции как раз и является залогом ее адекватности реальной сложности самого психического в целом и феномена действия, в частности.

Причем, констатируя это обстоятельство, следует учитывать, что речь идет не только о структурно-уровневом подходе как таковом, но и, фактически, об одном из наиболее важных, по существу, – магистральных и даже «стержневых» направлений развития методологии системности в целом. Дело в том, что именно структурно-уровневое, а значит – и иерархическое строение, точнее принцип организации – это и есть «основа основ» системной формы бытия объективной и субъективной реальности в целом. И только при обращении к этому принципу сам системный подход может обрести свой истинный потенциал, стать реальной основой научного исследования. Он перестает быть тем, что «приговаривается» к исследованию и выступает не в качестве какой-либо из своих многочисленных вариаций, носящих зачастую формальный и не вполне определенный характер, а эксплицируется как системно-содержательный подход. Он позволяет синтезировать инварианты собственно системного изучения и вариативность того содержания, которое обусловлено спецификой его приложения (то есть предметом исследования) в каждом конкретном случае.

Эти субъективные ощущения и воспоминания послужили основой для выбора той темы, которой я решил посвятить статью в юбилейном номере данного журнала. Она как раз и связана с попыткой реализации структурно-уровневого подхода к исследованию одного из центральных предметов изучения как в общей, так и особенно в прикладной психологии – субъектным детерминантам деятельности и одному из их основных представителей – профессионально-важным качествам.

I

Проблема субъектных детерминант деятельности является, как известно, одной из центральных в психологии труда, равно, впрочем, как и в прикладной психологии в целом. Она вообще во многом конституирует сам ее предмет, поскольку направлена на раскрытие и объяснение того *главного* и наиболее специфического, что лежит в основе собственно психической регуляции деятельности, а также ее генезиса и организации в целом. В свою очередь, к настоящему времени сложился целый ряд подходов к разработке данной проблемы. Это, в частности, исследования «психологически факторов» деятельности [21]; теория «ограниченной рациональности» [26]; концепция ПОИ³ в психологической теории решений [13]; исследования, выполненные в рамках компетентностной парадигмы [23] и др. Вместе с тем, ведущую роль в ее разработке играет понятие *профессионально-важных качеств*, которое является наиболее обоснованным в теоретическом плане и весьма конструктивным для реализации прикладных разработок. Наряду с этим, в последнее время все более распространенным становится еще одна экспликация понятия качества (точнее – его представленности в значении ПВК). Это понятие, фиксирующее функциональную связь данного качества а учебной деятельности – понятие учебно-важных качеств (УВК) [16]⁴. Вместе с тем, данное понятие, являясь, повторяем, весьма конструктивным концептуальным средством, позволяющим решать многие задачи как общего так и более частного плана, одновременно – при его последовательной реализации – ставит новые и все более сложные вопросы, в том числе и собственно теоретического порядка; приводит к постановке новых проблем, требующих своего изучения. Одной из главных среди них является, по нашему мнению, проблема раскрытия и объяснения базовых закономерностей *организации* профессионально-важных качеств – прежде всего, структурной, которая позволяет им, точнее – их совокупности, а еще точнее – их системе эффективно реализовывать свои функции в отношении субъектной регуляции деятельности. Более того, именно эта организация вообще лежит в основе той субъектной онтологии, которая и отображается на гносеологическом уровне в понятии профессионально-важных качеств. Иными словами, именно она эксплицирует профессионально-важные качества (ПВК) уже не только как *гносеологический* конструкт, а как *онтологически* представленную реальность, лежащую в основе субъектной регуляции деятельности, равно как и любой иной активности. В связи с этим, с очевидностью в качестве приоритетной и определяющей формулируется задача выявления и интерпретации тех особенностей и закономерностей, которые

3 Концепция ПОИ – обозначение одного из направлений психологической теории принятия решения, основной задачей которого является определение и объяснение детерминационного влияния на процессы выбора трех групп субъектных детерминант – «постоянных (П), общих (О) и индивидуальным (И) свойств субъекта».

4 В этом плане следует отметить также и иногда встречающиеся попытки дифференцировать аналогичные по функциональному предназначению качества, релевантные, однако, уже не трудовой или учебной деятельности, а деятельности игровой, причем, рассмотренной преимущественно в одной из ее разновидностей – спортивной. Это так называемые «игровые» качества, отличающие человека как «игрока по натуре» и определяющие его способность к игре как к соревнованию [11].

лежат в основе организации ПВК, точнее – порождают саму эту организацию. Именно она и является основным предметом рассмотрения в данной статье.

II

Действительно, понятие профессионально-важных качеств является одним из центральных в психологии труда, равно как и во многих иных отраслях прикладных психологических исследований, а его изучению посвящено очень большое количество работ (см. обзор в [8]). Вместе с тем, ряд его важных аспектов остается все еще недостаточно раскрытыми. Одними из главных среди них, как раз и являются вопросы, связанные с закономерностями общей *организации* ПВК и с *критериями* их дифференциации от иных индивидуальных качеств личности [1, 6]. Понятно также, что эти вопросы тесно сопряжены

и с более традиционной проблемой *классификации* ПВК, их дифференциации на таксономические группы. Причем, следует особо подчеркнуть, что данная проблема вовсе не носит так сказать только систематизаторского – технического и, следовательно, вспомогательного характера, а имеет совершенно иной статус. Дело в том, что она неразрывно связана с определением *содержания и границ* той области изучения, которая, собственно говоря, и составляет ее предмет. В силу этого, она является в известном смысле определяющей для экспликации и осмысления всего содержания понятия ПВК и, следовательно, выступает как центральная в плане определения самого *предмета* исследований в данной области.

В целом ряде наших предыдущих работ было показано, что к настоящему времени сложились предпосылки для дифференциации двух основных подходов к решению проблемы структурной организации ПВК [7, 8]. Первый из них является более распространенным и традиционным, а его сущность может быть резюмирована следующим образом. Все ПВК подразделяются на четыре основные группы, образующие в своей совокупности структуру профессиональной пригодности [18, 19]:

- отсутствие профессиональных противопоказаний как объективно необходимое условие для реализации деятельности;
- *абсолютные* ПВК – свойства, необходимые для выполнения деятельности как таковой на минимально допустимом или нормативно заданном, среднем уровне;
- *относительные* ПВК, определяющие возможность достижения субъектом высоких («наднормативных») количественных и качественных показателей деятельности («ПВК мастерства»);
- мотивационная готовность к реализации той или иной деятельности, предполагающая наличие особых – *мотивационных* ПВК. Именно наличие мотивации, тем более – высокой может существенно компенсировать недостаточный уровень развития многих иных ПВК.

Вместе с тем, в этих работах было показано, что эти группы должны быть дополнены еще одной – очень важной категорией ПВК. Дело в том, что характер и мера проявления ПВК не только не является, но и не должна являться стационарной, неизменной. Напротив, она должна выступать как ситуационно-зависимая и личностно-регулируемая [9]. При этом ведущую и определяющую – собственно регулятивную роль в том, каким образом будет представлена эта мера, играют средства и механизмы собственно рефлексивного плана. Следовательно, существуют и качества, которые обеспечивают все это. Это своего рода качества, позволяющие «распоряжаться своими качествами» – вторичные качества. Они направлены на то, чтобы максимально эффективно использовать арсенал иных – так сказать, первичных качеств. По отношению к ним также должно быть применено именно это понятие – понятие качества, поскольку такого рода образования, несомненно, составляют очень важную сторону субъектной регуляции поведения и, следовательно, важную грань самой субъектности, а потому с очевидностью входят в состав всей качественной определенности личности. Они эксплицируют то, в какой мере и в каком аспекте, а также с какой полнотой субъект владеет своими качествами, в какой мере он выступает именно субъектом своей качественной определенности, своей «самости» (которая в значительной мере и образована всей системой его индивидуальных качеств). По отношению к ним может быть применен термин *метакачества*, поскольку они выступают именно метаобразованиями, а «предметом их приложения» выступают опять-таки качества, но первичные.

Кроме того, было показано, что указанные группы ПВК закономерным образом структурируются, образуя определенную *иерархию*: на ее «вершине» локализуется уровень, образованный метакачествами (пятая группа), поскольку они могут оказывать наиболее сильное – определяющее влияние на проявление всех иных групп ПВК [12]⁵. Далее локализуется уровень мотивационных ПВК, поскольку они также могут определяющим образом регулировать и даже компенсировать дефицитность качеств всех

5 Подчеркнем, что пока термин «иерархия» используется нами не в его непосредственном и строгом смысле, поскольку иерархичность организации указанных групп еще предстоит обосновать (это станет задачей анализа ниже).

иных групп ПВК. И, наконец, данная иерархия включает уровни относительных и абсолютных ПВК, а также базовый уровень, образованный отсутствием профессиональных противопоказаний.

Наряду с этим, было установлено, что существует еще одна – очень специфическая категория субъектных детерминант деятельности, функционально противоположная по своей направленности всем указанным выше группам. Это так называемые *профессионально-негативные* качества (ПНК) [10]. Их сущность состоит в том, что они связаны с эффективностью деятельности *обратно* пропорциональной зависимости (а не прямо пропорциональной – как истинные ПВК). Причем, в роли ПНК могут выступать качества самого разного уровня личностной организации, в силу чего их совокупность эксплицируется как *наложенная* структура – как распределенная по всей совокупности индивидуальных качеств личности.

Можно видеть, что в представленной выше экспликации общей совокупности ПВК реализован подчеркнута *операциональный* критерий, поскольку все они дифференцируются на основе их соответствия

с совершенно определенными – операционными по своему смыслу задачами и функциями, то есть с тем, насколько они содействуют реализации самой этой деятельности и обеспечению ее эффективности. В силу этого, такой способ дифференциации носит и подчеркнута *гносеологический* характер: он не столько раскрывает реальную структуру ПВК, сколько содействует выявлению и интерпретации их совокупности, то есть расширению знаний о предмете исследования – о системе ПВК.

В этом отношении очень показательным, что последовательная реализация гносеологического подхода к проблеме ПВК естественным образом приводит к необходимости его углубления и дополнения иным подходом – *онтологическим*. Он направлен уже не на то, как может быть *описан* предмет исследования, а на установление того, чем он в действительности *является*. Подчеркнем при этом, что именно переход от гносеологического способа экспликации предмета к его онтологическому способу является важной и общей закономерностью и научного познания в целом, и психологического познания, в частности. Его реализация позволила эксплицировать общую совокупность ПВК как целостную, закономерным образом организованную *структуру*, базирующуюся на принципах системности в целом и на принципе иерархической, структурно-уровневой организации, в частности. Именно в таком статусе данная совокупность и образует содержание одного из основных функциональных блоков психологической системы деятельности – *блока ПВК*. В силу того, что этот – второй подход позволяет в значительно более полной и развернутой форме выявить базовые закономерности структурной организации ПВК – их реальную онтологию, на нем представляется целесообразным остановиться более подробно.

III

Прежде всего, следует, конечно, учитывать, что именно блок ПВК явился одним из первых – наиболее «ранних» и традиционных предметов исследования, осуществленных с позиций одного из важнейших психологических понятий – понятия *психологической системы деятельности* (ПСД) [22]. Соответственно, он характеризуется и достаточно большим объемом эмпирических данных, которые установлены по отношению к нему. В связи с этим возникают определенные трудности выбора из всего этого многообразия тех данных, которые наиболее значимо и непосредственно свидетельствуют о тех или иных – рассматриваемых здесь закономерностях структурной организации данного блока. Они также должны быть учтены и, по возможности, преодолены в ходе его рассмотрения. В этих целях по отношению к выявлению особенностей его структурной организации необходимо привлечь не только «те или иные» – уже описанные в общей и прикладной психологии феномены и закономерности, но, по возможности, именно наиболее общие и определяющие, главные среди них. Их и следует использовать в качестве интерпретационного и объяснительного средства раскрытия закономерностей структурной организации данного функционального блока.

Очень показательным и доказательным, что конструктивность именно такого подхода к его рассмотрению обнаруживается с самых первых шагов анализа, причем, в очень демонстративной форме. Действительно, первая и наиболее общая, основополагающая из всех встающих при этом задач заключается, как известно, в способе определения того, что именно входит в состав самого понятия ПВК. Фактически, это решение наиболее общего и принципиального вопроса – вопроса о том, на основе какого именно критерия они вообще дифференцируются и выделяются как некоторая качественная определенность, как предмет изучения. Таким критерием является, согласно общим представлениям о ПСД, именно функциональный критерий, а сам этот блок, равно, впрочем, как и все иные, носит подчеркнута функциональный характер. Именно это, собственно говоря, и отражено в их общем обозначении именно как функциональных блоков.

В свою очередь, данный критерий означает, что дифференциация отдельных профессионально-важных качеств (ПВК), равно как и общей их совокупности от всех иных качеств личности, то есть от «не-ПВК», осуществляется именно по функциональному признаку. В ходе освоения деятельности происходит селекция тех личностных (и шире – субъектных, индивидуальных) качеств, которые являются необходимыми для ее осуществления. Осуществляется их функциональная дифференциация от иных качеств, а затем и на основе этого – их синтез в блок ПВК. Однако это же означает, что те или иные качества личности, *не переставая быть ее* – личности – качествами, одновременно начинают выступать и в функции профессионально-важных, то есть деятельностно-специфических качеств. Тем самым они, собственно говоря, и входят в блок ПВК (точнее – образуют его). Эту же мысль можно сформулировать и по-другому. *Метасистема* (личность), взятая в аспекте ее базовых характеристик – личностных

качеств, функционально включается – «встраивается» в блок ПВК⁶. Поэтому личностные качества оказываются «представленными дважды», в двух модусах – и как «составляющие» мета системы (деятельности), и как компоненты блока ПВК [10].

Таким образом, можно видеть, что имеют место принципиально те же самые – общие и «классические» феномены, которые присущи всем системам, которые были дифференцированы нами ранее и обозначены понятием систем со «встроенным» метасистемным уровнем [12]. Более того, сам функциональный блок ПВК в целом как раз и является продуктом и результатом мультиплицирования, то есть функционального включения – «встраивания» метасистемы (личности) в систему деятельности. Следовательно, в нем принцип метасистемной организации не просто и не только «воплощается» и реализуется, но и вообще *лежит* в основе его дифференциации как «составляющей» системы деятельности. Он выступает как итоговое и результативное проявление явления мультиплицирования всей совокупности личностных качеств в систему деятельности. В основе этого явления, как показано выше, лежит механизм «встраивания» метасистемы (личности) в систему (деятельность). В связи с этим, и само понятие ПВК является не абсолютным, а относительным. Нет и не может быть каких-либо «отдельных», особых ПВК, рядоположенных так сказать «не-ПВК». Качества личности и субъекта в целом, не являясь изначально и исходно профессионально-важными, могут, тем не менее, выступать в функции профессионально-важных.

В связи с изложенным, можно констатировать также, что по отношению к блоку ПВК, пожалуй, наиболее отчетливо и рельефно проявляется и общий принцип – общая и, по существу, атрибутивная особенность всех иных блоков психологической системы деятельности. Это – их подчеркнута функциональный характер. Однако, за «феноменологическим фасадом» такого функционального характера необходимо видеть его смысл и детерминанты. Они как раз и связаны с тем, что, фактически, любой из этих блоков, а в особенности, – блок ПВК базируется на явлении мультиплицирования и лежащем в его основе механизме «встраивания» метасистемы в систему. Таким образом, личность в целом оказывается функционально представленной, репрезентированной в блоке ПВК. Она – в аспекте своих качественных характеристик (личностных качеств), фактически, входит в самое содержание и структурную организацию данного блока. Тем самым в его организации оказывается представленным и соответствующий уровень организации, образованный совокупностью тех качеств, которые присущи не ему непосредственно, а самой метасистеме – личности. В связи с этим, появляются необходимые и достаточные основания для дифференциации в общей структурной организации функционального блока ПВК соответствующего, то есть *метасистемного* уровня.

IV

Далее, по отношению к раскрытию закономерностей структурной организации данного блока должен быть привлечен, на наш взгляд, еще один – очень общий и, по существу, фундаментальный результат. Точнее говоря, это целая совокупность сходных по их принципиальному смыслу результатов. Все они группируются в две основные категории. Первая из них носит, по существу, максимально обобщенный характер и связана с известными трудностями и даже кризисными моментами в реализации аналитического подхода к изучению ПВК в прикладной психологии, а также с необходимостью его трансформации в иной – системный подход. Суть этих трудностей состоит, как известно, в том, что

⁶ Особо подчеркнем, что в данном контексте понятие «личностных качеств» используется в одном из двух его основных значений – в так называемом «широком» значении. Оно состоит в том, что данным понятием обозначаются все присущие ей качества – причем, самые разнородные и разнорядковые, включая и ее субъектные, индивидуальные и иные характеристики. В этом смысле понятие «личностных качеств» тождественно понятию «качеств личности». Второе – «узкое» значение данного понятия заключается, как известно, в том, что им обозначаются лишь те качества, которые носят подчеркнута социальный характер и детерминированы социальными, межличностными взаимодействиями и отношениями; характеризуют личность не как некоторый «онтологический носитель» качественной определенности, а как, преимущественно, некоторое ее социальное «измерение» (социальное качество индивида).

выявление *совокупности*, то есть только аддитивного», рядоположенного множества качеств явно недостаточно для определения специфичности ее субъектной детерминации. Различные виды деятельности нередко оказываются как бы «неразличимыми» – неспецифичным в этом отношении. Они предполагают опору, фактически, на одну и ту же их совокупность (в более «мягком» варианте – совокупность очень сходную, подобную или же совершенно несоразмерную в плане их разницы тем различиям, которыми характеризуются сами деятельности). Но в таком случае и возникает острое противоречие. С одной стороны, виды деятельности различаются весьма существенно; с другой стороны, в плане *важнейших* их детерминант – личностных качеств, реализующих их, они оказываются во многом не только сходными, подобными, но и в ряде случаев вообще «неразличимыми».

Известно также, что выход из этой ситуации был осуществлен посредством трансформации аналитического способа исследования в системный. Было показано, что различия между

деятельностями в плане тех систем ПВК, которые лежат в их основе, существуют и обнаруживаются не на уровне их совокупности – аддитивного множества, а на уровне их *структурной организации*, то есть на уровне их целостных *систем*. Другими словами, «сумма» этих качеств может быть одинаковой для разных деятельностей (или очень сходной), но структура – значимо различной. И именно то, как организованы ПВК, как они структурированы и, соответственно, какие новые – системные по своему генезу феномены и свойства возникают на уровне этой целостности, определяет специфичность данного блока для каждой конкретной деятельности. Переводя это «на язык» системной методологии, можно сказать, что истинная специфичность функционального блока ПВК, всего их множества в целом существует и обнаруживается не на уровне их суммативного объединения, а на уровне их системной организации. Качественная определенность данного блока – это следствие эффектов системной, точнее – общесистемной организации, которые имеют место на уровне их целостности. Следовательно, именно их общая интегрированность – синтезированность в эту целостность является не только объективной реальностью, но и выступает главным «источником» качественной определенности всего блока ПВК. Она, в свою очередь, столь же объективно индицирует особый – именно качественно своеобразный уровень организации данного блока – *общесистемный*.

Смысл второй категории результатов, которые также необходимо привлечь к анализу блока ПВК, заключается в следующем. Как известно, одним из основных результатов, установленных в ходе многочисленных исследований в прикладной психологии в целом и в русле системогенетической концепции, в частности, является обнаружение следующей закономерности [7, 8]. Генезис деятельности характеризуется не только и даже не столько развитием отдельных качеств, выступающих в функции профессионально-важных, сколько динамикой их целостных структур [10, 11, 22]. Причем, такая динамика сопровождается, как правило, достаточно принципиальными – именно качественными *трансформациями* целостных структур ПВК. Они на различных этапах системогенеза являются обычно качественно *гетерогенными*, разнородными. За всем этим стоит то фундаментальное обстоятельство, согласно которому генетическая динамика личностных и субъектных качеств, представленных по отношению к деятельности в их конкретной форме – как динамика блока ПВК, реализуется по особому системогенетическому типу, представляет собой именно системогенез. Другими словами, то, что этот – специфически системный тип генезиса обнаруживается и по отношению к функциональному блоку ПВК, прямым и непосредственным образом свидетельствует о его принадлежности также к системно-организованному образованию. Тем самым, можно видеть, что и эта категория результатов убедительно демонстрирует представленность в общей организации функционального блока ПВК особого, своеобразного и специфического уровня организации – *общесистемного*.

V

Далее, раскрывая структурную организацию блока ПВК, следует, конечно, отметить еще одну группу результатов, которые многократно и в различных планах, а также на материале разных видов деятельности, постоянно и неизменно обнаруживаются в ходе исследований. Их наиболее общий смысл заключается в следующем. Вся совокупность ПВК, составляющих содержание «одноименного» функционального блока деятельности, имеет очень сложное, внутренне *дифференцированное* строение. Он характеризуется также принципиально гетерогенным составом, несводимым лишь к ее базовым «единицам» – *отдельным* качествам. Так, в частности, было установлено, что в общий состав и структуру функционального блока профессионально-важных качеств могут входить и, как правило, – входят его так сказать «подблоки». Ими выступают те подсистемы, которые лежат в основе обеспечения основных *параметров* деятельности – качества, производительности, надежности. Было показано, что эти подсистемы могут достаточно существенно (и даже очень сильно) отличаться друг от друга – вплоть до

их определенной антагонистичности. Так, скажем, подсистемы ПВК, «отвечающие» за обеспечение точностного и скоростного параметров деятельности не только не совпадают, но и находятся так сказать в «конфликтных» отношениях [21]. Те качества, которые позитивны для обеспечения точности, могут быть негативными в плане обеспечения скорости. Возникают известные – специфически деятельностные коллизии между подсистемами ПВК, обеспечивающими основные параметры деятельности. Они составляют реальное и острое противоречие организации деятельности.

Далее, было установлено также, что отдельные – специфические подсистемы ПВК могут формироваться и по отношению к основным действиям, а также их комплексам, входящим в состав деятельности. Они приводят к дополнительной внутренней дифференциации общей совокупности ПВК, но уже не по критерию приуроченности к основным параметрам деятельности, а по операциональному критерию. Наконец, в этом же ряду принципиально сходных данных должен быть отмечен и еще один результат. Было показано, что реализация деятельности в различных условиях предполагает опору на разные, в том числе – и достаточно гетерогенные подсистемы ПВК. В их общем составе формируются такие специфические комплексы (подсистемы), которые релевантны реализации деятельности в тех или иных конкретных условиях. Так, для обычных (нормативных, штатных) условий они могут быть одними, а для других, – скажем, для экстремальных условий, существенно иными. При этом речь идет отнюдь не только о так сказать «глобальных» различиях в условиях деятельности (нормальных и экстремальных). Было показано также, что в составе блока ПВК формируются и такие подсистемы, которые обеспечивают ее релевантность по отношению и к иному модусу различий в ее условиях. Например, в деятельности операторского типа складывается специфическая подсистема ПВК, обеспечивающая ее реализацию в условиях дефицита времени [7, 8].

Все эти, повторяем, – многочисленные и многократно верифицированные данные позволяют сделать важное, на наш взгляд, обобщающее заключение. Согласно ему, в общем составе функционального блока ПВК складываются и впоследствии формируются – развиваются его более локальные образования. Тем самым общая система ПВК дифференцируется на совокупность подсистем (субсистем), каждая из которых обеспечивает реализацию тех или иных функциональных задач деятельности, тех или иных ее основных параметров, а также ее реализацию в различных условиях. Одновременно можно видеть, что общая система ПВК качеств дифференцируется на такие образования, которые принципиально несводимы к отдельным компонентам, то есть к отдельным качествам. Эти образования также имеют характер системно-организованных подструктур. Они являются именно *подсистемами*, входящими в общий состав системы ПВК. Все это объективно и очень демонстративно указывает на то, что в общей структурной организации данного функционального блока представлен еще один уровень – *субсистемный*.

VI

Далее, следующая, также очень общая и, по существу, фундаментальная закономерность, лежащая в основе структурной организации функционального блока ПВК и даже в основе самого понятия «качества» (и личностного, и профессионально-важного, и любого иного) состоит в следующем. Как было показано выше, суть и вообще – атрибутивная природа понятия качества заключается в том, что в нем фиксируется такая реальность, такое «измерение» бытия систем, которое воплощает в себе основные характеристики ее *качественной определенности*. Качества – это и есть основной, хотя и частичный, парциальный «носитель» именно качественной определенности системы. Одновременно, в понятии качеств (в том числе и качеств личности, личностных качеств, которые могут выступать и в функции профессионально-важных) фиксируется, как известно, основная «единица» качественной определенности системы. Качества и их совокупность (точнее – система) – это и есть «главное в системе». Показательно, что наиболее общее – философское определение категории качества как раз и заключается именно в этом: «качество есть то, благодаря чему нечто является тем, чем оно является» [3]. В этой связи абсолютно закономерно, что именно данная категория как раз и лежит в *основе* наиболее общей методологии научного познания – методологии *качественного анализа* [14]⁷. Следовательно, понятие качеств личности во многом просто конкретизирует по отношению к психологическому познанию эту – наиболее общую методологию.

Данное обстоятельство, однако, к сожалению, практически никак не эксплицировано в настоящее время. Представляется парадоксальным тот факт, что ни общая психология («в лице» категории личностных качеств), ни психодиагностика до сих пор, фактически, «не контактируют» с методологией качественного анализа. Между ними не только не достигнут концептуальный синтез, но они вообще ха-

⁷ Данная методология рассматривается и как более общая, нежели методология самого системного подхода, а он, в свою очередь, является ее конкретной разновидностью [14].

рактируются явным «разрывом». Существующие подходы к интерпретации личностных качеств, как известно, очень разнообразны (это, в частности, – так называемая «теория черт», диспозиционный подход и др.). Однако ни один из них не базируется на главной их и, по существу, атрибутивной характеристике качеств. Эта характеристика раскрывается с позиций методологии качественного анализа и состоит в том, что любое из них с необходимостью выступает именно «парциальным» – частичным и, более того, как бы «единичным» носителем ее качественной определенности. Вместе с тем, в данной связи нельзя упускать из виду то – известное и основополагающее для системной методологии положение, согласно которому именно такого рода «парциальные» – локальные «носители» качественной определенности системы как раз и соотносятся с ее базовыми «единицами», то есть с ее основными компонентами. Однако, как мы уже неоднократно подчеркивали выше (и как это считается аксиоматичным в теории систем), именно компонент – это та относительно наиболее простая «составляющая» системы, которая, однако, еще несет на себе основные характеристики ее качественной определенности, является «носителем этой определенности (в отличие от элементов, которые уже утрачивают эту определенность). Следовательно, любое из личностных качеств с этих позиций должно быть проинтерпретировано как именно *компонент* личности – в прямом и непосредственном смысле данного понятия.

В связи с этой – объективно необходимой, на наш взгляд, трактовкой категории качества (в том числе, и личностного) возникает, конечно, целый спектр вопросов еще более глубокого порядка. Все они обусловлены тем, что на понятие личностных качеств транспонируется тот концептуальный аппарат, который сложился в методологии качественного анализа. В частности, это вопрос о соотношении так называемых «первичных» и «вторичных» качеств, имеющий, к тому же, и очень давние философские традиции [14]. Это и вопрос о природе и соотношении «качеств-свойств» и «онтологических качеств» [2]. Далее, это и вопрос о закономерностях синтеза разнородных (разноуровневых) качеств, то есть вопрос об иерархии качеств – о так называемой «пирамиде свойств» [15]. При этом, разумеется, возникает и острый вопрос о проявлении в качествах-свойствах субстанциональных характеристик самого их носителя. Наконец, это и вопрос о том, какие основные категории качеств, в действительности, существуют и как они взаимосвязаны между собой (напомним, что обычно дифференцируются три основные категории качеств – материальные, функциональные и системные).

Итак, можно видеть, что категория качеств личности (личностных, субъектных, профессионально-важных и т.д.), фактически, является эквивалентной в концептуальном и содержательном отношении понятию компонента системы. Они взаимопологаемы и взаимоконгруэнтны, являясь различными «измерениями» одной и той же реальности. Все это не оставляет никаких иных вариантов, кроме трактовки личностных, субъектных качеств (том числе – и отдельных ПВК) как базовых компонентов самого функционального блока ПВК. Соответственно, это означает, что в его структурной организации представлен и еще один уровень – *компонентный*.

Кроме того, подчеркнем и еще один результат проведенного выше анализа. Как известно в методологии системности сформулированы представления о базовом критерии уровневой дифференциации систем – о *критерии-дискриминаторе* [7]. Сущность этих представлений состоит в следующем. Любая достаточно сложная целостность представляет собой организацию ряда подсистем различного ранга (и, соответственно, различной сложности), обладающих собственными качественными характеристиками. Эти подсистемы и выступают интегративными уровнями ее организации. Согласно общему решению данной проблемы, в структуре сложного целого (явления, процесса) необходимо дифференцировать, как минимум, следующие интегративные уровни. Во-первых, уровень целостности, на котором явление, процесс представлены во всей полноте состава, структуры и качественных характеристик. Это – собственно системный, или общесистемный уровень. Во-вторых, уровень отдельных подсистем, включенных в сложное целое, формирующихся для обеспечения различных ее функциональных проявлений («функциональные органы» системы) и имеющих собственное достаточно сложное строение. Это – субсистемный уровень. Он принципиально гетерогенен, поскольку предполагает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. В-третьих, уровень структурных компонентов как базовых единиц целого. Наряду с этим, следует учитывать, что в психологии (в силу предельной сложности предмета изучения) он специфичен и дифференцируется на два качественно специфических по своим характеристикам уровня – собственно компонентный и элементный. Под компонентом понимается такое простейшее образование, которое еще обладает качественной специфичностью целого; под элементами понимаются те структурные составляющие, из которых образованы компоненты, но которые уже утрачивают качественную определенность целого (хотя и являются его онтологически необходимыми составляющими). Наконец, с позиций общего решения проблемы иерархии уровней необходимо учитывать и то, что любая сложная целостность сама выступает как составляющая еще более

широкой и общей метасистемы. В составе последней то или иное явление (процесс) вообще только и может существовать не как абстракция, а как онтологическое образование; приобретает свое конкретное – «внутрисистемное» бытие [14]. Во взаимодействии с метасистемой явление, процесс приобретают новые качественные характеристики, измерения и параметры, которые образуют в совокупности высший (метасистемный) уровень организации.

Более того, – и это главное для систем, являющихся предметом собственно психологического познания, – метасистемный уровень может быть функционально включен – «встроен» в их структурно-уровневую организацию, включен в их состав и содержание. Следовательно, собственная структура этих систем, иерархия их основных уровней обязательно предполагает необходимость дифференциации этого уровня как самостоятельного, качественно специфического, несводимого к иным уровням и тем более – лишь к эффектам взаимодействия системы с метасистемами, в которые она онтологически включена.

Пять указанных уровней (элементный, компонентный, субсистемный, системный, метасистемный) носят, таким образом, общий характер и именно на них целостность обладает наиболее различающимися качественными «измерениями». Кроме того, эти же пять уровней «исчерпывают» собой весь диапазон качественных проявлений системы, охватывают все многообразие качественных характеристик целого в его реальной многомерности. Так, на низшем (элементном) уровне происходит как бы «отрицание» общего качества системы, поскольку в самих элементах система проявляется не в своих атрибутивных свойствах, а в аспекте свойств тех микросистем, из которых она, в конечном счете, складывается. Но аналогичный эффект – эффект «исчерпанности качеств» системы имеет место и на высшем уровне – метасистемном, поскольку на нем целое приобретает особенности систем высших по отношению к ней порядков, сама выступает как их составляющая и также во многом утрачивает статус автономной. Тем самым диапазон выделенных уровней – это не только исчерпывающий континуум всех их возможных, качественно различных уровней организации, но одновременно – полный диапазон возможных форм бытия системы как автономной целостности. Все это позволяет рассматривать совокупность пяти указанных уровней в качестве общего основания для дифференциации уровней в структурной организации систем.

VII

Исходя из этих представлений, можно констатировать следующее обстоятельство. В результате проведенного анализа была обоснована необходимость дифференциации в структурной организации блока ПВК четырех (из пяти) уровней, предписываемых общим инвариантом структурных уровней организации (метасистемного, системного, субсистемного и компонентного). Следовательно, «не охваченным» анализом остается всего лишь один уровень – элементный. Соответственно, возникает вопрос о том, действительно ли и он также реализован в структурной организации блока ПВК и, если да, то как именно. Очень показательно в этой связи, что и данный вопрос решается достаточно естественным, даже – необходимым образом. Причем, это решение так же, как и все иные способы обоснования уже дифференцированных уровней, базируется на очень общей и, по существу, фундаментальной общепсихологической закономерности. Более того, эта закономерность является и наиболее известной и «аксиоматичной», не требующей, в силу этого, развернутых пояснений.

Действительно, отдельные ПВК есть не что иное как «деятельностное измерение» тех или иных качеств личности, субъекта, индивида. Последние – через обретение ими статуса ПВК выступают по отношению к деятельности, как правило, и в функции *способностей*. Тем самым в содержание анализируемого функционального блока с необходимостью должна быть включена и еще одна очень общая психологическая категория – категория способностей. Вместе с тем, сами способности – в их реальной онтологии неразрывно связаны с определенной, так сказать, «элементной базой», в качестве которой обычно трактуется совокупность задатков. Подчеркнем, что, как справедливо отмечает В. Д. Шадриков, способности и задатки – это качественно разные сущности [23]. Первые не формируются из вторых, хотя вторые и являются объективной – онтологической базой для первых. Это означает, что соотношение между способностями и задатками – это отношение между качественно различными, а потому – разноуровневыми сущностями. В задатках еще отсутствует качественная определенность способностей, но они являются онтологически необходимыми для ее становления. Следовательно, между задатками и способностями имеет место те же самые принципиальные отношения, которые описаны в теории систем (и подробно охарактеризованы в [12]) для связей *элементов и компонентов*. Однако отсюда с необходимостью следует, что ни способности, ни личностные (и субъектные в целом) качества, ни ПВК не могут существовать «помимо» их онтологической – так сказать, «элементной базы», представленной в форме задатков. Поэтому в общей организации функционального блока ПВК с такой же

необходимостью следует дифференцировать и еще один – причем, базовый, онтологически первичный уровень – *элементный*.

В данной связи представляется целесообразным напомнить и о тех – принципиальных соотношениях, которые существуют между компонентным и элементным значениями критерия-дискриминатора дифференциации уровней в целом. Сама суть элементного значения состоит в том, что оно указывает на необходимость существования в общей структурно-уровневой организации системы такого уровня, который включает в себя образования, не имеющие специфических особенностей самой системы, но онтологически необходимые для существования самой системы. Это – так сказать «первичный», «сырой» материал, на основе которого формируется и эволюционирует система; ее онтологическая база; необходимое, но еще недостаточное условие для ее развертывания. С этой точки зрения как очевидное раскрывается то обстоятельство, что в психологии способностей издавна сложилось и прочно вошло в ее тезаурус именно такое понятие – понятие, фиксирующее в себе все важнейшие признаки «элементного» значения критерия-дискриминатора. Им, повторяем, и является понятие задатков.

Действительно, согласно общепризнанным положениям теории способностей, задатки обладают всеми характерными особенностями элементного уровня организации систем. И, прежде всего, – это своеобразная двойственность их природы. С одной стороны, они объективно необходимы для того, чтобы та или иная способность стала реальностью, чтобы возникла и сформировалась качественно специфическая, особая психическая реальность, соотносящаяся с той или иной способностью. Они тем самым проявляют себя как необходимое, но, повторяем, еще недостаточное условие для становления этой качественной определенности. И в этом своем статусе – статусе объективно необходимого условия для формирования вначале компонентов (частных, специальных способностей), а затем и способностей и иных – более высоких порядков, уровней, они, безусловно, входят в состав общей системы способностей, образуют ее базовый, исходный уровень. С другой стороны, они, соответствуя именно элементному значению критерия-дискриминатора, сами по себе не являются собственно психической реальностью, а выступают носителями иных качеств – биологических, физиологических, генетически детерминированных. Тем самым традиционно обсуждаемая проблема связи задатков и способностей «на языке» теории систем – это отнюдь не проблема связи элемента и системы, а проблема связи элементов и компонентов общей системы способностей. На основе задатков формируются способности микроуровня (частные, специальные), соотносящиеся с компонентным значением критерия-дискриминатора. И лишь на их основе развертывается генезис способностей иных уровней, иных – более высоких порядков сложности.

В связи со сказанным, необходимо, конечно, специально подчеркнуть и еще одно обстоятельство. Как можно видеть из представленных выше материалов, анализ структурной организации блока ПВК своей собственной логикой привел к необходимости обращения к одной из основополагающих психологических категорий – категории способностей. Это совершенно естественно, поскольку общие закономерности, установленные в психологии способностей, с необходимостью проявляются в собственно деятельностном «измерении», каковым и вступает блок профессионально-важных качеств. В данном отношении чрезвычайно показательным (и доказательным) является то, что рассмотренные выше закономерности структурной организации данного блока органично согласуются с теми базовыми принципами, на основе которых организованы способности личности. Прежде всего, речь идет, конечно, о проявлении в организации способностей уже рассмотренного феномена мультиплицирования.

Таким образом, подводя итоги проведенному выше анализу, можно сделать следующее обобщающее заключение. В структурной организации блока ПВК, во-первых, реализован принцип метасистемности, а сам он является еще одним представителем класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Во-вторых, организация блока ПВК базируется на общем структурно инварианте, включающем пять основных уровней (метасистемный, системный, субсистемный, компонентный, элементный).

VIII

Итак, выше была дана характеристика двух основных подходов к структуре экспликации общей совокупности ПВК, а также к их объяснению и к выявлению закономерностей их организации – *гносеологического и онтологического*. В свою очередь, это создает необходимые условия для продолжения анализа, поскольку именно через сопоставление указанных подходов оказывается возможным выявить некоторые новые – дополнительные грани проблемы ПВК в целом. Представляется целесообразным также вначале остановиться на *специфических* особенностях каждого из них, то есть на их различиях по отношению друг к другу, а затем перейти к определению и интерпретации основных черт их *общности*.

Во-первых, весьма очевидно то, что эти подходы имеют различную «идеологическую» направленность и общую ориентацию: первый из них, как отмечалось выше, имеет подчеркнута *гносеологический* характер, а второй – столь же выраженную *онтологическую ориентацию*. Из этого следует также, что они в значительной степени дополняют друг друга, а реализация какого-либо одного из них должна учитывать материалы, получаемые с позиций другого.

Во-вторых, они существенно различны и по *целевому назначению*: первый ориентирован на решение преимущественно прикладных задач, имея поэтому подчеркнута прагматический характер. Второй же ориентирован на решение преимущественно теоретических задач, имея поэтому собственно теоретический характер.

В-третьих, дифференциация групп ПВК в первом из них осуществляется по *операциональному основанию*, тогда как во втором – по субстанциональному основанию. В результате при первом способе дифференцируются такие группы ПВК, которые имеют в большей степени таксономический характер и выступающие именно гносеологическими конструктами, а во втором – такие группы, которые составляют собственное содержание блока ПВК, то есть его реальную онтологию в целом и уровневое строение, в частности.

В-четвертых, именно в силу указанных выше обстоятельств, этих подходы существенно различны в плане так сказать проникновения в суть проблемы ПВК, в плане меры углубления в ее истинное содержание и реальную сложность. Первый из них является в этом плане относительно более поверхностным, тогда как второй – более глубинным, сущностным; первый соотносится с уровнем *феномена*, а второй – с уровнем сущности (ноумена).

В-пятых, эти подходы весьма различны и в плане того, что в основе второго лежит совершенно определенный и четкий *критерий* дифференциации таксономических групп ПВК, тогда как в первом такой критерий, фактически, отсутствует, а группы ПВК дифференцируются по эмпирико-феноменологическим основаниям и профессиографическим аргументам. В результате этого, первый подход не позволяет установить базовые закономерности взаимосвязи взаимопереходов между основными группами ПВК, тогда как второй, напротив, решает эту проблему вполне естественным образом.

В-шестых, как следствие этого, первый подход не позволяет в полной мере эксплицировать совокупность ПВК как определенную целостность, как *системное образование*, тогда как второй подход, напротив, и эту задачу также решает вполне естественным образом.

Наконец, в-седьмых, как своего рода результирующее проявление всех указанных особенностей, существует и еще одна – пожалуй, главная отличительная особенность этих подходов. Первый из них позволяет дифференцировать и объяснить совокупность ПВК именно как таковую – как *аддитивное* множество основных субъектных детерминант. Он, однако, не позволяет в должной мере выйти за пределы этой аддитивности и перейти к выявлению их собственной *организации*. Второй, напротив, позволяет эксплицировать эту совокупность уже не только как агрегативное множество, а как собственно системное образование, поскольку вскрывает наличие у нее главного атрибута собственно системной организации – *уровневого, иерархического строения*, то есть наличие структурно-уровневой организации. Вместе с тем, в этом пункте анализа мы вплотную подходим к необходимости определения и осмысления не менее, а, не исключено, и более значимых черт общности указанных подходов. И именно эта задача, по нашему мнению, является еще более значимой в плане выявления основных особенностей организации системы ПВК. Кроме того, попытки ее рассмотрения позволяют выявить и некоторые новые особенности первого – традиционно сложившегося подхода.

IX

В этом отношении можно выделить, на наш взгляд, следующие основные черты принципиальной общности рассматриваемых подходов. Во-первых, несмотря на то, что эти подходы имеют принципиально разную и даже противоположную ориентацию, они сходны в том плане, что все же имеют как таковую – как философскую по своей природе и, более того, обусловленную базовой философской дифференциацией – на онтологическое и гносеологическое. Следовательно, они должны быть поняты как «равномощные» по своему *статусу* – именно как философски-обусловленные и поэтому – методологические по существу. Допустимо, по всей вероятности, сказать и более категорично: они являются настолько общими, что вполне могут претендовать и на статус *парадигм* – наиболее обобщенных подходов к раскрытию природы ПВК как базового класса субъектных детерминант деятельности.

Во-вторых, являясь различными и в хронологическом плане, следовательно, они должны быть поняты и как два основных *этапа* в развитии одной и той же проблемы – проблемы ПВК. Первый – гносеологический подход оформился значительно раньше, второго (онтологического).

В-третьих, различаясь в хронологическом плане и выступая как этапы, они характеризуются и тем аспектом общности, что получаемые на каждом из них результаты знаменуют ту или иную фазу разработки данной проблемы, характеризующиеся тем или иным уровнем проникновения в ее суть.

В-четвертых, выступая и как хронологические этапы, и как фазы раскрытия данной проблемы, они тем самым эксплицируются в еще одном общем модусе – раскрываются как два различных по многим параметрам, но сходных по своему статусу *уровня* разработки данной проблемы. Первый из них характеризуется относительно меньшей «мощностью», а второй – существенно большей разрешающей способностью.

В-пятых, синтез всех отмеченных общих особенностей с высокой степенью очевидности вскрывает и еще одно обстоятельство, имеющее, пожалуй, наиболее имплицитный характер. Оно состоит в том, что первый подход органично соотносится с *аналитическим* этапом (а одновременно – фазой и уровнем) разработки проблемы ПВК, тогда как второй столь же органично соотносится с этапом собственно *системной* разработки данной проблемы. Одновременно это же обстоятельство эксплицирует два рассматриваемых подхода как проявления двух базовых парадигм научного познания в целом – *предметноцентрической и системоцентрической* [14, 25].

В-шестых, следует отметить и еще одно обстоятельство, демонстрирующее их общность, представляющее, на первый взгляд, формальным и даже поверхностным, но, в действительности, позволяющим эксплицировать еще одну принципиально общую их черту. Оно состоит в том, что количество дифференцируемых групп ПВК в обоих подходах является не только *одинаковым*, но и *рваным пяти*. Это, на наш взгляд, совершенно неслучайно, поскольку в основе этого «совпадения» лежат причины принципиального характера. Их сущность состоит в том, что, как показано при анализе второго подхода, сама дифференциация ПВК на группы является следствием их *уровневой* дифференциации, а та, в свою очередь, непосредственно базируется на общесистемном критерии-дискриминаторе, имеющем пять основных значений. Однако при внимательном анализе можно видеть, что этот же критерий вполне конгруэнтен и дифференциации групп ПВК, которое выделяются в первом подходе. Все эти группы очень явно дифференцируются по такому важнейшему параметру, как степень их *обобщенности* и, следовательно, синтетичности – сложности состава и сложности – интегративности их организации. Сказанное можно проиллюстрировать следующей таблицей.

Таблица 1

Соотношение значений критерия-дискриминатора и уровней организации ПВК в двух основных подходах

<i>Значения критерия-дискриминатора</i>	<i>Гносеологический вариант экспликации</i>	<i>Онтологический вариант экспликации</i>
Метасистемное	Вторичные ПВК (метакачества)	Личностный (метасистемный) уровень организации ПВК
Системное	Мотивационные ПВК	Общесистемный уровень организации ПВК
Субсистемное	Относительные ПВК («ПВК мастерства»)	Базовые подсистемы ПВК
Компонентное	Абсолютные ПВК	Отдельные ПВК
Элементное	Отсутствие профессиональных противопознаний	Задатки как «элементная база» способностей и ПВК

По отношению к онтологической дифференциации указанное в таблице соответствие значений критерия-дискриминатора и уровней ПВК было продемонстрировано выше. По отношению к гносеологической дифференциации, представленной в первом подходе, можно сделать следующие пояснения. Так, вполне очевидно, что ее первая «сверху» группа, представленная категорией метакачеств, по вполне понятным причинам органично соответствует первому значению критерия-дискриминато-

ра – метасистемному. Вторая группа – мотивационные ПВК, являющиеся, по существу, деятельностной конкретизацией психологического «ядра» личности – ее мотивации, органично соотносятся с личностной организацией в целом, то есть с ее общей, точнее – общесистемной организацией. Потому она соответствует системному значению критерия-дискриминатора. Наиболее сложным, далее, является вопрос о воплощенности в этой экспликации ПВК двух следующих значений данного критерия – субсистемного и компонентного. Однако, и он решается вполне закономерным образом. Дело в том, что компетентное значение критерия, фиксирующее в себе именно те или иные основные, наиболее простые и в то же время – исходные «единицы» целостности, воплощающие в себе черты ее качественной определенности, закономерным образом соотносятся в категорией абсолютных ПВК. Именно они, как известно, являются теми основными качествами – базовыми параметрами, которые уже являются профессионально-важными, но выступают при этом еще как наименее комплексные – как именно исходные, лежащие в основе всей их совокупности. И напротив, относительные ПВК, выступающие как более сильные факторы достижения высоких профессиональных достижений, являются по определению более сложными и комплексными, а значит – *составными*, интегративными. Они, как показано во многих исследованиях, обычно, предстают как определенные паттерны иных качеств – более низких уровней обобщенности, то есть, фактически, как подсистемы, объединяющие в себе несколько иных качеств. Тем самым, они закономерным образом соотносятся с субсистемным значением критерия-дискриминатора. Наконец, столь же закономерна связь и еще одной группы качеств дифференцируемых в гносеологическом подходе – профессиональных противопознаний с еще одним значением критерия-дискриминатора – элементным. Действительно, сама суть этого критерия заключается в том, что он фиксирует такие сущности, которые, являясь необходимыми для возникновения качественной определенности какой-либо системы, сами по себе еще недостаточны для этого. Они, следовательно, могут трансформироваться в ее компоненты при условии дополнения иным содержанием и организацией. Однако, именно это и присуще данной группе качеств: они сами по себе еще не являются носителями качественной определенности, присущей ПВК. Однако, они необходимы, чтобы эта определенность возникла – при условии и на основе действие ряда дополнительных механизмов и закономерностей. В связи с этим, можно сказать и так: отсутствие профессиональных противопознаний – это необходимое, но еще недостаточное условие для того, чтобы в структуре личности оформились все иные группы качеств. Тем самым, и эта группа эксплицирует свой уровневый статус, соотносясь с еще одним базовым (причем, в прямом смысле) значением критерия-дискриминатора – элементным. Таким образом, можно видеть, что наиболее имплицитная черта общности двух подходов состоит в том, что они являются разными вариантами структурно-уровневой экспликации системы ПВК и, более, того, базируются на одном и том же общесистемном критерии-дискриминаторе.

В-седьмых, исходя из сказанного, становится очевидным, что еще одна черта принципиальной общности рассматриваемых подходов состоит в том, что они являются равными *вариантами* реализации единой методологии – методологии системности, принципа системного подхода в целом. Более того, они выступают не просто «теми или иными» вариантами, а воплощением двух *основных* вариантов методологии системности – гносеологического варианта системного подхода и его онтологического варианта (они, в свою очередь, подробно охарактеризованы наших предыдущих работах [8, 9]). Наконец, важно и то, что они реализуют сам принцип системности не в его «каноническом» и отчасти упрощенном виде, а в одном из его наиболее современных, постнеклассических вариантов – в варианте *метасистемного* подхода. Тем самым, они в полной мере соотносятся и с основными тенденциями развития системного подхода, воплощая в себе тот уровень, на котором он находится сегодня. Кроме того, базируясь на нем, исследование проблемы ПВК, проинтерпретированное с развитых выше позиций – с позиций двух вариантов реализации системной методологии, само в значительной степени содействует развитию этой методологии. Тем самым, проблема ПВК, выступает уже не только как предмет исследования, но эксплицируется и в функции важного методологического средства, направленного на развитие принципа системного подхода в целом, то есть в качестве *метода* психологических исследований, в ее эвристической роли.

Литература

1. Бодров В. А. Психология профессиональной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 300 с.
2. Веккер Л. М. Психические процессы. Л.: ЛГУ, 1974, 1976; Т.1. – 334 с.; Т.2. 341 с.
3. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Философия духа. М.: Мысль, 1977. Т.3. 471 с.
4. Залевский Г. В. О научном наследии М. С. Роговина // Методология и история психологии. 2006. Том 1. Выпуск 2. С. 99-102.

5. Карпов А. А. Структурная организация меткогнитивной регуляции управленческой деятельности. М.: РАО, 2018. 784 с.
6. Карпов А. В. Психология менеджмента. М.: Гардарики, 1999. 546 с.
7. Карпов А. В. Метасистемная организация уровневых структур психики. М.: ИП РАН, 2004. 602 с.
8. Карпов А. В. Психология деятельности. В 5-ти т. М.: РАО, 2015.
9. Карпов А. В. Психология сознания: Метасистемный подход. М.: Изд. Дом РАО, 2011. 1080 с.
10. Карпов А. В., Чемякина А. В. Компенсаторные функции интернальности и рефлексивности в структуре профессионально-негативных качеств личности // Вестник ЯрГУ. Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 31–37.
11. Карпов А. В., Карпова Е. В. Системогенез игровой деятельности: структурно-функциональная организация и генетическая динамика. М.: Изд. дом РАО, 2017. 533 с.
12. Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. М.: Изд. Дом РАО, 2017. 640 с.
13. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979. – 504 с.
14. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1984. 464 с.
15. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. – 443 с.
16. Нижегородцева Н. В., Карпова Е. В., Ансимова Н. П. Проблемы системогенеза учебной деятельности. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2009. 419 с.
17. Профессионализм современного педагога / под ред. В.Д. Шадрикова. М.: Логос, 2012. 168 с.
18. Психологические основы профессиональной деятельности. Хрестоматия. М.: Per Se, 2007. 854 с.
19. Психология труда: учебник для вузов / под ред. А. В. Карпова. М.: Владос, 2004. 349 с.
20. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977. 78 с.
21. Человеческий фактор / под ред. Г. Салвенди. В 6-ти томах. М.: Мир, 1991.
22. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. Москва: ИП РАН, 2013. 419 с.
23. Шадриков В. Д. Профессиональные способности. М.: Университетская книга, 2010. 320 с.
24. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. СПб: Речь, 2002. – 480 с.
25. Bertalanfy L. von. The Theory of Open Systems in Physics and Biology// Science 13 January 1950 111: 23-29 [DOI: 10.1126/science.111.2872.23].
26. Simon H. A. Administrative behavior. New-York, 1947. 236 p.

УДК 159.92

Структурно-уровневый подход к проблеме филогенетической эволюции психики (статья первая)

А. А. Карпов, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены материалы разработок в области филогенетической эволюции психики и поведения животных и человека, а также представителей видов, расположенных в составе других царств живой природы. Сформулированы положения, согласно которым может быть реализован единый, комплексный подход к исследованию филогенетической эволюции психики. Показано, что в качестве такого конструктивного методологического средства может выступать структурно-уровневый подход, развитый в работах крупного отечественного психолога, представителя Ярославской психологической школы Михаила Семеновича Роговина. Выделены основные принципы и требования структурно-уровневого подхода, необходимые для его развертывания в данной области.

Ключевые слова: филогенетическая эволюция психики, структурно-уровневый подход, уровни, межуровневые взаимодействия, системный подход, закон возрастания темпов развития, метаразвитие.

Современное состояние проблемы эволюции психики животных (и живого вообще), а также конкретно, – разработки периодизации этапов развития филогенетических форм развития их психической организации, очевидным образом обуславливает наличие необходимости в формулировке новых научных взглядов, которые по своему содержанию учитывали бы современное понимание предмета зоопсихологии и смежных с ней дисциплин (сравнительной психологии, эволюционной психологии, этологии и др.).

По существу, история развития взглядов на психику и поведение животных и человека в значительной мере определила возможность и необходимость в разработке определенного, достаточно общего методологического средства, которое было бы в состоянии интегрировать в себе как можно более широкий спектр научных знаний о предмете зоопсихологии. Особое значение формулировка такого подхода приобретает в условиях современного состояния исследований, заключающегося в превалирующими над остальными работами, направленными на изучение каких-либо узких по своим масштабам, очень специфичных проблем, особенностей психики и поведения животных. С одной стороны, это, несомненно, способствует углублению исследований в конкретных направлениях (хотя и зачастую, только лишь в пределах определенного вида животных), с другой же, может способствовать явному формированию тенденции изоляционизма, автономности, отчетливо проявляющейся в современной зоопсихологии. Все эти обстоятельства оказывается не в силах способствовать теоретико-методологической интеграции.

Ввиду этого, полагаем, очевидно давно уже назрели объективные и вполне обоснованные предпосылки для разработки обобщающего подхода к проблеме развития психики в филогенезе и шире – к проблеме *эволюции психики и поведения* животных и человека. При этом важно учитывать, что данная точка зрения ни в коей мере не противоречит и не отрицает работ предшественников, но позволяет дать описание рассматриваемой проблематике с иных, новых и в какой-то мере более углубленных позиций.

Вместе с тем, считаем необходимым сразу же высказать очень важное и, во многом, определяющее уточнение относительно всей совокупности реализуемых нами исследований в этой области. Установленные и описанные в данной работе (и в целом ряде других наших работ [2, 4-6]), а также представленные на их основе главные положения структурно-уровневого подхода, являются, по большому счету, во-первых, попыткой обобщения существующих к настоящему моменту очень разрозненных и несистематизированных взглядов в отношении изучаемой широчайшей проблематики а, во-вторых (и это главное), поиском направлений, благодаря которым будет преодолена доминирующая в современных работах *аналитическая* стадия изучения предмета исследований – эволюции психики в филогенезе. Иными словами, находящаяся на очевидно *претеоретической* фазе, проблема установления закономерностей организации эволюции психики, разумеется, нуждается в переходе на более прогрессивные в научном плане уровни. Это стало предметом научного поиска далее – в работе [6].

Высокая степень сложности самой по себе проблемы выделения конкретных этапов эволюции психики обуславливает целый ряд затруднительных моментов для формулировки конкретного научного подхода. Во-первых, возможно, главным из них в данном случае представляется вопрос о том, какие из представителей широчайшего диапазона царства животных обладают наиболее примитивными или, напротив, высокоразвитыми формами психической организации, а какие из них – нет, и вообще – имеется ли необходимость и, самое главное, обоснованность такого тезиса. Дело в том, что всецело принимая точку зрения под названием «анималопсихизм» в качестве базовой, мы таким образом, уже по определению выдвигаем предположение о психике как об атрибутивном свойстве всех животных. Во-вторых, неоднократно подчеркиваемое многообразие видов животных, а также специфичность каждого из них как сугубо на уровне организмов, так и на уровне психики и поведения, является причиной существования проблемы, которую можно было бы описать следующим образом. Имеется ли необходимость выделения конкретных этапов филогенетического развития психики таким образом, чтобы в каждый из них содержательно, основываясь на определенном критерии, входила конкретная группа животных, или же, наоборот, периодизация может и должна допускать возможность включения в различные этапы представителей разных таксономических групп (или даже отдельных особей). И наконец, в-третьих, возможно наиболее важным представляется вопрос о том, какие средства методологического плана могут быть заложены в разработку научного подхода. С одной стороны, они не должны противоречить характеристикам предмета исследования, учитывать его качественную специфику и своеобразие, с другой стороны – их потенциал должен быть достаточен для описания всей сложившейся проблематики.

Мы полагаем, что все разнообразие форм организации психики в пределах всего царства животных, так или иначе, необходимо рассматривать именно в континуальном (точнее – хронологическом) виде, согласно последовательности историко-эволюционных преобразований, имевших место (и, по всей видимости, осуществляемых сейчас) на протяжении общего филогенеза рассматриваемого крупного биологического таксона. Вместе с тем, важно подчеркнуть, что вся совокупность рассматриваемых форм развития психики и соответствующих им эволюционных этапов существует и в настоящее время, и ни одна из них, фактически, не исчезла в течение истории жизни на Земле. Некоторые из них являются филогенетически более древними, а отдельная их часть, наоборот, – относительно новыми и, одновременно с этим более сложными. Данный тезис еще раз убедительно свидетельствует о необходимости

научного анализа процессов биологической эволюции и эволюции психики не в автономном друг от друга ключе, а напротив, в совершенно гармоничном виде. Дело в том, что эволюция на уровне организмов и эволюция психики и поведения – явления, не просто «параллельно» происходящие друг другу, а взаимодетерминирующие друг друга и, вероятно, взаимонаправленные, способствующие в конечном счете достижению общей, глобальной цели – развития организма во всем многообразии этой категории. В то же время, в ходе исследования стало вполне очевидно, что принимаемая априори доктрина анималопсихизма может и должна постепенно уступать место теоретическим представлениям, согласно которым закономерности филогенетического развития психики в том или ином виде выражены у представителей других царств, часть из которых вообще принадлежит к прокариотическим организмам.

Разумеется, представление эволюционно-психического развития в форме перехода от одной ступени к другой или в виде некоего континуума уже становилось предметом исследования различных авторов. Так, был выделен *межвидовой* уровень эволюции, на котором происходит постепенное изменение психики от наиболее простых к более сложным формам по мере развития различных представителей царства животных от простейших (*Protozoa*) к млекопитающим (*Mammalia*) и самому человеку (*Homo sapiens sapiens*). Он хоть и является показательным с точки зрения представленности основных видов животных, но, тем не менее, не вскрывает более глубокие закономерности развития психики и поведения в филогенезе, носит лишь описательный характер, что было реализовано нами (см. далее). Вместе с тем, могут быть выделены *внутривидовой* и *онтогенетический* уровни эволюции психики животных.

Объективно высокая степень актуальности главного предмета наших разработок – эволюции психики животных в филогенезе сочетается со слабой представленностью, а по существу, с практически полным отсутствием необходимых материалов научно-исследовательского плана, которые раскрывали бы основные механизмы и закономерности этого сложнейшего процесса, как с опорой на имеющиеся данные психологии (и конкретно зоопсихологии в своем макродисциплинарном варианте (см. в [5]), так и с позиций положений, относящихся к историческому развитию жизни на Земле (в том числе – жизни животного мира). Таким образом, общая периодизация этапов эволюции психики (филогенетического развития психики и поведения животных и человека) выглядит, согласно нашим представлениям, следующим образом.

Рис. 1. Этапы эволюции психики в филогенезе

Представленная точка зрения на периодизацию этапов эволюционного развития психики имеет, возможно, наиболее подробный и конкретизированный вид. В ее структуре выделяются самые разнообразные этапы эволюции психики, начиная от простейших и наиболее примитивных (кинезов и таксисов) и заканчивая категориями сознания и самосознания. Вместе с тем, в структуру данной периодизации включен уровень познавательных и метакогнитивных процессов, наличие которых частично подтверждено у представителей некоторых видов животных [1, 2, 4-6].

Важно еще раз отметить, что выделение уровней филогенетического развития психики не предполагает, что всю совокупность представителей животного мира можно условно разделить примерно на семь групп в соответствии с каждым из уровней. Развитие психики большого числа видов животных содержательно может включать в себя сразу несколько из представленных уровней.

Наряду с этим, необходимо особо подчеркнуть, что с позиций сформулированных выше представлений по отношению к проблеме периодизации реализуется один из наиболее общих и, в то же время, – конструктивных общенаучных методологических подходов – *структурно-уровневый* подход. Он, как известно, реализован в настоящее время по отношению к большому числу психологических проблем и направлений; вместе с тем, по отношению к рассматриваемой проблеме он до настоящего времени остается не востребованным. В ряду других особое место занимают, несомненно, развитые выдающимся отечественным психологом, одним из наиболее видных представителей Ярославского психологической школы М. С. Роговиным [13] по отношению к исследованию психики вообще положения структурно-уровневого подхода.

Действительно, как можно видеть из схемы, представленной на рис. 1, основные стадии развития психики могут и должны быть рассмотрены не только как отдельные – качественно специфические формы ее организации, но и как «составляющие» общего процесса филогенетического развития, тесным и закономерным образом связанные друг с другом. Они выступают с этой точки зрения не только «сами по себе», но и как «части целого» – как компоненты определенной структурной организации общего процесса эволюционного развития психики. Более того, они раскрываются не только как компоненты, как «части» этого общего процесса, но и как различные уровни сложности, достигаемые психикой на том или ином этапе процесса филогенетического развития. Следовательно, в этом плане они не только могут, но и должны быть проинтерпретированы именно как таковые, то есть как уровни. Это означает, в свою очередь, что на их взаимосвязь друг с другом, а также на их общую организацию должны быть распространены общие положения, сформулированные в структурно-уровневом подходе относительно закономерностей межуровневых взаимодействий, а также закономерности генезиса уровневой организации систем в целом. Основными из них, как известно, являются закономерности (и, соответственно, – лежащие в их основе механизмы) двух типов.

Первый из них обозначается как формирование уровней по типу «*снизу-вверх*». Его смысл состоит в том, что каждый последующий (в эволюционном плане) и, соответственно, высший по отношению к предыдущему уровень формируется в результате развития и совершенствования предыдущего уровня – как итог и «следствие» развития и организации тех характеристик и того потенциала, который складывается в рамках предыдущего (нижележащего) уровня. Ведущую роль при этом играют средства и механизмы интегративного типа. Важно также и то, что все особенности и возможности – все «достижения» низшего уровня не «пропадают и не отрицаются» в новом – высшем по отношению к нему уровне, а наоборот, сохраняются, хотя нередко и в существенно трансформированном виде.

Второй из них обозначается как формирование по типу «*сверху-вниз*». Его смысл состоит в том, что с возникновением нового уровня организации в той или иной системе, как правило, возникают новые особенности, появляется новый потенциал и у тех уровней, которые уже были сформированы ранее и которые выступают по отношению к нему как нижележащие. В этом отношении отмечается, что «с появлением нового уровня сущего в прежних уровнях обнаруживаются новые свойства и особенности» (цит. по [7]).

На наш взгляд, наиболее важным обстоятельством, которое следует из сформулированной точки зрения, является положение, согласно которому отношения между любыми – так сказать «соседними» основными типами (и, соответственно, – этапами) организации и эволюции психики подчиняются принципиально идентичным, то есть инвариантным закономерностям. Ими являются те – два основных типа механизмов межуровневых переходов, которые были констатированы выше. Одновременно с этим и в картине эволюционного развития форм организации психики в целом обнаруживается очень общая, хотя и достаточно скрытая – латентная логика. Следствием ее развертывания как раз и выступает то, что основные формы этой организации, равно как и этапы их развития, не только могут, но и должны быть рассмотрены как «звенья единой цепи», поскольку они, фактически, являются различны-

ми *уровнями* единой по своей сути *структуры* – эволюционного процесса, а также совокупности тех результатов, которыми он характеризуется на том или ином его этапе.

Вместе с тем, взаимодействия уровней, а также взаимопереходы между ними представлены настолько очевидно и составляют такую часть организации всего процесса эволюции психики, что именно они в значительной мере и обуславливают ее как таковую. Подобно этим закономерностям осуществляются, например, межуровневые взаимодействия в функциональной организации деятельности согласно исследованиям А. В. Карпова [7].

В то же время, необходимо учитывать и ту – очень характерную и, во многом, – традиционную особенность, согласно которой очевидный приоритет среди двух указанных выше типов отдается первому, то есть переходу «снизу-вверх». В контексте изучения эволюционно-психических преобразований такая ситуация не просто вполне объяснима, но даже и закономерна, логична по целому ряду параметров. Даже само по себе эволюционное развитие – это заведомо неуклонное и неукоснительное движение «вверх» по «эволюционной лестнице». Наряду с этим, второй тип межуровневых переходов («сверху-вниз») раскрыт в значительно меньшей степени. При этом по отношению к иным психологическим исследованиям эта ситуация хотя и является заметной и требующей решения, но стоит все же не настолько остро, как это обстоит в плане изучения эволюции психики и поведения. В этом случае, формирование переходов по типу «сверху-вниз» вообще практически не описано к настоящему моменту. Хотя, разумеется, представляется достаточно закономерным, что его роль в развитии психики в филогенезе должна быть ничуть не меньше, чем роль механизмов первого типа, чему способствует ряд причин. Во-первых, как отмечается в [7], «данное обстоятельство логически вытекает из объективной необходимости пропорциональности – соразмерности и взаимной «уравновешенности» двух основных типов межуровневых переходов. Это является именно объективным условием эффективной организации любых систем...». Во-вторых, сама специфика предмета исследования предполагает то, что выделяемые уровни не пропадают и не исчезают, как это уже было отмечено, после того, как будут сформированы другие – более высокого порядка. Они, будучи определенными этапами развития психики, возникли в ходе развертывания большого исторического континуума, в процессе развития биологической жизни и объективно существуют в настоящее время, находясь при этом не в некоем изолированном и относительно стабильном виде, а напротив, дополняя свое содержание. Эти характеристики, как мы полагаем, в решающей мере детерминируют возможности усиления потенциала нижележащих уровней, «обогащения» их эволюционными достижениями, которые уже были сформированы выше, то есть, реализации в своем типичном виде перехода по типу «сверху-вниз».

Важно учитывать, конечно, и то, что, в целом, структурно-уровневая теория выступает, прежде всего, в качестве одной из конкретных модификаций общеметодологического *системного подхода* [13]. Более того, как указывают некоторые авторы, в частности, М. С. Роговин, она воплощает в себе некоторые значимые его особенности. При этом, разумеется, необходимо понимать, что и системный подход, и структурно-уровневый подход, как его частный вариант, претерпели ряд значительных трансформаций с момента своего возникновения. Тем не менее, совокупность задач методологического анализа уровневой структуры осталась, фактически, неизменной до настоящего момента, инвариантной по своей сути. Так, к ним следует относить некоторые специфические закономерности развития – соотношения низшего и высшего, в том числе, как отмечается в [13], сохранения низшего в высшем, анализ разнородных связей различных уровней в пределах одной структуры, «прослеживание включения низшего в высшее, интеграции различных уровней в целостную систему, их трансформации». Это вполне согласуется с описанными выше типами межуровневых переходов и может быть рассмотрено применительно к структуре филогенетического развития психики и поведения животных. В то же время, важное значение для дальнейших исследований в этой области имеют конкретные формы проявления иерархических взаимоотношений между высшим и низшим уровнем [13]. В этой связи, необходимо, конечно, отметить, что «...эти взаимоотношения в большей мере определяются тем, что высшие служат в качестве направляющих и регулирующих, низшие – как ограничивающие или разрешающие по отношению к высшим; включенные в общую структуру психического, иерархически соподчиненные уровни функционируют внутри ее уже в трансформированном виде. Некоторые типы отношений складываются и в плане степени определенности и неопределенности (для уровней, взятых относительно независимо от общей структуры, определенность – вниз по иерархии, неопределенность – вверх; для них же, но по отношению к целому, это направление меняется на обратное)» (цит. по [13]). И в этом случае, опять-таки, целесообразно констатировать, что в отношении исследуемой в данной работе проблематики эволюции психики подобные закономерности в своем общем виде соблюдаются, делая возможным раскрытие других особенностей с позиций структурно-уровневого подхода.

Разумеется, межуровневые переходы и взаимодействия между уровнями в общей структуре эволюционного процесса будут раскрыты далее в контексте представления результатов исследований в пределах каждого из выделяемых уровней. Вместе с тем, прежде чем приступить к такой достаточно общей и комплексной задаче, на наш взгляд, необходимо также обозначить некоторые предпосылки для подобного рода разработок. Речь идет о том, что в целом ряде сложных систем, являющихся предметом исследований (в том числе наших предыдущих, например, [3]), могут быть эксплицированы такие особенности, которые аналогичны по своему содержанию типам межуровневых взаимодействий в структуре эволюционного процесса. Более того, они также содержат в себе, к примеру, механизмы «обогащения» содержания низших уровней достижениями высших и т. д. Основными из них, по нашему мнению, являются следующие положения теоретического характера, сформулированные как в русле общей теории систем, так и в когнитивной психологии.

Прежде всего, это положение, согласно которому одной из важнейших особенностей организации сложных систем является их способность использовать промежуточные *результаты* своего функционирования в качестве *оснований* (условий и факторов, детерминант и предпосылок) этого же функционирования, но на последующих этапах его процессуального развертывания [8, 12]. *Результаты*, генерируемые системой на какой-либо *фазе* функционирования, меняют свой статус и становятся факторами организации *процесса*, но уже на другой его фазе. Имеет место то, что иногда обозначается как «погружение результата в процесс». Результативные эффекты меняют свой статус: они становятся уже не *результативными*, а *посылочными* факторами. При этом они используются как средства, как новые – полученные самой же системой возможности для ее дальнейшего функционирования, но уже на последующих его фазах. Тем самым, системы, генерируя некоторый результат, затем используют его же, но в качестве его «противоположности» – уже не как результата, а как исходного условия для своего же функционирования, но на последующих временных этапах. Важной особенностью такого рода систем является не только использование ими своих частных, «парциальных» результатов для организации процесса своего же собственного осуществления. Дело еще и в том, что эти результаты вначале – активно порождаются именно для обеспечения этого функционирования, а затем и на основе этого – используются в нем. В отношении процесса эволюции психики можно отметить то, что, скажем, результаты развития низших уровней детерминируют возникновение уровней более высокого порядка, чьи достижения эволюционного плана, в свою очередь, уже впоследствии используются для функционирования низших (согласно принципам формирования уровней по типу «сверху-вниз»).

Наряду с этим, необходимо отметить еще одну, принципиально важную особенность. Она же, по существу, обуславливает постановку более общих и сложных вопросов, относящихся ко всей сфере исследования систем различного типа. Применительно к проблеме структурно-уровневой организации процесса эволюции психики она вообще в значительной степени является, как мы полагаем, определяющей. Как указывается в [7], «организующее влияние вышележащего уровня на нижележащий проявляется не только, а зачастую не столько в том, что создает «режимы» для компонентов второго, синтезируя их в определенную целостность». В данном случае, речь идет еще и о том, что «внутри» возникающей таким образом их организации сами компоненты обретают базовые характеристики всего *целого*. Они начинают становиться «носителями» его атрибутивных черт, и поэтому в значительной степени «повторяют» – воплощают (мультиплицируют) его общую качественную определенность. Каждый из уровней филогенетического развития психики (эволюции форм развития психики) также может и должен обладать уровневой структурой, которая сама по себе является более частным выражением (своеобразной «уменьшенной копией») всей общей структуры эволюционно-психического процесса. В отношении всякого из выделяемых уровней, может быть впервые предложено такое решение общей эволюционно-психологической проблемы. В структуре каждого из уровней могут быть эксплицированы определенные подуровни, между каждым из которых, опять-таки, имеют место закономерные межуровневые переходы (то есть такие же, которые реализуются и в общей структуре).

Вследствие этого, необходимо подчеркнуть, что в иерархической организации процесса эволюции психики реализован ряд важнейших характеристик структурно-уровневой организации психических образований: существование у каждого уровня собственной качественной определенности, наличие у них качественной специфичности по отношению ко всем другим уровням, а также системы закономерных межуровневых взаимодействий и взаимопереходов. Показано, что каждый вышележащий уровень формируется на основе ближайшего к нему нижележащего посредством интеграции компонентов последнего, внесения в него дополнительной организации. В результате развертывания средств и механизмов организационного типа порождаются новые свойства, которые обуславливают переход к вышележащему уровню.

Вместе с тем, необходимо обратить внимание и на то, что предлагаемый нами подход, фактически, раскрывает еще одну «сферу действия» известного методологического принципа, сформулированного в свое время Я. А. Пономаревым [11] – принципа ЭУС («этапы – уровни – ступени»). Действительно, можно видеть, что основные формы организации психики должны быть проинтерпретированы в качестве аналогичных, то есть также основных *этапов* ее развития. Они, в свою очередь, не только «сменяют» друг друга, но и сохраняются, последовательно синтезируются – «сочетаются» друг с другом во все более и более усложняющихся видах живых организмов. Тем самым они выступают и как *уровни* все более усложняющейся психической организации. Наконец, каждый вновь формирующийся уровень выступает и в качестве объективной предпосылки для складывания и возникновения уровней еще более высоких порядков организации и сложности. Это означает, что каждый уровень является не только результатом – итогом единого генетического процесса формирования, но и фазой, то есть *ступенью* общего процесса развития, в том числе и эволюционного.

На основе осуществленного выше представления можно также выявить достаточно общую особенность, а не исключено – и закономерность эволюционного развития психики в процессе филогенеза, заключающуюся в следующем. Продолжительность времени перехода от одного этапа (и, соответственно, – уровня) к другому, то есть от каждого нижележащего уровня к соседнему по отношению к нему – вышележащему, является не только существенно разной на различных «этажах» указанной схемы, но она закономерно уменьшается при «движении» от ее базовых уровней к ее «вершине». Так, понадобились миллионы и миллионы лет для того, чтобы самый низший уровень организации этой «пирамиды» – ее так сказать фундамент мог трансформироваться в следующий за ним уровень организации. В дальнейшем, однако, это время прогрессивно снижается, что в итоге приводит к тому, что трансформация предпоследнего уровня в завершающий – *терминальный*, который локализован на самой вершине данной пирамиды вообще осуществляется в течение индивидуального развития человека, то есть во временных рамках онтогенеза. В связи с этим, можно констатировать своего рода «закон возрастания темпов» развития форм психической организации, состоящий в том, что темпы ее эволюции не только и не просто изменяются, но само это изменение также подвержено закономерным изменениям – его темпы последовательно возрастают. Иными словами само развитие также развивается, а «эволюция также эволюционирует» – причем, в совершенно определенном направлении – в направлении увеличения темпов ее развертывания. На основании этого можно говорить о своего рода «развитии самого развития», об «эволюции самой эволюции» (то есть, фактически, о развитии «второго порядка» – о *метаразвитии*) [1, 5]. Кстати говоря, аналог данной закономерности имеет место, как известно, и в другом – сопоставимом по своему масштабу эволюционном процессе – в процессе *общественного* развития. Его темпы также последовательно возрастают при развертывании самого этого процесса, что зафиксировано в известном тезисе об «ускорении темпов общественного развития».

Вместе с тем, для реализованного нами по отношению к эволюции форм психической организации животных структурно-уровневого подхода и описанного также выше «закона возрастания темпов» развития форм психической организации следует сделать еще одно важное, как мы полагаем, заключение. Оно носит в значительной мере умозрительный, констатирующий характер и не эксплицировано за счет каких-либо сложных методических средств. Однако, в то же время, данный тезис раскрывает некоторые наиболее общие особенности периодизации филогенетического развития психики и поведения, а также еще более явно отражает закономерности межуровневых взаимодействий в пределах процесса эволюции психики. Речь идет о том, что сама схема представления его уровней (см. рис. 1) неслучайно изображается в виде «пирамиды» или точнее сказать, в форме равнобедренного треугольника, в котором имеется широкое основание, а затем, естественным образом, вся геометрическая фигура усекается вплоть до своей вершины. Именно такой вариант представления главного предмета наших разработок был выбран не просто так и имеет собственное основное объяснение. Фактически, хотя и очень условно, он отражает временное соотношение всех выделяемых нами этапов. Так, уровень безусловно-рефлекторной активности располагается в основании схемы и потому является наибольшим по размерам и соответственно по интервалу времени, понадобившегося для его формирования. Все другие уровни – более высшего порядка, значительно меньше по объемам и по времени своего становления и удаленности от наших дней. В конечном итоге, терминальный уровень – сознания, находящийся в самом вершине «пирамиды» был сформирован позднее других и является новейшим эволюционным достижением в сравнении со всеми иными уровнями.

Вместе с тем, еще раз подчеркнем, что эксплицированные уровни все же должны быть рассмотрены, опять-таки, в определяющей мере, с аналитических позиций, поскольку их выделение хоть и основано на определенной – вполне конкретной логике, тем не менее, нуждается в обеспечении со стороны того или иного критерия. И именно на основе его такая экспликация может являться верифицированной и

завершенной. Далее, считаем целесообразным представить отдельные и наиболее показательные закономерности структурно-уровневого строения эволюции психики в филогенезе на материале низших и наиболее ранних в историческом отношении уровней, а также некоторых уровней высших порядков.

Характеристики межуровневых взаимодействий становятся очевидными уже при обращении к первому и наиболее раннему (и даже архаичному) уровню в филогенезе психического – уровню *кинезов* и *таксисов*. Так, к примеру, взаимодополняющим, а также, во многом, взаимообуславливающим представляется осуществление телотаксисов и тропотаксисов. Как указывается в [14] и ряде других немногочисленных источников «случаи «чистого» тропотаксиса найти нелегко, так как эта реакция часто сочетается с телотаксисом». Вместе с тем, принцип формирования уровней по типу «снизу – вверх» находит свое отражение в возникновении и развитии тропотаксисов. Зачастую этот тип таксисов реализуется на основе (и, во многом, благодаря) фототаксису, то есть, тому элементу, который является нижележащим по отношению к нему. Более того, в этом случае соблюдается и принцип построения уровней по типу «сверху – вниз», заключающийся в том, что «достижения» и эффекты нижележащего уровня не пропадают и не отрицаются, а, напротив, развиваются и наполняются новым содержанием. Типичным примером такого рода механизмов может являться фототропотаксис, обнаруживаемый в поведении некоторых низших ракообразных. Еще в более явственной форме описываемые нами механизмы, лежащие в основе структурно-уровневого подхода, находят свое отражение на более сложном по своим характеристикам подуровне. Речь идет о менотаксисе и мнемотаксисе.

Возвращаясь к основным положениям структурно-уровневого подхода в психологии и попытке определения его в качестве основы описания эволюционно-психических трансформаций в общем для всей совокупности видов животных процессе филогенеза, следует в первую очередь еще раз обозначить не раз упоминавшуюся нами ранее закономерность, которая, фактически «красной нитью» проходит через всю эволюцию психики и поведения, рассматриваемую, разумеется, с позиций структурно-уровневого подхода. В данном случае, речь идет о том, что структурно-уровневая организация каждого из описываемых уровней филогенетического развития психики и поведения животных является, по существу, своеобразным «повторением» общей структуры. Так, при рассмотрении уровня кинезов и таксисов, было выявлено, что в действительности он не только состоит как и вся структура эволюционно-психических преобразований из целого ряда подуровней, но и каждый из них упорядочен на основе тех же самых закономерностей, что и общая структура. Там в той же мере соблюдаются закономерности межуровневых переходов и присутствует определенная инвариантная организация самих этих подуровней, подчиняющаяся достаточно латентной логике. Иными словами, каждый из уровней это, как уже было отмечено выше, своего рода «уменьшенная копия», «модель» общей структуры. Отсюда, далее – проистекают основные закономерности межуровневых переходов в рамках уровня *инстинктивного поведения*. В некоторых наших работах [5, 6] указывается, что оно в эволюционном плане представляется чрезвычайно дифференцированным и диверсифицированным. Вместе с тем, этот уровень оказывается не столь однозначным и понятным, как это могло показаться на первый взгляд. Простейшими (но в очередной раз подчеркнем, – от этого не менее важными) являются подуровни, состоящие в конструктивном объединении элементов таксисного поведения и цепи рефлекторных актов, наблюдаемые в поведении значительного числа видов животных, например, представителей класса насекомых (*Insecta*), крупной парафилетической группы рыб (*Pisces*) и т. д. Следующим, более дифференцированным и комплексным уровнем является, как мы полагаем, инстинктивное поведение, взятое в своей классической структуре (с включением в нее имеющейся врожденной потребности, appetentной (поисковой фазы), совокупности релизеров (ключевых стимулов) и консумматорного поведения (завершающего акта). Этот же подуровень, но в уже дополненном, «обогащенном» по принципу «снизу-вверх» виде представлен как уже более высокий. В нем за счет механизмов избирательного внимания, выбора наиболее подходящего (в том числе и как упоминается в литературе – сверхоптимального, супероптимального или сверхнормального) ключевого стимула (релизера) формируется сложный, многоэтапный инстинктивный акт. Главным образом, высокоорганизованные животные оказываются в состоянии дополнительно конституировать структуру инстинктивного акта новыми составляющими, которые, в свою очередь, усиливают общий ее потенциал и, в решающей мере, обуславливают высокую степень эффективности поведения. К этим составляющим целесообразно, как уже было отмечено, относить, во-первых, элементы факультативного научения, а во-вторых, эмоции. Наивысшим подуровнем, на наш взгляд, могут выступать те порядки мотивации животных, которые опять-таки, носят, во многом, необязательный, – факультативный характер, но в то же время, свидетельствуют, разумеется, не только о высочайшей организации всего подуровня, но и значительном развитии психики и поведения.

В настоящее время существует ряд подходов к определению состава и структуры мотивационной сферы личности. Вместе с тем, научных взглядов относительно мотивации поведения животных (глав-

ным образом, ее сложных форм) значительно меньше. Одновременно с этим, прямо противоположным оказывается соотношение исследований в области инстинктивного поведения животных с одной стороны и инстинктов у человека – с другой. В первом случае научно-исследовательская база существенно более объемна и дифференцирована. Говоря о высших формах в структуре уровня инстинктивного поведения, следует, конечно, в первую очередь, обратиться к мотивационному подходу, который, как справедливо отмечается, в частности в [79], наглядно демонстрирует упрощенный характер классической структуры инстинктивного поведения (одного из нижележащих подуровней). Эволюция инстинктивного поведения может, как уже было сказано выше, характеризоваться *встраиванием* в общую структуру инстинктивного поведения не только элементов факультативного научения, но и эмоций.

В этой связи, можно с уверенностью говорить также и о том, что в какой-то мере инстинктивное поведение высших животных оказывается даже более сложным, чем процесс научения даже в относительно сложных своих формах. То есть, в данном случае, речь может идти, к примеру, не только и даже не столько об импринтинге, сколько об оперантном научении и конкретно о такой его разновидности как научение по методу формирования реакций. Отсюда проистекает, как мы полагаем, очень значимое и общее следствие, вполне согласующееся с принципами структурно-уровневого подхода относительно характеристик межуровневых переходов. Дело в том, что в данном случае, в своей явственной форме предстают механизмы формирования уровней по типу «сверху-вниз». Они объективно менее ясны на первый взгляд и, во многом, малообъяснимы, однако их наличие не просто является таковым, а существенным образом определяет возможность исследования эволюции психики непосредственно с позиций структурно-уровневого подхода. Как уже было упомянуто ранее, с возникновением нового уровня организации в той или иной системе, как правило, возникают новые особенности, появляется новый потенциал и у тех уровней, которые уже были сформированы ранее и которые выступают по отношению к нему как нижележащие. Опять-таки, «с появлением нового уровня сущего в прежних уровнях обнаруживаются новые свойства и особенности» (цит. по [7]), что также может быть эксплицировано по отношению к содержанию уровня кинезов и таксисов. Вместе с тем, он находит свое отражение на уровне инстинктивного поведения, а также (и это будет продемонстрировано далее) на всех уровнях филогенетического развития психики. Исходя из этого, фактически, сформированные на вышележащих уровнях, эволюционно более прогрессивные формы психического (оперантное научение, импринтинг и др.) конструктивным образом дополняют за счет своих эволюционных достижений уровни, предшествующие им. Соответственно, инстинктивное поведение, по существу, и обретает такой усложненный, сложно дифференцированный вид не как вершина эволюционного плана над другими формами психического, расположенными ниже, а, наоборот, – по причине того, что само является нижележащим по отношению к следующим за ним.

И наконец, пожалуй, одним из важнейших положений в русле рассматриваемой нами проблемы и одновременно с этим, вероятно, одной из главных загадок в рамках всей эволюции психики (а возможно, и биологической эволюции тоже), является переход от уровня безусловно-рефлекторной активности к условно-рефлекторной. Эта проблема, как правило, практически не поднимается в современной литературе, однако, без сомнения, ее важность чрезвычайно велика. Вероятно, ее значение ничуть не меньше, чем у обозначенной в самом начале работы загадки возникновения жизни на Земле. По своим масштабам она также представляется не просто не меньшей, а, возможно, и гораздо обширнее. Ответ на глобальный вопрос о том, когда и где точно, а также, возможно, наиболее важное, – зачем был осуществлен подобный переход так и отсутствует.

По существу, всю эволюцию психики целесообразно разделять на два *макроэтапа* – уровень безусловно-рефлекторной активности и все остальные, вышележащие уровни. Вместе с тем, необходимо (и это показано на схеме, рис. 1) условно выделять отдельный, автономный уровень условно-рефлекторной активности, как звено того самого перехода, о котором было сказано выше. Так или иначе, он – это своего рода «*демаркационная*» линия между двумя крупнейшими этапами в эволюции психики. Эта демаркация, подчеркнем еще раз, не ясна до сих пор во всем своем содержании.

Разумеется, гораздо более сложной представляется структурно-уровневая организация крупнейшего среди других этапа филогенетической эволюции психики – научения. Она, полагаем, может быть рассмотрена подобным образом, исходя из специфики эволюционно-психических и эволюционно-биологических преобразований, имевших место в ходе общего исторического континуума. При этом следует отметить ряд тенденций, свойственных исключительно этому уровню. Во-первых, все подуровни научения за исключением научения по типу условного рефлекса могут быть разделены по своему содержанию на четыре крупных кластера: реактивное научение, оперантное (инструментальное) научение, имитационное научение (подражание) и когнитивное научение. Вместе с тем, вполне допустима, как мы полагаем, и иная дифференциация, состоящая в разделении всех форм научения на ассоци-

ативные и неассоциативные. Во-вторых, особое положение занимает подуровень научения по типу условного рефлекса. Он, будучи, представленным в качестве отдельного уровня в общей структуре процесса эволюции психики (см. рис. 1), тем не менее, дублируется в качестве автономного и в рамках уровня научения. В первом случае, он служит определенным демаркационным механизмом, – разделяет безусловно-рефлекторные и условно-рефлекторные формы психического, во втором конкретизирует отдельную разновидность научения, характеризующуюся значительным межвидовым разнообразием. В-третьих, уровень научения, возможно, как никакой другой в наиболее явственной и репрезентативной форме отражает весь эволюционный процесс в целом, выступает в роли своего рода его «*модели*», в которой определенной точкой отсчета выступают ранние разновидности научения – возможно, «*кровесники*» некоторых древних форм биологической жизни, а наивысшим ее проявлением являются некоторые парциальные свойства психических процессов.

В дальнейшем, процесс эволюции психики разворачивается по пути еще более значительного усложнения и, что заслуживает особого внимания, с намного более малыми временными интервалами, необходимыми для формирования отдельных форм развития психики. Иными словами, согласно описанному нами ранее закону возрастания темпов развития форм организации психики ее эволюция начинает протекать и быстрее, и намного более конструктивно. Причем эта общая закономерность относится как к филогенезу, так и к онтогенезу.

В дальнейшем, еще более сложная и диверсифицированная структура может быть описана к *уровню познавательных процессов и интеллектуального поведения* у животных. Важно учитывать тот факт, что выделение конкретных подуровней в на этом уровне должно осуществляться также на основе принципов и императивов, сложившихся в русле структурно-уровневого подхода. Именно он, как специальный методологический инструмент, показавший свою эффективность в отношении разработок значительного числа психологических проблем, может и должен, по нашему мнению, быть реализован также и по отношению к исследованию процесса эволюции психики. Одновременно с этим, нельзя также не отметить то, что сравнительно-психологический анализ познавательных процессов и способностей животных («*non-human animals*») и человека должен, на наш взгляд, иметь в качестве своей основы положения относительно состава и содержания познавательных процессов, сложившиеся в общей и когнитивной психологии. Вместе с тем, как показали наши исследования (например, в [5]), существуют значительные различия в изучаемой области в контексте ее рассмотрения в психологии человека, с одной стороны и в зоопсихологии, – с другой.

Руководствуясь основными принципами структурно-уровневого подхода, следует констатировать, что описанные относительно уровней кинезов и таксисов, инстинктивного поведения, научения, познавательных процессов могут и должны быть рассмотрены и на материале высших уровней филогенетической эволюции психики – уровня метакогнитивных процессов и терминального – уровня сознания. Об этом будет сказано в следующей части данной работы.

Литература

1. Карпов А. А. Зоопсихология: учеб. пособие. – Ярославль: Филигрань, 2017. – 468 с.
2. Карпов А. А. Проблема метапознания в зоопсихологии // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. № 1 (35), 2016. С. 98-103.
3. Карпов, А. А. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 784 с.
4. Карпов, А. А. Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности. Ярославль: ЯрГУ, 2016. 208 с.
5. Карпов А. А. Филогенетическая эволюция психики: в 2 томах. Т. I. История и этапы. Ярославль: Филигрань, 2021. 456 с.
6. Карпов А. А. Филогенетическая эволюция психики: в 2 томах. Т. II. Метасистемный подход. Ярославль: Филигрань, 2021. 376 с.
7. Карпов А. В. Психология деятельности. В 5-ти т. М.: РАО, 2015.
8. Карпов А. В. Психология сознания. Метасистемный подход. М.: РАО, 2011. 1080 с.
9. Курчанов Н. А. Поведение: эволюционный подход: учебное пособие. СПб.: СпецЛит, 2012. 232 с.
10. Марков А. В. Эволюция человека. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа. Corpus, 2011. Т. 2. 512 с.
11. Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983. 205 с.
12. Роговин М. С. Современная когнитивная психология и проблема мышления // Мышление: процесс, деятельность, общение / под ред. А. В. Брушлинского. М.: Наука, 1982. С. 213-273.
13. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977. 79 с.
14. Хайнд Р. Поведение животных. М.: Колос, 1975. 856 с.

УДК 15.01.09

М. С. Роговин как историк психологии: завещание мастера⁸

В. А. Мазилев, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу творчества М. С. Роговина в области истории психологии. Утверждается, что продуктивность авторского подхода М. С. Роговина в рассмотрении историко-психологического материала была обусловлена тем, что анализ того или иного исторического вопроса осуществлялся с позиций оригинальной философии психологии. В статье содержится попытка выделения основных характеристик авторского подхода. Основное содержание статьи составляет анализ

предостережений автора, видевшего еще в 1960-е годы XX столетия опасности для развития научной психологии. Предостережения не были услышаны и восприняты, что привело сегодня к широкомасштабному кризису научной психологии.

Ключевые слова: М. С. Роговин, психология, история психологии, проблемы мировой психологии, предмет психологии, человек, психика.

Вероятно, выбор темы для статьи в юбилейном выпуске журнала, посвященного 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного психолога Михаила Семеновича Роговина (1921–1993) нуждается в некотором пояснении. М. С. Роговин – настоящий *человек науки* в точном смысле этого слова. Психологическая наука была его единственной страстью, которой он отдавал самого себя целиком без остатка. К титулам, почестям и званиям был совершенно равнодушен, как и к тем или иным должностям и «постам». Единственное, что его интересовало, это была психологическая наука, которой он служил

верой и правдой на протяжении многих лет. М. С. Роговин осознавал свою миссию, знал, что то, что должен сделать он, не сделает больше никто. Работать мог в любых условиях: в поезде Ярославль–Москва, в котором ему на протяжении многих лет приходилось каждые две недели курсировать из столицы в Ярославль и обратно. В Москве он жил, там находилась его семья, в которой он души не чаял, его прекрасная библиотека; в Ярославле, Ярославском университете, где он долгие годы трудился «вахтовым методом», заслуженно являясь любимым профессором нескольких поколений студентов психологического факультета, он работал, читал лекции и руководил дипломными работами и консультировал аспирантов. Главная его работа – психологическая наука. Работать он мог в спартанских условиях в комнате общежития на проспекте Октября, куда возвращался после занятий на факультете. Перед отпуском, когда коллеги мечтали о предстоящих поездках и отдыхе, М. С. предвкушал, как сядет за свою пишущую машинку в уютном профессорском кабинете на Университетском проспекте и будет писать новую книгу. Впрочем, мог это делать и на даче, благо память у профессора была отменная, а кроме «карандаша и бумаги» ничего и не надо – цитаты можно потом проверить... Главное было – «делать» в любых условиях: «Если не я, то кто же!». Я хочу подчеркнуть именно естественность поступков: никакого самолюбования или надежды на признание М. С. Роговин никогда не выказывал. Даже глубинного смысла своих текстов никогда не разъяснял, не акцентировал ту новизну, которая в них содержалась... Sapienti sat...

Отмечая столетний юбилей большого ученого, необходимо и уместно писать о главном, что им было сделано за годы служения психологической науке. Принимая во внимание высочайшую продуктивность и работоспособность исследователя, его яркий талант, вряд ли стоит удивляться, что его работы внесли существенный вклад в самые разные области психологической науки. Статья о нем помещена в авторитетный психологический лексикон [2], его памяти посвящены сборники трудов коллег и учеников [14], [15]. Уже неоднократно приходилось писать про М. С. Роговина и его вклад в психологическую науку [4–8]. За десятилетия работы в психологии Михаилу Семеновичу удалось внести много нового в самые разные области психологии: общую психологию и военную, клиническую и лингвистическую, когнитивную и психологию развития, медицинскую и методологию психологии. Научные интересы Ми-

⁸ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 19-29-07156.

хаила Семеновича отличались потрясающим разнообразием: психология понимания и теория памяти, патопсихология и медицинская психология, история психологии и ее теория, военная психология и философия познания, сравнительная психология и этология, теория личности и когнитивная психология, структурно-уровневый подход к психике [3, 13], [16–35]...

Вне всякого сомнения, он был подлинным *философом психологии* – той части психологической науки, которая ныне находится в состоянии становления и которая так необходима отечественной психологии. В этом отношении вклад М. С. Роговина вообще уникален, поскольку в советской психологии после С. Л. Рубинштейна (1940) на подобные обобщения никто не отваживался: напомним, что М. С. Роговин мыслил категориями психологической науки в целом, то есть его заботило *развитие мировой психологии* (см. подробнее [6]).

Конечно же, Михаил Семенович был выдающимся *историком психологии*. Этот тезис не подлежит сомнению, хотя и нуждается в комментарии. Он так и не написал свою *историю психологии*. Он не имел возможности писать «в стол»: этот труд занял бы годы, а возможности его опубликовать не было. Это совершенно очевидно, так как его содержание нисколько не соответствовало принятым тогда стандартам и пройти через существовавшую цензуру шансов абсолютно не имело. Книга, в которой максимально полно выражены позиции М. С. Роговина как историка психологии это монография [17] по результатам защиты докторской диссертации [19]. История ее издания – отдельная тема. После защиты (в соответствии с «неписанным правилом» эпохи в отношении успешно защищенных докторских диссертаций) полагалось опубликовать «докторскую» монографию. Издать книгу как монографию было абсолютно нереально, ее пришлось маскировать под учебное пособие для студентов. «Проходила» эта книга с огромным трудом и была опубликована только благодаря научной смелости людей, которых здесь хочется назвать: работавшего в философской редакции издательства «Высшая школа» Юрия Мефодьевича Бородея и известного философа Александра Георгиевича Спиркина, который интересовался психологией и разрабатывал в своих трудах важные философские вопросы психологии. Они рисковали своей карьерой, но книгу спасли, она пришла к людям. Разумеется, это книга не для студентов. Но это оригинальный труд по философии психологии, посвященный анализу путей развития психологической науки, выполненный на *исторической основе*.

Сформулированный выше тезис о том, что М. С. Роговин выдающийся историк психологии, неоспорим, так как автору принадлежит ряд важнейших публикаций по истории психологии. По сути, он в некотором роде выполнял в отечественной психологии роль, позволяющую отечественной науке оставаться в контексте мировой психологии. В те годы, когда многие авторы, пишущие о зарубежной психологии, считали своим долгом осуществить зубодробительный анализ буржуазной науки, выявить ее «классовую и идеологическую сущность», Роговин умудрялся разъяснить новые научные идеи и показать их перспективность. В зарубежной психологии он ориентировался как у себя дома – это входило в его научные интересы – понимать те процессы, которые происходят в мировой психологической науке. Например, в ту пору, когда большинство отечественных психологов посмеивалось над капиталистической наукой, породившей какую-то «когнитивную психологию» (будто прежняя не когнитивная!), Михаил Семенович опубликовал огромную по размерам статью, разъясняющую смысл и научные перспективы этого новейшего направления в мировой психологии [2].

Впрочем, приведем лучше цитату, чтобы не повторяться: «Прекрасное знание языков и любовь к науке позволяли ему «оставаться в традиции», свободно ориентироваться в состоянии зарубежной психологической науки, в тенденциях ее развития. Его многочисленные аналитические обзоры в журналах «Вопросы философии», «Журнале невропатологии и психиатрии» позволили приобщиться к научным поискам «буржуазных» ученых. Переводы текстов Ж. Пиаже, Б. Инельдер, М. Мид, А. Валлона, К. Лоренца и др., мастерски выполненные М. С. Роговиным, представляли собой своего рода хрестоматию по современной зарубежной психологии. Его любимец – Пьер Жане – стал по-настоящему известен в СССР именно благодаря публикациям М. С. Роговина. Джордж Келли – автор хорошо известной ныне теории личностных конструктов и еще более широко используемой техники репертуарных решеток, по сути, открыт нашей публике М. С. Роговиным. Его аспирантка И. Н. Козлова написала диссертацию по теории личностных конструктов» [5, с.105–106]. Историко-психологический анализ содержится в известных работах по теории памяти [21, 22], в методологических исследованиях [25–29].

В канун 100-летнего юбилея выдающегося ученого уместно как написание общих статей, посвященных вкладу ученого в психологическую науку в целом, так и работ, направленных на освещение отдельных проблем, которые приходилось решать исследователю. Вынужден констатировать: даже, если строго ограничиться заявленной темой статьи как анализ вклада М. С. Роговина в историю психологии, объем ее существенно превзойдет отведенный лимит... Понадобилась бы вероятно целая книга, чтобы выявить вклад автора в историю психологии. В частности, пришлось бы, к примеру, описать, как и

почему у «отца-основателя» психологии Аристотеля М. С. Роговин обнаружил реализацию системного подхода, который с полным основанием считался порождением XX столетия... Или почему до сих пор практически не известен мировому психологическому сообществу Пьер Жане, один из любимых психологов М. С. Роговина... После работ Г. Эллленбергера П. Жане вполне может быть представлен, как подлинный первооткрыватель метода психоанализа, но дело, конечно, не в этом. Публикация ранних работ французского ученого на русском языке, происходящая в последние годы, конечно, важна, но почему не переведены и не публикуются сегодня на русском языке его главные труды? Это можно понять, если внимательно прочесть, в частности, труды М. С. Роговина по истории психологии... Ситуация в конечном счете очень похожа на ту, которую описывал Г. П. Щедровицкий, когда никто не хотел издавать работы Л. С. Выготского, хотя очень много говорилось о необходимости и важности этого дела [33]. История иногда любит шутить...

Если заниматься анализом историко-психологических взглядов М. С. Роговина, явно потребуются монография. Я о том, что в названии настоящей статьи в ходе ее написания появилось уточнение про «завещание мастера».

Итак: в настоящей статье мы коснемся той стороны творчества М. С. Роговина, которая вряд ли может быть расценена как главное или основное направление многолетних научных изысканий ученого (методологические исследования и работы в области медицинской психологии, к примеру, занимали автора в большей степени), хотя как было отмечено выше, и историко-психологические исследования занимали видное место в творческом наследии ученого. Обратиться к этим исследованиям нас побудила *непреодоляющая актуальность авторских работ по историко-психологической тематике*. Хотя они были опубликованы в центральных издательствах гигантским по сегодняшним меркам тиражом (скажем, «Введение в психологию» имело тираж 20000 экземпляров) и содержали не только *предостережения* о наличии в мировой психологии в 1960-е гг. *негативных тенденций*, но и прямые призывы обратить внимание и принять меры к исправлению положения.

Поскольку выводы были сделаны ученым, безусловно, на основе исторического анализа, мы относим это исследование *именно к историко-психологическим изысканиям*. Не претендуя на полный анализ историко-психологических взглядов автора, в настоящей статье акцентируем внимание лишь на тех вопросах, которые составляют особую актуальность для *современной психологии*. В свое время они не были услышаны и восприняты психологическим сообществом. Более того, они прозвучали явным диссонансом: психология в шестидесятые годы находилась «на подъеме», существовала явная эйфория по поводу ее перспектив, разделяемая и зарубежными и отечественными психологами. Нужно было владеть историческим анализом, чтобы увидеть эти опасности, которые кроме М. С. Роговина мало кто видел. Более того, если бы психологи своевременно отреагировали на эту критику, возможно, развитие психологии пошло бы по другому пути. Увы, у психологии нет альтернативной истории, как нет и сослагательного наклонения. Как говорил Р. Коллингвуд, наука – то, что она сделала. Поэтому сформулированные М. С. Роговиным положения следует, по моему убеждению, расценивать как завещание мастера: если не услышали современники, может быть, поймут потомки...

Для правильного понимания и трактовки авторского подхода к рассмотрению истории психологии он может быть охарактеризован следующим образом. Главной идеей, необходимой для правильной трактовки подхода М. С. Роговина, является понимание того, что *знание историческое – это единство знания предметного и знания методологического*. Без методологии слепа история, а без истории методология пуста – этот тезис Имре Лакатоса профессор М. С. Роговин разделял полностью.

И еще один очень важный момент, имеющий принципиальное значение. Как уже отмечалось, М. С. Роговин мыслил категориями мировой психологии. Обратим внимание на то, что это означало неприятие некоторых догм, разделявшихся большинством советских психологов. В частности, М. С. Роговин был сторонником идей французской школы, которая традиционно рассматривала проблемы нормальной психологии в связи с нарушениями психики. Глубокая мысль, что сама природа ставит эксперимент, психическое нарушение выявляет механизмы работы психики, которые оказываются недоступны другим методам исследования. Очень важно, что такой подход оказывается *необходимо целостным*. И он не оставляет ни тени сомнения в *реальности существования психики*, в том, что психика имеет несомненный онтологический статус. Как мне представляется, именно представление М. С. Роговина о целостной психике человека позволило ему сделать фундаментальные открытия в научной психологии. Это представление совершенно не соответствовало доминировавшим в советской психологии ограниченными моделям, взявшим за основу категории отражения и деятельности. Они – эти идеи – несомненно позволили психологии «выжить» в тридцатые годы XX столетия, выступали в качестве «охранной грамоты» перед идеологией, но далее стали некоторым образом тормозом развития научной

психологии. Достаточно сказать, что отражение по сути лишало психическое онтологического статуса. Впрочем, здесь не место развивать эту тему.

Для экспликации историко-психологических взглядов М. С. Роговина, как представляется, необходимо обратиться к описанию *философии психологии*, разработанной М. С. Роговиным, как минимум в той ее части, которая имеет самое непосредственное отношение к истории психологии.

За неимением необходимого объема для развернутого изложения, сформулируем основные положения тезисно, в предельно краткой форме.

1. Знание историческое представляет собой единство знания предметного и знания методологического.
2. История психологии, описываемая историками психологии, представляет часть единого процесса, который берет начало в древности и продолжается сейчас и будет продолжаться дальше. История психологии далека от «финальности», поскольку психология постоянно развивается, это длительный процесс, уходящий в будущее.
3. Становление психологии как самостоятельной науки пока *не завершено* – идет процесс становления, который пока что явно не завершен.
4. Согласно Роговину, необходимо руководствоваться принципом *единства исторического и логического* (по Ф. Энгельсу). Исторический подход важен, необходим, исходить нужно именно из него. Логическое – концептуализация пройденного исторического пути.
5. Развитие психологии происходит в противоборстве и взаимодополнении двух противоположных тенденций – *дифференциации и интеграции* психологического знания.
6. Для понимания психического и его механизмов особое значение имеет психопатология. В психических нарушениях проявляются труднодоступные для исследователя механизмы психики: психическое нарушение выявляет механизмы работы психики, которые оказываются недоступны другим методам исследования. Очень важно, что такой подход оказывается *необходимо целостным*.
7. В истории психологии существуют *«внешняя» и «внутренняя» истории психологии*. Этот тезис нуждается в пояснении. «Для того, чтобы проследить развитие психологии, мы – хотя и с большой долей условности – выделяем «внешнюю» и «внутреннюю» стороны этого процесса. Первую составляют факты истории науки, вторую, в основном, изменения содержания психологических понятий и динамика факторов, обуславливающих эти изменения» [17, с.12].
8. В истории психологии должен реализоваться *уровневый подход*. Речь, напомним, идет о «Введении в психологию» [17]. «Основное содержание работы свелось к внутренней истории, то есть прослеживанию динамики психологических понятий и тех условий, которые ее направляют. Такое содержание само по себе определяет и структуру работы. Она построена по принципу трех отдельных срезов, проведенных через психологию на разных уровнях. На первом из них конкретные факты из истории психологии как науки являются основным показателем *движения психологических понятий*. Второй уровень – это главным образом, *внутренние взаимоотношения психологических понятий*, их самодвижение, связанное с функционированием определенных психологических механизмов. И третий уровень, надстраивающийся над предыдущими и включающий их в себя – это *динамика понятий внутри теоретических систем* современной психологии» [17, с.12-13].
9. Развитие психологии может быть понято как взаимодействие, сосуществование трех различных составляющих, трех психологий, отличающихся по происхождению, времени появления, составу, методам и т.п. – донаучной, философской и научной.
10. Важными для понимания развития являются моменты происхождения нового знания и, соответственно, «новой» психологии – донаучной, философской, научной психологий.
11. Каждая из психологий может быть охарактеризована через систему используемых понятий и методов.
12. Спецификой психологии является сосуществование понятий, имеющих разное происхождение. Трагедией психологии является расхождение ее трех составляющих. «В известной мере трагедией психологии является расхождение ее трех составляющих, Лабораторный эксперимент, давая огромный выигрыш в точности, удаляет нас от реальных жизненных ситуаций. Поэтому квалифицированно проведенное психиатрическое наблюдение и описание оказываются куда ближе к истине, чем самый изощренный эксперимент» [17, с.19].

Можно было бы продолжать, однако ограничимся этими характеристиками, которые кратко обозначают основные моменты историко-психологического подхода М. С. Роговина. Обратим особенное

внимание, что в 1960-е годы в психологической науке отмечался явный «прилив энтузиазма». Кризис психологии 1910-1930 гг. завершился, начали проявляться интегративные тенденции. В 1963 году выходит знаменитое руководство по экспериментальной психологии под редакцией П. Фресса, Ж. Пиаже и М. Решлена [42]. В этой книге, переведенной в 1966 году на русский язык, в блистательном очерке П. Фресса есть раздел, который называется очень оптимистично: «К единству психологии при разнообразии проблем» [36]. Оставим без комментариев известный «америкоцентризм» французского психолога, отметим лишь то, что он явно поторопился: вывод, согласно которому, «экспериментальная психология обрела ныне свое единство» [36, с. 89], оказался преждевременным. Обещанное единство не наступило. Фресс отмечает: «Если практически достигнуто согласие в отношении предмета психологии и ее основных методов, то мы констатируем также, что ныне не существует столь глубоких расхождений и между такими крупными системами интерпретации, как ассоцианизм, гештальттеория и функционализм. История психологии – это теперь история ее крупных проблем, проблем восприятия, обучения, интеллектуальных процессов и т. д.» [36, с. 91].

В 1966 году в Москве состоялся XVIII Международный психологический конгресс. Он явился триумфом естественнонаучного подхода: «Можно с уверенностью утверждать, что большинство участников Международного конгресса по психологии уехало из Москвы в настроении подлинной эйфории, вызванной уверенностью в том, что психология на правильном пути, которым раньше стали двигаться физика, химия, биология и другие естественные науки, от которых психология отличалась (если отличалась вообще) только большей сложностью объекта своего исследования». Эту же эйфорию выразили заключительные слова Прибрама: «Это был поистине исторический конгресс. Я уверен, что будущие поколения, обращаясь к этому событию, будут отдавать себе отчет в том, что здесь в Москве мы были свидетелями того, что психология оформилась как целиком экспериментальная наука» [1, с.87]. Особенно впечатлило всех, что после экспериментов Х. Дельгадо, доложенных на Конгрессе, создано впечатление, что социальное «контролируется» физиологией, а физиология исследуется с помощью эксперимента. Хосе Дельгадо рассказывает о вживлении электродов в мозг животного, что позволяет модифицировать социальное поведение последнего. Кажется, еще немного – и падут последние тайны. Казалось бы – впереди успехи, проблемы остались позади. Психология всеми рассматривается как перспективная научная дисциплина, ее оценивают как науку будущего, как науку 21 века...

Однако обратимся к оценкам, которые дает М. С. Роговин в своем «Введении в психологию» [17], в основе которого лежат материалы диссертации, защищенной годом ранее [19]. Обратимся к характеристике состояния психологической науки, которую предпринимает М. С. Роговин в начале своей книги.

Автор отмечает рост числа публикаций по проблемам психологии, что безусловно факт отрядный, но в нем есть и проявление опасной тенденции: «Нарастая из года в год, этот поток фактов, теорий, гипотез и сопоставлений очень затрудняет понимание психологии в целом (здесь и далее кроме особо оговоренных случаев курсив мой – В. М.), затрудняет подход к ней как к науке, имеющей не только свою тематику, но и свой Предмет, не только свои методы, но и свою Методологию, не просто как к сумме знаний, увеличивающейся с течением времени, но и как к развитию живой человеческой мысли со свойственными ей историческими закономерностями» [17, с.3].

Важнейшая констатация, которую делает исследователь: «Совершенно несомненно, что в наши дни психология переживает период бурного развития как экстенсивного так и интенсивного. Налицо все большее преобладание тонкого лабораторного эксперимента, использование математически выверенных методов обработки результатов этих экспериментов. Такая тенденция несомненно, прогрессивна в своей основе, ибо нет и не может быть иного пути превращения в действительно научную дисциплину того пестрого конгломерата отдельных фактов, наблюдений и умозрительных теорий, который представляла традиционная психология» [17, с.4].

Путь психологии обозначен: от «конгломерата» к действительной науке. И он еще только начался: это уже не «конгломерат», но еще и не полноценная научная дисциплина.

Далее автор обращает внимание, что среди современных психологических публикаций масса таких, которые раньше бы расценивались, как не имеющие отношения к психологии (биохимия, физиологии, теории информации и т. д.): «Чрезвычайно важным для развития психологии является то, что на сегодняшний день эти данные рассматриваются как имеющие к ней самое прямое и непосредственное отношение, как существенные для понимания ее закономерностей. Таким образом совершенно явно налицо процесс широкого абсорбирования психологией данных других наук» [17, с.4].

Расширение сферы психологии можно было бы лишь приветствовать, но в этом процессе также есть опасность: «Вместе с фактическими данными неотделимо от них в психологию вливается поток новых терминов и понятий. Каждому, кто хотя бы в самых общих чертах знаком с историей и философией

науки, должно быть ясно, что это столь отрядное положение таит в себе немало опасностей, игнорирование которых рано или поздно, но неизбежно приведет к грубым ошибкам и разочарованию» [17, с.5].

Автор предупреждает: «Основная опасность заключается в том, что разрываются внутренние связи между отдельными областями психологии, утрачивается единство предмета и его понимания» [17, с.5].

М. С. Роговин делает важнейший вывод: «Вместе с расширением самой области психологического исследования, вместе со все большей дифференциацией психологии теряется из виду ее главный объект – сам человек, продукт и в то же время творец определенной исторической эпохи, человек с его радостями и страданиями, стремлениями, успехами и ошибками, живой человек – единственный настоящий объект психологии. На его место становятся абстрактные «психологические механизмы», «детерминирующие тенденции», «содержания сознания», «акты», «процессы», «обратные связи» и т. п., которые, хотя и представляют необходимые строительные леса на здании научной психологии, хотя и углубляют наше понимание закономерностей психики, но которые, взятые вне общего контекста личности и деятельности человека, могут заслонить собой конечную цель психологического исследования» [17, с. 5].

Автор предупреждает: «Уже теперь многие области психологии настолько изолировались друг от друга, что психологи оказываются не в состоянии не только проявить к «чужой» области какой-то интерес, но даже ориентироваться в ней. Если сопоставить, скажем, работы по сравнительной, педагогической и инженерной психологии, то для всякого непредупрежденного человека будет ясно, что они по методам, по логике научного исследования и даже по стилю чрезвычайно далеко отстоят друг от друга; только наличие в каждой из них прилагательного «психологический» напоминает нам об их единстве» [17, с. 5-6].

М. С. Роговин напоминает, что «в психологии всегда очень чувствовалось стремление к единству теории, стихийный протест против многочисленных объяснений ad hoc, не составляющих никакой единой системы» [17, с.6].

Вот главный вывод, обозначающий причину негативных явлений в психологии: «Мы полагаем, что причиной такого рода ошибок является недостаточная ориентировка в общих проблемах своей науки, непонимание ее специфики, истории ее развития» [17, с.6]. Автор продолжает: «Указанные обстоятельства ведут к появлению еще одного вида ошибок, которые не становятся менее опасными от того, что их источник можно обозначить как в известной мере субъективный. Вместе со все большим углублением в разработку отдельных частных вопросов падает интерес к общим проблемам. Идя от одной частной проблемы к другой, переходя от результата применения того или иного метода к другому, исследователь перестает видеть их место в общей системе знания. Для него наука, единая по своему существу, распадается на множество отдельных, не имеющих между собой внутренней связи данных» [17, с.6].

«В специализации и дифференциации областей психологического исследования, в усиленном культивировании экспериментального метода, в том стиле научного исследования, когда психолог «думает вместе с аппаратом», короче говоря, в отрыве от действительно психологической теории скрыта еще одна того же сорта, но куда более коварная опасность: психолог перестает делать различие между объективной познавательной реальностью и теми научными понятиями, которыми он оперирует и которые являются лишь ее частичным и односторонним отражением. Каким диссонансом это не звучало бы в настоящее время, когда использование экспериментального метода представляется чуть ли не единственным критерием научности, он сам по себе дает мало повода для размышления над содержанием научных понятий и над их исторической природой» [17, с.6-7].

Автор делает закономерный вывод, что небрежение методологическими вопросами проявляется и в обучении психологов: «Сложившееся положение в науке не может отразиться на состоянии психологии как учебном предмете. Мы считаем, что существующие учебники и учебные пособия по психологии не дают возможности охватить весь предмет целиком. Учебники, состоящие из традиционных разделов: ощущения, воображения, мышления, эмоций и т.д. не представляют фактически ничего цельного, систематизированного, взаимосвязанного. Можно спокойно опустить некоторые разделы или включить другие, и все это никак не отразится на остальном содержании книги» [17, с.7].

Закономерное следствие – падение интереса и уважения к психологии у обучающихся: «Совершенно несомненно, что лишнее единство построения учебного материала чрезвычайно отрицательно сказывается на его усвоении учащимися, снижает их интерес к психологии, создает ложное представление о содержании и структуре самой науки. Только устанавливая и укрепляя внутренние связи между отдельными фактами, показывая на основе диалектического и исторического материализма их возникновение и развитие в единой системе, можно добиться настоящего понимания любого учебного предмета, а особенно психологии. Поэтому мы имели целью дать не только анализ развития психологии

и содержания ее понятий, но также и разработать те методические предпосылки, на которых можно строить преподавание психологии, с тем, чтобы противостоять имеющейся пока в учебной литературе разобщенности отдельных ее разделов. Более того, мы полагаем, что это не две различные цели, а фактически одна единая цель: *разработка вопроса об историческом содержании понятий психологии и выделение наиболее общих психологических закономерностей. Установление связи отдельных разделов определяют и ее методическую сторону (Курсив автора, М. Р.)* [17, с. 7].

Автором формулируется требование к учебнику психологии – оно должен включать небольшое число данных, отобранных с таким расчетом, чтобы «можно было восстановить всю систему данной науки, показать взаимосвязи и взаимозависимости отдельных ее составляющих, динамику ее развития» [17, с. 8].

М. С. Роговин специально отмечает роль данных патопсихологии для построения курса психологии: «С точки зрения поставленной задачи особое значение приобретают данные патопсихологии. Имевшее место до недавнего времени известное отчуждение между общей и экспериментальной психологией с одной стороны, психопатологией и патопсихологией – с другой, сменилось желанием сблизиться и взаимно использовать данные из обеих областей, с тем, чтобы понять действие самых основных, самых сокровенных психологических механизмов» [17, с.8].

Дорогой читатель, не напоминает ли это симптомы кризиса психологии? Только тогда психология была еще «на подъеме», такие тенденции видны были только очень наблюдательным специалистам.

Резюмируем. По М. С. Роговину, основные опасности:

- 1) *разрываются внутренние связи между отдельными областями психологии, утрачивается единство предмета и его понимания;*
- 2) *утрачивается понимание, что живой человек – единственный настоящий объект психологии;*
- 3) *многие области психологии изолировались друг от друга;*
- 4) *взятые вне общего контекста личности и деятельности человека, могут заслонить собой конечную цель психологического исследования;*
- 5) *причиной ошибок является недостаточная ориентировка в общих проблемах своей науки, непонимание ее специфики, истории ее развития;*
- 6) *падает интерес к общим проблемам психологии;*
- 7) *исследователь перестает видеть место отдельных фактов в общей системе знания;*
- 8) *единая по своему существу, распадается наука психология на множество отдельных, не имеющих между собой внутренней связи данных;*
- 9) *психолог перестает делать различие между объективной познавательной реальностью и теми научными понятиями, которыми он оперирует и которые являются лишь ее частичным и односторонним отражением;*
- 10) *Учебники, состоящие из традиционных разделов: ощущения, воображения, мышления, эмоций и т. д. не представляют фактически ничего цельного, систематизированного, взаимосвязанного.*

Все это можно легко свести к единому знаменателю: *отсутствует целостное понимание предмета психологии как совокупного, в результате возникает разобщенность предметного содержания, как следствие путаются в сознании психолога исследуемые явления и «строительные леса», вспомогательные конструкции. Сама психология, не имея предметного единства, утрачивает статус единой науки, готова к распаду на совокупность отдельных частных дисциплин, которые конституируются не предметом науки, а областью приложения психологических понятий («тематикой»).*

Непреходящей заслугой М. С. Роговина было то, что он эти недостатки видел, когда многие были еще в зародыше. Почему этого не могли увидеть другие? Не было у них адекватных средств историко-психологического анализа, да и диалектико-материалистическая риторика, провозглашающая единство, которого реально не было, маскировала подлинную картину.

Для тех, кто был «обманываться рад», были значимы слова М. С. Роговина про то, что «современное состояние психологии характеризуется исключительным многообразием областей применения и исследования, методов и понятий, условий и основных тенденций развития» [19, с. 1]. Проблемы были для большинства «не существенны».

Прошло пятьдесят лет. Противоречия углубились, обострились, вышли на поверхность. Периодически возникают попытки обратить внимание на то, что предмет целостен, что надо рассматривать его как совокупный [9-12]. Предлагается использовать в качестве такового внутренний мир человека [38, 39, 9-11]. Даже учебник, соответствующий такой трактовке, был создан [40]...

Прошло пятьдесят лет. Это большой срок. Тем не менее – психология в кризисе, причины указаны М. С. Роговиным полвека назад. Ситуация критическая, психология утрачивает свои позиции. Особенно обидно то, что психология *может исчезнуть как самостоятельная наука*, по сути, так и не став ею. Она упорно продолжает формулировать новые подходы, периодически поминая, что они несоизмеримы, как и психологические теории. Иными словами, даже не перейдя к этапу ассимилирования, кумуляции, соотнесения данных, всех тех богатств, которые в ней накоплены. Для этого нужен *предметный стол*, то есть широкая трактовка предмета, позволяющая в *разнообразии* увидеть *общее*, и, тем самым, обрести искомое *единство*. На исследование психологической тематики претендуют ныне когнитивные науки и нейронауки. Быть ли психологии фундаментальной наукой зависит от выбора и самоопределения самих психологов.

У нас есть *завещание мастера*. Будет ли оно услышано? Представляется, что еще полвека ждать нельзя, времени уже не осталось. Будет поздно.

Литература

1. Гараи Л., Кечке М. Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии, № 4, 1997. С. 86-96.
2. Гиндикин В. Я. Роговин Михаил Семенович // История психологии в лицах. Персоналии / под ред. Л. А. Карпенко // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / редактор-составитель Л.А. Карпенко, под общ. редакцией А. В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2005. С. 395-396.
3. Зарубежные исследования по психологии познания: Сборник аналит. обзоров / [Ред. коллегия: ... Г. Я. Розен, канд. экон. наук (отв. ред.-сост.) и др.]; АН СССР, Ин-т науч. информации по обществ. Наукам. М.: ИНИОН, 1977. - 255 с.
4. Мазилев В. А. Михаил Семенович Роговин: философ психологии // Сибирский психологический журнал, № 40, 2011. С. 80-88.
5. Мазилев В. А. Михаил Семенович Роговин – методолог психологии // Методология и история психологии: науч. журнал. Т. 1, Вып. 2, 2006. С. 103113.
6. Мазилев В. А. Последний титан: методологические работы М. С. Роговина (60-е годы XX столетия) // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. № 1(36), 2016. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 30.03.2021).
7. Мазилев В. А. Михаил Семенович Роговин и методологические проблемы психологии // Проблемы психологии и эргономики. – 2000. – № 3. – С. 36–39.
8. Мазилев В. А. Слово о Михаиле Семеновиче Роговине // Ярославский психологический вестник. М.–Ярославль, «Изд-во Российское психологическое общество», 2006. – Вып. 17. С. 146-151.
9. Мазилев В. А. De anima: Предмет психологии и границы его постижения // Высшее образование сегодня, № 6, 2019. С. 60-70
10. Мазилев В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
11. Мазилев В. А. Предмет психологии. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. 86 с.
12. Мазилев В. А. Современная общая психология: ключевые методологические проблемы // Методология современной психологии. Вып. 12 / Сб. под ред. Козлова В. В., Карпова А. В., Мазилова В. А., Петренко В. Ф. – М.-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2020. С. 92-110
13. Пирковский С., Роговин М. Пьер Жане // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1961. Т. 61, вып. 3. С. 449-456.
14. Познавательные процессы и личность в норме и патологии: сборник статей. – Ярославль: ЯрГУ, 1995. 214 с.
15. Психотехнологии в социальной работе / под ред. В. В. Козлова. Вып.2. Ярославль: МАПН, 1997.
16. Роговин М. С. Пьер Жане // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 6. С. 100-110.
17. Роговин М. С. Введение в психологию. М., 1969. 384 с.
18. Роговин М. С. Проблема понимания: автореф. дис. ... канд. пед. наук (по психологии). М., 1956. 16 с.
19. Роговин М. С. Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории: автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 1968. 28 с.
20. Развитие ребенка / пер. М. С. Роговина. М., 1968.
21. Роговин М. С. Философские проблемы теории памяти. М.: Высш. школа, 1966. 168 с.
22. Роговин М. С. Проблемы теории памяти. М.: Высшая школа, 1977. 181 с.
23. Роговин М. С. Научные критерии психической патологии: учебное пособие. – Ярославль: ЯрГУ, 1981. 78 с.
24. Роговин М. С. Основные направления анализа диагностического мышления в психопатологии (проблемная лекция): учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 1989. 69 с.
25. Роговин М. С. Развитие структурно-уровневого подхода в психологии // Системные исследования. Ежегодник. М: Наука, 1974. С. 187-230.
26. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии. – Ярославль: ЯрГУ, 1977. 78 с.

27. Роговин М. С. Уровневая структура психики в учении Аристотеля. // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1978. С. 152-168.
28. Роговин М. С. Психологическое исследование. Ярославль: ЯрГУ, 1979. 66 с.
29. Роговин М. С. Изменение семантико-логической структуры психологических исследований // Вопросы философии, № 11, 1983. С. 76-87.
30. Роговин М. С. Основные положения общепсихологической структурно-уровневой теории // Познавательные процессы и личность в норме и патологии. Ярославль: ЯрГУ, 1995. С. 10-11.
31. Роговин М. С., Соловьев А. В., Урванцев Л. П. Психологическая природа неопределенности // Проблемы экспериментальной психологии и ее истории. М., МГПИ, 1973. – С. 187-230.
32. Роговин М. С., Соловьев А. В. Анализ познавательного стиля при психологическом изучении деятельности // Психологические проблемы рационализации деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 1976. С. 12-22.
33. Роговин М. С., Соловьев А. В., Урванцев Л. П. Уровневая структура действия // Психологическая рационализация деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 1978. С. 10-21.
34. Роговин М. С., Урванцев Л. П., Иванов Л. М. Структурно-уровневый анализ соотношения субъективных и объективных компонентов процесса познания (при исследовании восприятия, представлений и мышления) // Вопросы философии, № 2, 1985. С. 48-61.
35. Роговин М. С., Залевский Г. В. Теоретические основы психологического и психопатологического исследования. Томск: ТГУ, 1988. 288 с.
36. Фресс П. Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып.1,2. М.: Прогресс, 1966. С.15-98.
37. Фресс П. Экспериментальный метод // Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып.1, 2. М.: Прогресс, 1966. С. 99-156.
38. Шадриков В. Д. Внутренний мир человека. М.: Логос, 2006. 386 с.
39. Шадриков В. Д. Способности и одаренность человека. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2019. 274 с.
40. Шадриков В. Д., Мазиллов В. А. Общая психология: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 411 с.
41. Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом. М.: Путь, 2001. 368 с.
42. Traité de psychologie expérimentale. Vol. I-IX. Paris: Presses univ. de France, 1963.

УДК 159.9.01

Влияние работ К. Ясперса на содержание творчества М. С. Роговина

А. Э. Симановский, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния работ К. Ясперса на содержание творчества М. С. Роговина. В статье показано, что целый ряд методологических проблем постановки психологического и психиатрического диагноза, критериальных признаков отличающих психическую норму от патологии были сформулированы М. С. Роговиным под влиянием идей К. Ясперса. При этом, М. С. Роговин отвергал интуитивизм и дуализм К. Ясперса и предлагал каузальный, научный путь решения поставленных Ясперсом проблем. Этот подход был реализован в последующих работах самого М. С. Роговина и его учеников.

Ключевые слова: М. С. Роговин, К. Ясперс, методология психологического и психиатрического диагноза, различия нормы и патологии, психологические методы диагностики.

Становление мировоззрения каждого ученого это сложный путь, определяемый событиями личной судьбы, влиянием родителей и учителей, мнением коллег и литературными источниками, которые он читает и обсуждает. Для ученого мнения и позиции других профессионалов особенно важны, так как они позволяют сосредоточиться на тех проблемах и противоречиях, которые их волнуют и которые для них актуальны. При этом, знакомясь с точкой зрения других исследователей, ученый может с ними соглашаться и не соглашаться, внутренне спорить, вырабатывая, таким образом, свою внутреннюю позицию по обсуждаемым проблемам. В истории науки и философии, нередки случаи, когда автор, дискутируя с другим ученым, составляет целую программу опровержения выдвинутой кем-то точки зрения и, тем самым, утверждает свой взгляд на решение какой-то проблемы (Дж. Локк и Г. Лейбниц; Ф. Энгельс и Е. Дюринг).

В своем творчестве М. С. Роговин опирался на огромное количество авторов. Он хорошо знал античную и классическую философию, философию позитивизма и экзистенциализма, труды по общей и клинической психологии, психологии когнитивизма и истории психологии. Свободно владея тремя европейскими языками, он читал многих авторов в первоисточнике и имел свое мнение по большинству вопросов и проблем, обсуждавшихся в психологической науке. При этом, некоторые авторы достаточно часто и регулярно цитируются и обсуждаются в его работах. К ним у М. С. Роговина сформировалось особое отношение, которое во многом, с нашей точки зрения, определило направление и его собственных исследований и размышлений. К таким авторам можно отнести Аристотеля, П. Жане, Ж. Пиаже, А. В. Снежневского, К. Ясперса. Особо хочется остановиться на влиянии работ К. Ясперса на творчество М. С. Роговина.

Как известно, К. Ясперс в своей фундаментальной работе «Основы психопатологии» обсуждает проблему выставления психиатрического диагноза [7]. Он является приверженцем феноменологического подхода и как практикующий врач-психиатр хорошо знает сложности выставления нозологического диагноза, сторонником которого выступал его учитель Э. Крепелин. При этом, К. Ясперс обращает внимание не только на содержание психиатрических симптомов, но и на механизмы возникновения этих симптомов, как он их называл «фундаментальные функции». Именно с расстройствами таких «фундаментальных функций» он связывал появление психиатрических симптомов. Однако, сложность непосредственного выявления этих «фундаментальных функций» создает методологическую проблему и делает понимание причин утяжеления психиатрической симптоматики у больных затруднительным. По мнению К. Ясперса понимание механизма возникновения психопатологических симптомов возможно только при анализе целостной ситуации жизни больного, и функциональном психологическом анализе появления патологической симптоматики, которая возможна только при непосредственном контакте врача с пациентом [7]. Ясперс считал, что на современном уровне познания выявление общих «фундаментальных функций» и конкретизация их в патологической симптоматике имеет очень ограниченное значение, так как трудно проследить причинно-следственные связи между органическим дефектом и большинством психиатрических заболеваний. Гораздо большее значение он придавал интуитивному познанию, базирующемуся на анализе переживаний больных [7].

М. С. Роговин хорошо знал работы К. Ясперса и цитировал его и до работы в Ярославском государственном университете [3]. Так, в своей книге «Введение в психологию», вышедшей в 1969 году он анализирует позицию К. Ясперса по поводу метода анализа патопсихологических явлений [7, 8] М. С. Роговин обращает внимание на особую детерминацию психопатологических состояний, описываемую К. Ясперсом, когда, например, моторные стереотипии при начинающейся шизофрении невозможно вывести из целостных, смысловых и целевых образований личности и они определяются частными физическими или физиологическими причинами. По мнению М. С. Роговина, в этом проявляется дуализм экзистенциализма, когда доступными для научного анализа остаются процессуальные микropsихические изменения, а целостные, функциональные образования такому анализу недоступны, и возможно только интуитивное их постижение [3, с.84]. Уже в этой работе, в свернутом виде фиксируются проблемы, которые в последствии рассматриваются более подробно в более поздних работах: проблема критериальных признаков психической нормы и патологии, проблема постановки психиатрического и психологического диагноза, проблема интуитивного диагностического решения.

В 70-х и 80-х годах XX века М. С. Роговин долгое время читал курс «Патопсихология» в ЯрГУ, регулярно посещал со студентами психиатрическую клинику, участвовал в обсуждении клинических случаев. Поэтому, позиция К. Ясперса, как врача-психиатра и философа, который обсуждает психологические трудности и условия достоверной диагностики психиатрических больных ему были понятны и близки. Он все больше обращается к работам К. Ясперса и проблемам, которые тот обсуждает. Рассматривая методологическую проблему выставления психологического и психиатрического диагноза М. С. Роговин пишет, что К. Ясперс дает подробную характеристику понимания и как врач «расширяет понимание диагноза ex juvantibus (постановки диагноза на основе результатов терапии, против чего резко возражают многие теоретики медицины)». И далее «Учение Ясперса имеет определенное значение для теории и практики диагностики, особенно психиатрической, поскольку в ней всегда сочетаются элементы дискурсивного и интуитивного познания» [4, с.10].

Большое значение М. С. Роговин придает вкладу К. Ясперса в разработку методов психологической и патопсихологической диагностики. Так, вслед за К. Ясперсом, М. С. Роговин, обсуждает особенности биографического метода и отмечает его «ложности». Он солидарен с Ясперсом с необходимостью жесткого различения «биологических категорий» и «собственно-биографических категорий», связанных с пониманием «целостности жизненного пути» больного. Итогом анализа биографических данных является создание наглядного представления, образа «временной целостности человеческой биографии» [6, с.91].

Не менее важную роль имеют разработки Ясперса в области изучения метода самонаблюдения. Роговин отмечает, что для Ясперса самонаблюдение максимально широкое понятие и оно «противостоит физиологическому расчленению» [6, с.111]. Он подчеркивает феноменологический характер самонаблюдения и согласен с Ясперсом, что самонаблюдение лишь начальный этап рефлексивного самопознания, что вслед за самонаблюдением должно идти «самопонимание» и «самораскрытие». При этом, самонаблюдение за изменением своего состояния может быть и важным диагностическим симптомом при начинающейся шизофрении. Отсюда делается вывод о ценности самонаблюдения для научного исследования, особенно в тех случаях, когда самонаблюдение за своим состоянием осуществляют сами врачи, например, при инсулиновых шоках [7, с.397].

При обсуждении применения в патопсихологии экспериментального метода исследования М. С. Роговин отмечает, что представители феноменологического направления, такие как К. Ясперс и Э. Штраус выступают против его использования [6, с.128]. Отсюда, можно заключить, что отстаивая свою позицию на возможность применения эксперимента в патопсихологии, М. С. Роговин ведет внутренний диалог с представителями феноменологического направления, и в частности с К. Ясперсом. Характерно, что для оценки других исследователей, в тех случаях, когда они тождественны с его точкой зрения, М. С. Роговин использует оценки К. Ясперса. Так, он пишет: «К. Ясперс тонко подметил следующее: З. Фрейд, считая, что он оперирует естественнонаучными понятиями, фактически остается в русле герменевтической интерпретации» [6, с.80].

Также М. С. Роговин отмечает значение попытки К.Ясперса разделить психическую «норму» и «патологию». М. С. Роговин пишет: «Об «анормальном», по К. Ясперсу, следует говорить в случаях распада, нарушения единства, когда мир «сжимается» вместо того, чтобы «расширяться», включая в себя новые содержания, когда он теряет эмоциональный тон, связанный с чувством обладания духовными и материальными содержаниями, когда имеет место диссоциация психики» [2, с.35-50].

При этом, М. С. Роговин не согласен с целым рядом положений теории К. Ясперса и формулирует альтернативную точку зрения на природу психиатрического и психологического диагноза. В частности, он отрицает принципиальную непостижимость рационального познания «фундаментальных функций» и гипертрофированное значение интуитивного познания врача-психиатра. Он пишет, что Ясперс оперирует двумя типами связей: «каузальными» и «понятными» (интуитивно понимаемыми). В этом учении Ясперс выступает как философ-идеалист и не показывает механизма осуществления интуитивного познания, откуда он делает вывод, что «основные положения учения Ясперса о понимании весьма спорны» [4, с.10].

В работе «Психологическое исследование» М. С. Роговин пишет о значении анализа причинно-следственных каузальных связей. Он считает, что именно причинная связь лежит в основе научного познания [5, 47]. С него начинается понятие закона, как взаимосвязанной во времени последовательности событий. Отсюда вытекает простое следствие - то, что Ясперс называет интуитивным решением нужно исследовать научными, каузальными методами.

Поэтому работы самого М. С. Роговина и его учеников фактически были направлены на решение вопроса о каузальном объяснении интуитивного познания в процессе выставления психолого-психиатрического диагноза. Данная программа исследований сконцентрировалась вокруг трех проблем:

1. Кодирования вербально и невербальной информации, которую поступает к диагносту при постановке диагноза;
2. Перевод невербальной информации в вербальную форму;
3. Двусторонней связи между разными уровнями познания, например, между сенсорно-перцептивным и словесно-логическим [4].

Влияние К. Ясперса обнаруживается и при интерпретации полученных в исследованиях фактов и явлений. Так, один из учеников М. С. Роговина, Н. И. Курочкин выявил, что у рентгенологов при выставлении диагноза могут встречаться диагностические ошибки из-за влияния перцептивно-сильных фигур [1]. Интерпретация этой закономерности произведена с позиции К. Ясперса, который считал, что неверное (поспешное) понимание некой целостности (общей картины расстройства), может исказить понимание значения отдельных фактов и явлений, и становятся ограничительными границами для понимания, то есть препятствуют дальнейшему пониманию [4, с. 25].

Таким образом, можно сделать вывод, что по ряду ключевых вопросов своей концепции М. С. Роговин находился в постоянном диалоге с К. Ясперсом, как с представителем феноменологической школы в психологии и психиатрии и его влияние на творчество М. С. Роговина трудно переоценить.

Литература

1. Курочкин Н. И. Роль фигуно-фоновых отношений в восприятии и интерпретации медицинских рентгенограмм ... автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1982. 24 с.
2. Роговин М. С. Научные критерии психической патологии: учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 1981. 78с.
3. Роговин М. С. Введение в психологию. М. Высшая школа, 1969. 382 с.
4. Роговин М. С. Значение психологической теории для изучения понимания в различных видах познавательной деятельности // Психологические проблемы диагностики. Ярославль, 1985. С. 8-30
5. Роговин М. С. Психологическое исследование: учеб. пособие. Ярославль, ЯрГУ, 1979. 66 с.
6. Роговин М. С., Залевский Г. В. Теоретические основания психологического и психопатологического исследования. Томск, 1988. 232 с.
7. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практикум, 1997. 1053 с.
8. Jaspers K. Philosophie. Bd. 1-3, 1948. S. 243.

УДК 316.6

Эмпатия как метод познания психического. Теоретический аспект

А. А. Смирнов, Е. В. Соловьева, г. Ярославль

Аннотация. Эмпатия понимается учеными в узком и широком ее значении. Конкретное значение используется как функция эмпатии: сопереживание, сочувствие, со-бытие, со-мыслие. В данной статье предпринята попытка продолжения структурно-уровневого подхода, развитого М. С. Роговиным, где эмпатию можно рассмотреть, как метод познания психического на вышележащих уровнях феномена. Этот подход позволяет подойти к явлению эмпатии с позиции многоуровневой, многомерной системы и приблизить к пониманию ее устройства. На основе классификации методов по М. С. Роговину и Г. В. Залевскому сделан анализ психологических механизмов, составляющих содержание эмпатического метода. Мы выявили существенные признаки эмпатического познания, который соотносится с клиническим методом. Таким образом, эмпатия понимается как чувственное, интуитивное понимание другого, выступает как метод познания психического.

Ключевые слова: метод познания, экстропекция, эмпатия, структурно-уровневый подход.

Постановка проблемы исследования. Одной из фундаментальных проблем в психологии являются вопросы методологии. Традиционно именно методология считается основополагающей для развития науки, поскольку определяет способы познания действительности. Для изучения реальности важно понимать не только парадигму затрагиваемого пласта знаний, но и подходы, методы, методики исследования в психологии. Известными авторами классификаций методов являются Г. Д. Пирьев, Б. Г. Ананьев, В. Н. Дружинин и др.

Традиционная классификация Г. Д. Пирьева, которая является самой ранней, заключается в выделении следующих методов психологического исследования:

- наблюдение, подразделяющееся на объективное наблюдение и самонаблюдение;
- эксперимент, в котором могут быть выделены лабораторный, естественный и психолого-педагогический;
- метод моделирования;
- метод психологических характеристик;
- вспомогательные методы (физиологические, фармакологические, биохимические, математические и т. д.);
- специальные методические подходы [1].

Классификация Г. Д. Пирьева подверглась критике из-за отсутствия единого основания для построения классификации. Также некоторые разделы включают в себя чрезмерно много методов, например, вспомогательные методы, что создает сильный дисбаланс в описании методов. Имеет место расширенная классификация Б. Г. Ананьева, которая дает не просто определить категорию метода, но и возмож-

ность следовать определенной логике при реализации исследования. Поскольку группы методов имеют логику построения: и применяются по ходу протекания эксперимента в последовательном порядке. Таким образом, было выделены следующие методы.

- 1) организационные (в эту группу входят сравнительный, лонгитюдный, комплексный);
- 2) эмпирические (в эту группу входят наблюдательные, экспериментальные, психодиагностические методы, пражиметрические и биографические методы);
- 3) обработки данных (количественные и качественные методы анализа);
- 4) интерпретационные методы (различные варианты генетического и структурного методов) [1].

В. Н. Дружинин подверг критике классификацию Б. Г. Ананьева и предложил свое деление методов: на «чистые» и синтетические методы. Можно заметить, что он еще более расширил классификацию, включив методы свойственные только психологии. К «чистым» методом относятся: естественный эксперимент, лабораторный эксперимент, инструментальное наблюдение, наблюдение, интроспекция, понимание, свободная беседа, целенаправленное интервью. К синтетическим он отнес такие методы как: клинический метод, глубинное интервью, психологическое измерение, самонаблюдение, субъективное шкалирование, самоанализ, психодиагностику, консультационное общение [8].

Михаил Семенович Роговин предложил совместно с Г. В. Залевским свое разделение методов по основанию соотношений между субъектом и объектом в процессе познания. Можно обратить внимание, что эта классификация разделяет по одному основанию, и включает себя предыдущие деления [9].

Общее число методов, согласно М. С. Роговину и Г. В. Залевскому, может быть сведено к шести основным:

1. Герменевтический метод. Субъект и объект познания содействуют друг другу, в единстве посредством логики и языка.
2. Биографический метод. Объект отделен, он выделяется как отдельная психическая реальность вне зависимости от субъекта.
3. Метод наблюдения. Различение субъекта и объекта познания.
4. Самонаблюдения. Превращение субъекта в объект.
5. Клинический метод. Субъектно-объектные отношения перестают быть ключевыми, а главным становится внутренние механизмы психики.
6. Метод эксперимента. Субъект познания с максимальной активностью противостоит объекту, поскольку манипулирует и изменяет реальность [9].

Можно заметить, что приведено методов в гораздо меньшем количестве чем в предыдущих классификациях, что является достоинством данного деления классификации для операционализации и применения учеными на практике.

В данной статье классификация М. С. Роговина и Г. В. Залевского будет является основной, поскольку она объединяет традиционные методы исследования, и уделяет значительное внимание клиническому методу. М. С. Роговин особо ценит клинический метод, поскольку тот не только адсорбирует, включает остальные методы (не сводится к ним), но и обладает своей уникальной спецификой [11].

Для Михаила Семеновича Роговина методологические проблемы психологии имели ключевое значение в области научных интересов. В перечне научных сфер великого ученого можно отметить: психологию понимания, патопсихологию и медицинскую, клиническую психологию, и, безусловно, структурно-уровневый подход к изучению психики [9].

Именно М. С. Роговин уделяет клиническому методу достаточное внимание и придает ему наибольшую ценность. В одной из своих статей, «Структурно-уровневый анализ и установление психологических механизмов патологии» про клинический метод он пишет так: «Его специфика определяет те границы, в которых протекает процесс вынесения диагностического и прогностического суждений. Мышление в рамках клинического метода можно сравнить с движением исследователя судна вверх по незнакомой реке в поисках ее верховья; на пути этого, движения встречаются многие притоки, их следует заметить, нанести на карту, но не сворачивать вниз, ибо конечная цель экспедиции – найти настоящие истоки – причину патологии» [13].

М. С. Роговин в 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Проблема понимания». Он высоко ценит клинический метод, позволявший работать с человеком в целом [9]. Он говорил, что важнее использовать именно клинический метод, объясняя это следующими словами: «Живой человек – единственный настоящий объект психологии. На его место становятся абстрактные «психологические механизмы», «детерминирующие тенденции», «содержание сознания», «акты», «процессы», «обратные связи» и т. п., которые, хотя и представляют необходимые строительные леса на здании научной пси-

хологии, хотя и углубляют наше понимание закономерностей психики, но которые, взятые вне общего контекста личности и деятельности человека, могут заслонить собой конечную цель психологического исследования» [14].

Для того чтобы прийти к пониманию данного метода, нужно осознать соотношение форм познания. М. С. Роговин в своем исследовании «Верифицируемое и интуитивное познание психического» поставил многовековую проблему форм познания, а точнее: соотношение рационального и интуитивного методов [11].

Изучая труды М. С. Роговина, можно прийти к выводу, что верифицируемые и интуитивные формы познания имеют достаточно большое количество характеристик [11]. Это создает сложность в определении и толковании терминов, которых создано множество вокруг этой проблемной области. В данной статье будет предпринята попытка соотнести существенные признаки методов для дальнейшей разработки проблематики, созданной выдающимся ученым М. С. Роговиным. Этот вопрос о балансе двух форм познания мы сопоставили с классификацией методов по М. С. Роговину и Г. В. Залевскому, что является основной мыслью данной статьи и пришли к следующим утверждениям.

Интуитивная форма познания – это клинический метод в рассматриваемой данной классификации. Верифицируемая форма познания – это в большей степени метод самонаблюдения, и остальные сопутствующие ему методы: наблюдение, эксперимент и др. В дальнейшем, путем логических рассуждений, мы перешли к суждению о том, что клинический метод основывается на механизме эмпатического понимания, а верифицируемые методы на рефлексивном познании.

Для подтверждения ключевых мыслей обратимся к изучению методов и форм познания у М. С. Роговина. В статье «Верифицируемое и интуитивное познание психического» М. С. Роговин, Г. В. Залевский противопоставляют два вида постижения психики другого: с помощью методов интуитивного и верифицируемого познания [11].

Верифицируемая форма познания отличается следующими существенными признаками: оно логическое, рациональное, дискурсивно (развернуто), научно верифицируемо, реализуется во времени поэтапно. Имеет место сравнение даже со статистическим методом (П. Мил) [11].

Интуитивное постижение индивидуализированного, осуществляется одномоментно, подсознательно, чувственно. Возможно, схоже с эвристическим мышлением (В. В. Петухов).

Если сравнивать с симультанным и сукцессивным восприятием, то верифицируемое восприятие будет детализировано, раздроблено, аналитически как сукцессивное. Интуитивное восприятие осуществляется целостно, симультанно, единоразово, с образованием тех самых синергетических эффектов, где целое не сводится к сумме частей. Можно это назвать эмерджентным восприятием. М.С. Роговин пишет следующее про интуитивный, клинический метод: «Нужно выйти при постановке диагноза на сумму признаков, а не на их отдельное» (цит. по [11]).

М.С. Роговин особо подчеркивает роль эмоционального переживания в оценке психики другого человека: «К. Лоренц говорит в этой связи о необходимости для исследователя иметь «клинический взгляд», имея в виду отражаемую реальность в целом [11]. Психиатры К. Ясперс, Я. Вирш и Х. Телленбах, развивая положение о целостном восприятии той или иной патологии именно как некоторой целостности, фактически реализуют для области изучения патологии те же идеи. В том же целостном восприятии и понимании патологии говорит представитель феноменологического направления в психиатрии Х. Телленбах при анализе меланхолического типа личности» (цит. по [11]).

Важным замечанием является перевод терминологии исследователей прошлых лет: «Так, в 1799 г. Ф. Шиллер в одном из своих писем В. Гёте писал о том, что в познании большинства людей чувственное (Empfindung) более эффективно, чем умственное (Rasonnment). Лишь только, продолжал он, подключается размышление (Reflexion), тут же начинаются и заблуждения» (цит. по [11]). Во-первых, можно заметить, что в немецком слово «чувственное познание» (Empfindung) порождает слово – эмпатия. Часто в источниках наблюдаем этимологию слова через термин «empathy», который предложил Э. Титченер в 1909 году, взяв за основу слово «Einfuhlung» (вчувствование). Нам представляется и правдоподобным, что словообразование пошло от термина «Empfindung», поскольку слова синонимичны. Во-вторых, размышление здесь названо немецким словом «Reflexion», что можно привести к существующему понятию психического процесса – рефлексии.

Рефлексию как метод начали использовать основатели Вюрцбургской школы (Освальд Кюльпе, Карл Марбе, Генрих Ватт, Нарцисс Ах, Август Мессер, Карл Бюлер, Клифтон Тейлор и др.). В. Вундт заложил метод интроспекции, который заключался в определенной тренировке сознания, направленного на самого себя. Если представить направленность, интенцию сознания как луч, то он будет обращен на начало самого себя, как бы сознание о сознании (А. В. Карпов) [5]. Именно поэтому Огюст Конт

утверждал, что интроспекции не существует, а есть только ретроспекция, поскольку сознание не может осознавать себя в настоящем, а только всегда в прошедшем времени.

Исходя из логики нашего рассуждения, эмпатия как метод может являться экстроспекцией. Направленность сознания на другое сознание, т. е. можно применить метафору: сознание в сознании. Означает данное выражение следующее: интенция сознания индивида устремлена на сознание другого познающего субъекта, таким образом они одновременно познают друг друга и находятся в одном потоке осознания. Экстроспекцию часто подменяют просто внешним восприятием, что можем наблюдать в словаре практического психолога: «Никакой здравомыслящий человек, — пишет он, — не скажет, что военный наблюдатель, дающий такое, например, показание: «Около опушки леса появился неприятельский танк», занимается интроспекцией и дает показания самонаблюдения. ... Совершенно очевидно, что здесь человек занимается не интроспекцией, а «экстроспекцией», не «внутренним восприятием», а самым обычным внешним восприятием» [18].

Несмотря на то, что в статье М. С. Роговина и Г. В. Залевского напрямую не говорится об эмпатическом вчувствовании, можно заметить следующие рассуждения про сопереживание и непосредственное восприятие другого: «Исследующие эту проблему психологи нередко склоняются к тому, что интуитивное познание психического бывает адекватным прежде всего у людей, обладающих особыми к этому природными способностями и даром «сопереживания», позволяющими им непосредственно постигать психику другого человека» (цит. по [11]).

Мы хотим продолжить рассуждения М. С. Роговина на тему соотношения методов: рационального и чувственного познания действительности. Мы их противопоставляем через механизмы рефлексии и эмпатии. Таким образом, можно выявить особенности эмпатического понимания схожего с описанием клинического метода.

Мы предполагаем, что эмпатия тоже имеет структурно-уровневое строение, поскольку проявлять эмпатию можно на разных уровнях психики. М. С. Роговин применял структурно-уровневый анализ в клиническом методе, говоря о нарушениях речи больных психопатологиями и в других случаях клинического метода [12, 13]. Можно предположить, что проявление эмпатии может быть тоже на разных уровнях. Именно это может подтвердить ее структурно-уровневое строение.

Системность феномена эмпатии рассматривали многие ученые. Н. И. Сарджвеладзе, определяя эмпатию, говорит о целостном, но специфическом «акте»: «Эмпатия – это особый психический акт, целостное образование когнитивных, эмоциональных и моторных компонентов, которое включено в качестве особой формы в социальное взаимодействие» [17]. И. М. Юсупов рассматривает эмпатию как целостный феномен в русле системного подхода [26]. Теория психологических систем В. Е. Ключко позволяет предположить, что эмпатия – это фундаментальное свойство человека как открытой саморазвивающейся системы. И. В. Федоров – современный психолог считает: «Эмпатическая активность – форма фундаментальной, имплицитно присущей человеку респонзивной активности. Респонзивность – изменение себя в ответ» [23]. Эмпатия изучается в структуре эмоционального интеллекта в качестве составной его части: о чем пишет И. Н. Андреева, Д. В. Люсин и другие исследователи структуры интеллекта [7, 10]. Структурного деления эмпатии придерживается и В. В. Бойко, говоря о ее параметрах [2].

Мы предполагаем, что эмпатия имеет уровневое строение. Описание уровней будет экономным, в целях передачи общего смысла структурно-уровневого подхода.

Фундаментом, начальным уровнем, можно определить нейробиологический субстрат – зеркальные нейроны. Например, известно исследование, где расстройство зеркальных нейронов, которые являются нейробиологическим субстратом эмпатии, приводит к аутизму (Т. Л. Карягина) [6]. Больные аутизмом обладают недостаточным количеством нейронов с отражательной функцией психики, что приводит к непониманию эмоций других людей, низкой способностью сопереживать и, в итоге, социальной изолированности. Они в свою очередь переходят на уровень нервной деятельности психики, где формируются рефлекторно-регулятивные реакции. Условно-рефлекторная деятельность анализаторных систем определяет целостность отражаемых явлений. Скорее всего, биологическая значимость эмпатии заключается в эволюционной ценности понимания окружающей среды, умением быстро ориентироваться и изменяться в ответ на неосознаваемом уровне. Эмпатия на рефлекторном уровне может быть основой адаптивного поведения через формирование условных моделей поведения для приспособления к обществу. Такой уровень эмпатии может быть свойственен даже животным. Обычно в зоопсихологии говорят об альтруизме среди животных, следовательно, сопереживание своим сородичам было эволюционно выгодно и биологически обусловлено (А. А. Карпов) [4]. Получается, что доминантой, то, что вызывает очаг возбуждения нервных центров, в поведении животного становится помощь другому. Следующим, более высоким уровнем являются темпераментальные свойства нервной системы. «Было доказано, что характеристики темперамента ребенка (например, преобладание отрицательных

аффектов) во многом определяют такие измерения личности взрослого, как нейротизм, экстраверсия и сознательность, которые, в свою очередь, высоко коррелируют с опросниками на эмоциональный интеллект» (Matthews et al.) [10].

Описанные фундаментальные структуры образуют известную триаду сознания: эмоциональный, когнитивный и поведенческий – уровни. Н. И. Сарджвеладзе, исследуя эмпатию, выделяет структурные компоненты аттитюдов: когнитивный, аффективный (эмоциональный) и конативный (поведенческий) компоненты [17]. Аффективный уровень – это отношение сознание к объекту познания. Здесь опора идет на теорию эмоций К. Изарда, Р. Бар-Она, Р. Д. Робертса, Дж. Мэттьюса, М. Зайднера, Д. В. Люсина и других исследователей эмоций и эмоционального интеллекта [10]. Эмоции человека тоже нужны для адаптации и выживания. Понимание и контроль эмоций другого человека могли принести преимущество по сравнению с другими сородичами в далеком прошлом. Исследователи уверены, что эмоциональный интеллект, т.е. адаптационный потенциал у людей разный: «Ведущие специалисты в области психологии интеллекта, такие, как Э. Торндайк, Ч. Спирмен, Д. Векслер, Дж. Гилфорд, утверждали, что люди различаются по способности понимать других людей и управлять ими, т. е. «действовать разумным образом в человеческих отношениях» (Thorndike, 1920, p. 227) [10].

Следующий уровень – это когнитивный, познавательный уровень. Здесь мы можем наблюдать проявление эмпатии во всех познавательных процессах.

Ощущение как процесс отражения отдельных свойств предметов, а также внутренних состояний организма человека при непосредственном воздействии раздражителей на органы чувств (М. В. Романова) – демонстрирует важное свойство эмпатического воздействия как непосредственное отражение [15]. Ощущения в эмпатии просто необходимы: в большей степени зрительные. Известны эксперименты, где эмпаты чувствуют боль другого человека, если видят, как ее причиняют. Болевые ощущения становятся будто своими. Эмпатийность связана с высокой сензитивностью индивида, сенсорной чувствительностью. Если на этом уровне будет нарушение чувствительности, например, гипестезия (сниженная чувствительность), анестезия (выпадение чувствительности), то можно предположить такой человек не сможет понять другого [15].

В дальнейшем ощущение трансформируется уже в цельный образ отражения предмета и явления при непосредственном воздействии раздражителя на органы чувств [15]. Об особенностях восприятия было сказано выше, добавим, то, что М. С. Роговин, говоря об интуитивном познании психики другого выделяет следующие признаки, исходя из экспериментальной базы множества исследователей, кто, по его мнению, использовал именно клинический метод (З. Фрейд, Ясперс, Юнг и др). З. Фрейд пишет о «равномерно обволакивающем внимании», где указывалось на специфический характер внимания типа «максимального слияния с объектом», сочетание его максимальной концентрации с полной пассивностью [11]. «О том же целостном восприятии и понимании патологии говорит представитель феноменологического направления в психиатрии Х. Телленбах, который отмечает, что при констатации этого феномена меньшую роль играют систематическое сравнение признаков, чем «концентрирующаяся интуиция» (verdichtete Intuition), при которой существенные признаки постепенно отчленяются от несущественных, эфемерных» (цит. по [11]).

Таким образом, восприятие целостное, а внимание высоко концентрированное.

Мышление и речь как сильно связанные процессы тоже имеют проявление эмпатического потенциала. Можно говорить о том, что понимание, со-мыслие происходит посредством понимания, которое не сводится к логическому знанию общих понятий, а больше является концептуальным осознанием смысла. В. В. Знаков пишет: «В психологии познания понимание рассматривается как мыслительная процедура, направленная не на получение нового знания, а на смысло-образование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности» (Знаков, 1994) [3].

На конативном, поведенческом уровне мы можем наблюдать эмпатическую респонзивность (Федоров 2014). И. В. Федоров пишет о респонзивной природе эмпатической активности так: «Категория респонзивности позволяет целостно (системно) рассматривать два аспекта эмпатии: эмпатию как метод познания и видеть его не только в нахождении ответа, но в бытии, становлении ответом, и эмпатию как метод взаимодействия, понимаемый не только как преодоление того, что разделяет человека с миром и другими, но как изменение человека в ответ на присутствие и активность мира и Другого. Благодаря категории респонзивности мы можем не разделять аспекты понимания и взаимодействия, а интегрировать их в понимание эмпатической активности, которая является формой более фундаментальной респонзивной активности» [23]. То есть эмпатия выступает во взаимодействии с другими людьми, в проявлении активности, реактивности и изменении себя в ответ. В. В. Бойко в своей классификации выделяет Проникающую способность в эмпатии, говоря о той же природе активности, проникновения и управление другим человеком при помощи регуляции поведения.

Все описанные нами уровни, теоретическое обоснование которых можно найти во многих исследованиях, складываются в общий уровень, мета-уровень – эмпатии как метода познания. Эмпатический метод, который включает в себя все нижележащие структуры в своем взаимодействии, именно этот метод описывает М. С. Роговин в своей классификации как клинический метод познания. Таким образом, мы можем объединить все трактовки эмпатии, поскольку они вписываются уровни и структуры, которые можно рассмотреть, как целостное образование.

Заключение. Проблема соотношения методов и форм познания является базовой, изначальной при построении любой психологической теории. Исходя из классификации, предложенной М. С. Роговиным и Г. В. Залевским, мы можем предположить, что психологический механизм двух методов познания заключается: в эмпатии и рефлексии как разной направленности сознания. Мы рассмотрели только экстраспективную (внешнюю) направленность, эмпатическую в виде клинического метода. Таким образом, мы можем выделить существенные признаки эмпатического познания. Данный список не является исчерпывающим.

1. Направленность сознания экстраспективная. При этом не любое внешнее восприятие является эмпатией. Если интроспективный метод рефлексии: это сознание о сознании, мышление о мышлении, (А. В. Карпов), то экстраспективный метод, как стоит учесть в случае эмпатии, это сознание, направленное на другое сознание [5]. Возможно, уместна метафора: сознание в сознании.
2. Познание психического является непосредственным. Другими словами, нет элементов, которые опосредуют познание. Именно поэтому форма познания интуитивная, т.е. обладающая признаками: индивидуальности, осуществляется одновременно, подсознательно, чувственно.
3. Клинический метод. Это не просто внешнее наблюдение за другим человеком, это метод схватывания его внутреннего психического мира. М. С. Роговин отмечает, что субъектно-объектные отношения как таковые отходят на второй план, а на первый план выступает задача перехода от внешне наблюдаемого к внутренним механизмам психического. Этот метод адсорбирует остальные методы [12]. Мы описали феномен эмпатии, исходя из структурно-уровневого подхода М. С. Роговина, где самым высоко-устроенным уровнем является эмпатия метод познания. Таким образом, все когнитивные процессы индивида обладают определенной спецификой познания. Эмпатия не сводится лишь к аффективному уровню, этот феномен системно распространяется и на поведенческий уровень, и на познавательный.
4. Целостность восприятия, которая вытекает из предыдущего пункта. Гештальт-образ должен быть прегнантным, с образованием синергетических эффектов. Уместно будет повторить метафору М. С. Роговина: «Мышление в рамках клинического метода можно сравнить с движением исследователя судна вверх по незнакомой реке в поисках ее верховья; на пути этого, движения встречаются многие притоки, их следует заметить, нанести на карту, но не сворачивать вниз, ибо конечная цель экспедиции – найти настоящие истоки — причину патологии» [13]. Подразумевается, что при этом методе мы видим то, что есть на самом деле, целостно, не отвлекаясь на рассмотрение деталей.
5. Контекстный подход к пониманию Другого. Это значит, что смыслы отдельных психических актов нужно рассматривать не только цельно, но и в отношении с фоном системы. Другое направление исследований касалось детализации процессов понимания как экспликации системы связей объекта, в которых, по С. Л. Рубинштейну, происходит раскрытие («вычленивание») многогранной сущности этого объекта (например, текста или поступка человека) [16]. В. Д. Шадриков, анализируя понимание как интеллектуальную операцию, отмечает: «Понимание – это процесс включения, понимаемого в имеющееся знание, жизненный опыт, интерпретация значения, понимаемого в конкретном контексте. В результате происходит включение познаваемого в личный тезаурус человека, наделение его личностным смыслом» [25]. Мы считаем, что эмпатическое познание действует по принципам контекстного подхода.
6. Многомерность эмпатии рождает ее расщепление. Именно структурно-уровневый подход дает понять, почему во многих наших исследованиях наблюдается, что эмпатия имеет гетерохронность в своем развитии, неоднородное взаимодействие с социальной адаптированностью [19-22]. Эмпатия образует положительные и отрицательные взаимосвязи с вузовской адаптированностью, социально-психологической адаптированностью, антидемократической подверженностью (фашизацией личности). М. А. Холодная, говоря о природе интеллектуального потенциала, пишет, что интеллект может расщепляться при своих крайних показателях. То есть, высокий интеллект является продуктивным и непродуктивным при определенных критериях, как и низкий интеллект. Получается диспозиция интеллекта не является линейной, а представлена многомерно.

Это меняет парадигму изучения качеств любой системы, преобразовывая каждое в многоуровневое образование. Что будет описано в следующих работах более подробно.

В заключение важно отметить безмерный вклад Михаила Семеновича Роговина в психологию во всех ее проявлениях: в методологию психологии, в клиническую психологию и патопсихологию, медицинскую психологию, в психологию понимания, общую психологию и другие стороны многоаспектной науки. Именно он мог видеть человека как ценность не в абстрактном его проявлении, а в истинном, многогранном существовании – в его жизни.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модек», 1996. С. 301-302.
2. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1996. – 472 с.
3. Залевский Г. В. Объяснение и понимание как методы наук о психике // Вестн. Том. гос. ун-та. 2005. №286. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyasnenie-i-ponimanie-kak-metody-nauk-o-psihike> (дата обращения: 18.04.2021).
4. Карпов А. А. Зоопсихология: учебное пособие А. А. Карпов; Рос. акад. образования, Москов. психол.-социал. ун-т. М.: Изд-во МПСУ; Филигрань: 2017. 468 с.
5. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методики её диагностики. Психологический журнал. Т. 24. № 5, 2004. С. 45-57.
6. Карягина Т. Д. Эмпатия как метод: точка зрения современной гуманистической психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. Т. 24. № 5, 2016. С. 178-204.
7. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 29-36.
8. Методы психологической диагностики / ред. В. Н. Дружинин, Т. В. Галкина [электронный ресурс] // режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21179839> (дата доступа: 03.11.2019).
9. Михаил Семенович Роговин – опережая время / Г. В. Залевский, В. А. Мазиллов, В. А. Урываев [и др.] // Медицинская психология в России. Т. 5, № 5, 2013. С. 1. doi: 10.24411/2219-8245-2013-15010
10. Мэтьюс Дж., Люсин Д. В., Робертс Р. Д., Зайднер М. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике // Психология. Т. 1. № 4, 2004. С. 3-26.
11. Роговин М. С., Залевский Г. В., Верифицируемое и интуитивное познание психического // СПЖ. 2001. №14-15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verifitsiruемое-i-intuitivное-poznanie-psihiческого> (дата обращения: 20.01.2021).
12. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии: Методологические основы. Ярославль, ЯрГУ, 1977, 78 с.
13. Роговин М. С., Залевский Г. В. Структурно-уровневый анализ и установление психологических механизмов патологии // СПЖ. 2006. №24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-urovnevyy-analiz-i-ustanovlenie-psihiologicheskikh-mehanizmov-patologii> (дата обращения: 14.04.2021).
14. Роговин М. С. Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1968. 382 с.
15. Романова М. В. Общая психология: познавательные процессы: учеб.-метод. пособие. Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. 64 с.
16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2-х т. Т. 1. М.: Педагогика, 1989. С. 442-481.
17. Сарджвеладзе Н. И. О балансе проекции и интроекции в процессе эмпатического взаимодействия // Бессознательное: природа, функции, методы исследования: в 4 т. / под общ. ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассина. Тбилиси: Мецниереба. Т. 3, 1978. С. 485-490.
18. Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест. С. Ю. Головин, 1998. 622 с.
19. Смирнов А. А., Соловьева Е. В. Взаимосвязь профессионального компонента вузовской адаптации и параметров эмпатии // Ярославский психологический вестник. № 3 (45), 2019. С.14-18.
20. Смирнов А. А., Соловьева, Е. В. Социально-психологическая адаптированность и параметры эмпатии студентов в вузе // Журнал для психологов. Ярославль: «Человеческий фактор: Социальный психолог», Выпуск №1 (39), 2020. С. 244-251.
21. Смирнов А. А., Соловьева Е. В. Взаимосвязь антидемократической подверженности и каналов эмпатии у студентов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 1. С. 71-76. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-1-71-76>
22. Смирнов А. А., Соловьева Е. В. Взаимосвязь социального компонента вузовской адаптации и параметров эмпатии // Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации: материалы всероссийской научно-практической конференции с дистанционным и международным участием: 19-20 декабря 2019 г. / отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск: ЗЕБРА, 2019. С.428-432.
23. Федоров, И. В. Предположения о респонзивной природе эмпатии // СПЖ. 2014. №53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predpolozheniya-o-responzivnoy-prirode-empatii> (дата обращения: 14.04.2021).

24. Холодная М. А. Многомерная природа показателей интеллекта и креативности: методические и теоретические следствия // Психологический журнал. Том 41. № 3, 2020. С. 18-31 [Электронный ресурс]. URL: <http://ras.jes.su/psy/s020595920009342-2-1> (дата обращения: 04.02.2021). DOI: 10.31857/S020595920009342-2
25. Шадриков В. Д. Ментальное развитие человека. М.: Аспект-Пресс, 2007
26. Юсупов И. М. Вчувствование, проникновение, понимание. Казань, 1993. 53 с.

УДК 159

Особенности оценки нормальности распределения показателей поведенческих характеристик

И. Г. Сенин, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. В статье показана специфика применения закона нормального распределения при изучении личностных свойств. Аргументируется более дифференцированный подход к оценке нормальности распределения поведенческих характеристик, основанный на многомерной оценке.

Ключевые слова: нормальное распределение, внешние и внутренние факторы, поведение, параметры распределения.

Все те вопросы, которые, так или иначе, связаны с использованием в психологии методов математической статистики часто вызывают среди профессиональных психологов достаточно много разного рода споров и дискуссий. Один из наиболее принципиальных моментов таких дискуссий всегда был связан с вопросом о том, существует ли какая-то специфика использования методов математической статистики по отношению к психологическим переменным по сравнению с использованием этих методов в других науках и дисциплинах? На наш взгляд такая специфика действительно существует и связана она в первую очередь с тем, что по сравнению с многими другими науками сам предмет изучения психологии обладает целым рядом специфических особенностей, обусловленных самой его природой.

Поскольку большинство наиболее часто используемых в психологических исследованиях методов математической статистики основано на законе нормального распределения Гаусса, то именно на примере данного закона мы и попытаемся определить наиболее общие особенности использования методов математической статистики для целей психологических исследований и измерений.

Сразу оговоримся, что речь здесь пойдет прежде всего о так называемых личностных характеристиках, т. е. тех психических свойствах, которые чаще всего описываются той или иной поведенческой моделью. Если говорить более конкретно, то мы хотим выяснить два основных момента: во-первых, в чем заключаются наиболее существенные базовые особенности личностных характеристик как предмета психологических измерений, а во-вторых (и это главное), каким образом данные особенности определяют специфику функционирования закона нормального распределения по отношению к психологическим переменным.

Для того, чтобы сделать наш анализ более структурированным обратимся к известной классификации наук, использующей в качестве основания классификации предмет изучения науки. В соответствии с данной классификацией, как известно, в наиболее обобщенном виде все науки делятся на две большие группы: естественные и гуманитарные.

Предметом изучения естественных наук являются объекты живой и неживой природы, а также различные природные явления, которые, в сущности, являются результатом взаимодействия этих объектов. Важно отметить, что практически все объекты и явления, которые являются предметом изучения естественных наук являются внешними по отношению к человеку, т.е. они никак от него не зависят и функционируют независимо от его воли. Благодаря этому природные объекты сохраняют свое постоянство и неизменчивость в течение времени. Существенной отличительной чертой естественных наук является то, что они в максимальной степени используют точные количественные методы исследования и анализа. В этом смысле очень важную роль играет закон нормального распределения, поскольку в этой группе наук различные показатели выраженности того или иного признака довольно жестко подчиняются этому закону. В самом общем смысле это означает, что наибольшая и наименьшая степень выраженности того или иного признака характерна для меньшего количества наблюдений, чем средний

уровень выраженности данного признака. Поскольку практически все параметры измерения тех объектов, которые являются предметом изучения естественных наук, находятся в строгом соответствии с положениями закона нормального распределения, то для того, чтобы быть валидными, все статистические данные, которыми оперируют в научных исследованиях естественные науки должны строго соответствовать тем стандартным статистическим критериям, которые определяют факт нормальности распределения оценок.

В свою очередь, предметом изучения гуманитарных наук можно считать человека как субъекта культурной, нравственной и общественной жизни. К предмету изучения гуманитарных наук также относятся результаты и продукты деятельности человека как представителя человеческого общества в целом. Всё то, что изучают гуманитарные науки, создано исключительно человеком и не могло бы существовать помимо его воли. При этом социальные и другие средовые влияния на жизнь и деятельности человека обладают большим разнообразием и непостоянством. Именно поэтому использование точных количественных методов в гуманитарных науках значительно затруднено. И здесь, в отличие от естественных наук, чаще всего используются не количественные, а качественные методы, которые допускают довольно значительный субъективизм и многозначность оценочных критериев. Если говорить о законе нормального распределения применительно к гуманитарным наукам, то в гуманитарных науках данный закон почти не работает. Причина этого заключается в том, что те характеристики и свойства, которые являются предметом изучения гуманитарных наук в значительной степени подвержены воздействию различных средовых факторов. Влияние данных факторов зачастую носит не системный, а случайный характер и поэтому определить какую-то закономерность действия данных факторов практически не представляется возможным.

Что касается психологической науки, то в целом ее, как известно, нельзя однозначно отнести ни к естественным, ни к гуманитарным наукам. В психологии существует целый ряд направлений, изучающих в большей степени природно-обусловленные, а значит относительно стабильные показатели, для исследования которых можно достаточно эффективно использовать большинство стандартных статистических критериев. В то же время в тех направлениях психологической науки, которые связаны с исследованием социально-обусловленных, а значит более изменчивых и непостоянных свойств, стандартные статистические процедуры используются ограниченно, и в этом случае чаще прибегают не к количественным, а к качественным методам анализа.

Однако, довольно часто предметом исследований в психологии становятся такие свойства, которые примерно в равной степени обусловлены как природными, так и социальными факторами. И в первую очередь к такого рода свойствам можно отнести так называемые свойства личности или личностные свойства. По своему содержанию то или иное личностное свойство, как известно, характеризуется своей специфической и довольно жестко определенной моделью поведения. Говоря обобщенно, любое личностное свойство по своей сути можно считать набором наиболее характерных для него поведенческих проявлений.

Хорошо известно, что любое поведение всегда строится на основе влияния двух видов факторов, а именно факторов внутреннего и внешнего порядка. Факторы внутреннего порядка обусловлены природно, они стабильны во времени и практически не зависят от той ситуации, в которой находится человек. Поскольку факторы внутреннего порядка обладают значительным постоянством, то их влияние на поведение человека можно спрогнозировать с достаточно высокой долей вероятности, а их изучение с помощью методов количественной оценки представляется вполне возможным.

В свою очередь, факторы внешнего порядка обусловлены внешними средовыми обстоятельствами и всевозможными ситуационными переменными. Эти факторы непостоянны и неустойчивы, а это значит, что их влияние на изучаемое поведение предугадать бывает чрезвычайно трудно. Поскольку действие факторов внешнего порядка чаще всего является случайным и непредсказуемым, то использование даже относительно точных методов количественной оценки данных факторов является практически невозможным.

Исходя из этого можно заключить, что в каждом виде поведения всегда можно обнаружить как постоянные, так и изменчивые компоненты, в которых отражается влияние того или иного вида факторов. На наш взгляд, такая двойственная природа человеческого поведения должна находить свое отражение в том числе и в том, каким образом при проведении психологического исследования необходимо подходить к оценке нормальности распределения показателей выраженности той или иной поведенческой характеристики.

По нашему мнению, решать вопрос о нормальности распределения тех или иных поведенческих характеристик необходимо менее категорично и менее прямолинейно, учитывая при этом ту двойственную природу данных характеристик, о которой мы упоминали ранее.

Прежде всего, важно отметить, что само слово «проверка» далеко не всегда подходит к самой природе большинства поведенческих характеристик. Ведь слово «проверка» подразумевает своего рода дихотомическую шкалу ответа на вопрос: «Как прошла проверка?» Проверку можно либо пройти, либо не пройти, никакого третьего варианта слово «проверка» не подразумевает. Именно на этом принципе основаны все наиболее часто используемые стандартные критерии нормальности распределения (Колмогорова–Смирнова, хи-квадрат и пр.). Однако, как мы уже отмечали, на оценки по поведенческим психологическим переменным влияет огромное количество ситуационных средовых факторов, воздействие которых на изучаемую переменную в большинстве случаев учесть бывает практически невозможно. По этой причине, как нам кажется, при анализе распределения психологических переменных правильней будет использовать термин «оценка», поскольку оценка в отличие от проверки всегда предполагает некую градацию степени соответствия эмпирического распределения нормальному. Таким образом, если мы подойдем к вопросу о нормальности распределения не как к факту нормальности или ненормальности, а как к оценке степени нормальности, то это позволит нам оценивать данный показатель более гибко. Здесь будет также уместно вспомнить, что в литературе по математической статистике довольно часто наряду с термином «нормальное распределение» используется термин «распределение, близкое к нормальному».

Основная идея такого более гибкого подхода заключается в том, чтобы подходить к решению данного вопроса более дифференцированно, т.е. использовать для оценки нормальности распределения сразу несколько показателей. Ведь сама специфика целого ряда поведенческих характеристик может найти свое отражение в том, что эмпирическое распределение будет соответствовать нормальному распределению по различным показателям в неодинаковой степени. И именно это позволит нам оценить эмпирическое распределение более дифференцированно. Среди таких показателей наиболее важными параметрами можно считать: среднее значение, медиана, асимметрия, эксцесс, стандартные ошибки асимметрии и эксцесса, а также график распределения оценок. При этом необходимость использования и представления того или иного показателя из всех перечисленных, в разных случаях будет различной. В каких-то случаях достаточным будет представить, например, только график распределения, но в каких-то ситуациях будет необходимо рассчитать и представить все эти показатели.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что использование многомерного показателя для определения нормальности распределения оценок выраженности личностных характеристик является, на наш взгляд наиболее целесообразным. Такой подход позволяет оценить нормальность распределения данных характеристик более дифференцированно, и это в большей степени соответствует их базовым природным особенностям.

УДК 159.9.01

Вклад М. С. Роговина в разработку проблемы уровневого объяснения в психологии⁹

Ю. Н. Слепко, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена научному творчеству выдающегося отечественного психолога Михаила Семеновича Роговина и приурочена к 100-летию со дня его рождения. В статье рассматриваются преимущественно методологические исследования М. С. Роговина, прежде всего разработка им проблемы структурно-уровневого подхода в психологии. Утверждается, что результаты методологического анализа проблемы и сегодня сохраняют высочайшую значимость для решения проблемы предмета и метода психологии, проблемы объяснения, организации историко-психологических исследований и мн.др.

Ключевые слова: М. С. Роговин, психологическое исследование, структурно-уровневые теории, объяснение, способности.

Настоящий выпуск Ярославского психологического вестника посвящен столетнему юбилею со дня рождения выдающегося отечественного психолога, методолога и теоретика психологии, историка пси-

⁹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-18-00157, <https://rscf.ru/project/18-18-00157/>

хологии, патопсихолога Михаила Семеновича Роговина (1921–1993). Научному творчеству, личности М. С. Роговина, его становлению как психолога посвящены публикации учеников и коллег, в которых раскрывается многообразие и глубина научных интересов ученого, значимость его работ для решения современных методологических и теоретических проблем психологии [5-8, 11 и др.]. Именно последнее особенно и неоднократно подчеркивается в упомянутых и ряде других публикаций. При этом особое внимание обращается и на явную недооценку продуктивности выдвинутых М. С. Роговиным идей, в которых специфическим образом раскрываются проблемы истории психологии, ее методологии и теории. Именно поэтому в настоящем тексте мы хотели бы акцентировать внимание на разработке им проблемы развития структурно-уровневого подхода в психологии и его роли в решении фундаментальных проблем предмета и метода психологии, объяснения в психологии и ряда других.

В ряде публикаций, посвященных творчеству юбиляра (в том числе и в вошедшей в настоящий выпуск статье В. А. Мазилова), утверждается, что М. С. Роговин был не просто хорошо осведомлен о современном ему состоянии мировой психологии, но и продуктивно использовал новые идеи для разработки методологических проблем психологии. Именно это и позволило ему обратиться к сравнительно-историческому анализу развития проблемы структурно-уровневых исследований в психологии. Результатом стала публикация в 1977 г. небольшой по объему, но характеризующейся и сегодня высочайшей значимостью работы «Структурно-уровневые теории в психологии (методологические основы)» [14]. Особо отметим, что в современной российской психологии уровень подход к анализу психики применяются для решения фундаментальных проблем предмета и объяснения в психологии [9], анализа структуры деятельности, способностей и одаренности [17, 18], изучения структурно-уровневой организации индивидуальных качеств личности [3] и др. Безусловно, немалый вклад в разработку методологии структурно-уровневых исследований внесли работы М. С. Роговина.

Публикация в 1977 г. его работы совпала с параллельно разворачивающимися в отечественной и зарубежной науке процессами, синтез которых был удачно им осуществлен. Прежде всего, речь идет о развитии структурализма в науке – «ряда направлений в гуманитарном познании 20 в., связанных с выявлением структуры, т. е. совокупности таких многоуровневых отношений между элементами целого, которые способны сохранять устойчивость при разнообразных изменениях и преобразованиях» [1, с.647]. Использование идей структурализма в психологии связано с определением реального психологического содержания понятий структуры и уровней, что, в свою очередь, напрямую связано с объяснением психики как целостного образования. Именно поиску путей решения обозначенной проблемы и посвящена работа М. С. Роговина, в которой критически оцениваются варианты объяснения целостности психики средствами естественных (математики, физики, биологии) и гуманитарных (лингвистики, социологии) наук. Автор пишет, что «обращение к иным наукам в поисках объяснительной модели (а также, как мы видели, и путей редукции) со стороны психологии (а это касается, в первую очередь, математики, физики, лингвистики, социологии и биологии) может осуществляться и вне структурного подхода. Однако, поскольку этот подход соответствовал изменившемуся духу науки и тем переменам, которые обозначились в ней во второй половине XIX в., то именно в его рамках это стремление приобрело особый размах» [14, с.43].

Заслуга М. С. Роговина состоит в попытке применить идеи структурализма в науке для разработки собственной психологической методологии структурно-уровневого подхода к анализу и объяснению психики. Хорошо осознавая фундаментальную сложность решения такой задачи, уже в самом начале работы он пишет: «Схема объяснения психики в значениях структуры и уровней не должна вводить в заблуждение своей кажущейся простотой. Последняя сразу же исчезает при попытке ответить на вопрос о том, каково же реальное психологическое содержание понятий “структуры” и “уровней”. Все последующее изложение будет представлять, по существу, попытку ответить на этот единственный вопрос. Постулировать единство этих понятий в рамках общей теории, их взаимную обусловленность и дополнительность, показать это в более или менее полном объеме возможно лишь на большом фактическом материале... Тот факт, что “структура” и “уровни” столь распространены в психологическом лексиконе, несет с собой и одну реальную угрозу в плане методологии научного познания. Термины эти стали настолько привычными, обыденными, что они подобно некоторым другим используемым в науке обозначениям, постепенно переходят из области мысли в область языка, становятся просто удобной формулой, штампом» [14, с.3]. Последние слова, на наш взгляд, не потеряли своей актуальности и сегодня, когда термины «структура», «уровни», «система», «парадигма» и мн. др. используются исключительно как дань уважения духу времени без понимания внутренней сложности лежащих за ними феноменов.

Несмотря на относительно небольшой объем работы М. С. Роговина, автор, помимо актуализации и констатации проблемы, предлагает и варианты ее развития и решения. Это выразилось, например,

в формулировке задач методологического анализа уровневой структуры. Автор пишет: «В число задач методологического анализа уровневой структуры входит фиксация некоторых специфических закономерностей диалектики развития – соотношения низшего и высшего, в том числе сохранения низшего в высшем, анализ энергетических и информационных связей различных уровней в пределах одной структуры, прослеживание включения низшего в высшее, интеграции различных уровней в целостную систему, их трансформации. В этой связи требуют специального анализа понятия максимального и оптимального (по отношению к более сложной структуре) уровня, а также понятия «снятия», подчиненности низшего по отношению к высшему и т. д.» [14, с.9]. Не вдаваясь далее в конкретное содержание способов решения обозначенных проблем, отметим, что в предложенном подходе отчетливо проявились позиции М. С. Роговина и как методолога и теоретика психологии, и как историка и философа психологии.

Вместе с внедрением в психологию идей структурализма, в работе мы знакомимся с методологическим обоснованием использования набирающих популярность в 60-70 гг. XX в. системных исследований для решения задач развития структурно-уровневого подхода. Соотнося идеи формирования последнего с общим направлением развития науки в XX в., М. С. Роговин обращает внимание на комплексный характер истории становления структурно-уровневого представления о предмете психологии. В частности, он указывает, что «структурно-уровневый подход развивается, постепенно превращается в теорию по мере того, как основным предметом психологии становится именно деятельность. Подтверждением этого положения может служить то хорошо известное в истории психологии обстоятельство, что осуществленная Э. Титченером попытка ввести понятие структуры именно как широкое теоретическое понятие общей психологии в рамках интроспекционизма оказалась явно преждевременной» [14, с.15]. Приведенный небольшой фрагмент еще раз позволяет нам проиллюстрировать, что М. С. Роговин подходил к решению актуальных проблем психологии с позиции их комплексного анализа – методологического и теоретического, сравнительно-исторического, конкретно прикладного.

Обратим особое внимание, что высказанные более 40 лет назад идеи системного, структурно-уровневого анализа предмета психологической науки не потеряли своей актуальности и сегодня. Они хорошо согласуются с современной трактовкой предмета психологии как внутреннего мира человека [16], с пониманием структуры способностей и одаренности [17, 18], системным анализом деятельности [2] и пр. Например, М. С. Роговин пишет: «Понятие системы необходимо включает в себя указание на характер внутренних связей, на силу и степень закономерности этих связей. Научный анализ выделяет поэтому особый род систем, обладающих не только высокой степенью закономерности их внутренней связи, их когерентности, но и функционирующих по иерархическому принципу, когда высшие уровни есть направляющие и регулирующие по отношению к низшим. Такие системы мы обозначаем как уровневые структуры» [14, с.74].

Вместе с использованием идей структурализма и системного подхода в разработке актуальных методологических проблем психологии, следует особо выделить роль исследований М. С. Роговина в развитии проблемы объяснения. Выход работы, посвященной структурно-уровневым теориям в психологии, совпал с активной разработкой в отечественном гуманитарном знании проблем эпистемологии и философии науки. По словам В. А. Лекторского «в середине 50-х гг. в советской философии происходит качественный перелом, явившийся важной составной частью сложного процесса десталинизации общества. Суть этого перелома, положившего начало новому этапу развития отечественной философии, кратко можно обозначить как возвращение философии к творческой разработке собственной проблематики. Следует, наверное, говорить даже о своеобразном ренессансе философской мысли» [4, с. 8]. Несмотря на сохранение доминирующей роли философии диалектического материализма, «ренессанс» советской философии проявился в активной разработке проблем эпистемологии научного знания. В этой связи, например, стала активно разрабатываться проблематика объяснения как функции научного знания. Наиболее характерным примером успешного философского анализа проблемы объяснения в науке стали исследования Е. П. Никитина [12]. Не вдаваясь в настоящий текст в достоинства и ограничения этого подхода (подробнее см. в [10]), отметим, что вряд ли представляется возможным его полноценное использование в психологической науке. Тем более, когда мы говорим о структурно-уровневом понимании предмета психологии, позволяющем более глубоко проникнуть в многообразие отношений и связей между уровнями психического.

Проблемы предмета и объяснения в психологии связаны самым тесным образом. Задавая предмет психологии, мы определяем таким образом пути его исследования, анализа, описания и объяснения. И наоборот, актуальное состояние теории объяснения в психологии создает возможности или ограничения в познании предмета. Современные исследования предмета психологии [9, 16] позволяют заключить, что структурно-уровневое представление о психическом является наиболее адекватным сложности предмета способом его объяснения. Именно ввиду этого работа М. С. Роговина представля-

ет особый интерес для разработки и решения проблемы предмета психологии. Так, он указывает, что «структура научного знания также имеет уровневый характер, поскольку она отражает структуру объекта, но она может в той или иной степени отличаться от его уровневой структуры. На этой основе, как показывает история науки, в ходе развития системных и структурно-уровневых понятий возникают и такие концепции, которые односторонне выделяют те или иные частные свойства структур или рассматривают системный и структурно-уровневый подходы как замену философского анализа, с чем нельзя согласиться» [14, с.74]. Говоря далее о том, что в процессе развития науки «уровневая структура объекта и уровневая структура отражающего ее научного знания становятся все более изоморфными», М. С. Роговин предвосхитил современные идеи о встраивании объяснения в уровневую структуру предмета психологии как внутреннего мира человека [9]. Такое понимание связи предмета и объяснения позволяет сегодня обратиться к продуктивному решению проблемы предмета психологии. Поясним нашу мысль.

Во-первых, уровневое представление о структуре предмета психологической науки позволяет представить психику как целостное образование, в котором компоненты взаимодействуют друг с другом и с целым. Во-вторых, понятия структуры и уровней задают имплицитную «сетку координат», присутствующую при объяснении того или иного конкретного психологического факта. В-третьих, уровни не аналогичны геометрически отмеряемым пространственным величинам, они есть некоторые вариативные диапазоны, не только меняющие свою «протяженность», но и характеризующиеся подвижными границами. В-четвертых, особое значение имеют конкретные формы проявления иерархических взаимоотношений между низшим и высшим уровнем. Взаимоотношения между уровнями в большой мере определяются тем, что высшие уровни служат в качестве направляющих и регулирующих, низшие – как ограничивающие или разрешающие по отношению к высшим. Включенные в общую структуру психического, иерархически соподчиненные уровни функционируют внутри ее в трансформированном виде. В-пятых, понятийный аппарат структурно-уровневой теории психики должен строиться на основе изучения деятельности человека в конкретных и многообразных формах ее реального проявления.

К сожалению, в рамках настоящего текста не представляется возможным более подробно осветить методологические, теоретические, исторические и многие другие результаты научного творчества М. С. Роговина. Однако и рассмотренные здесь идеи позволяют заключить, что он был действительно выдающимся отечественным психологом, выдающимся методологом и теоретиком науки. Необходимо обратить особое внимание, что результаты разработки им проблемы структурно-уровневого подхода в психологии не потеряли своей актуальности, они характеризуются высокой степенью значимости для решения множества современных методологических и теоретических проблем психологической науки.

Литература

1. Автономова Н. С. Структурализм // Новая философская энциклопедия. В. 4 тт. Т. 3. М.: Мысль, 2010. 692 с. С. 647-649.
2. Карпов А. В. Психология деятельности. В 5 тт. Т. 1. М.: Издательский дом РАО, 2015. 546 с.
3. Карпов А. В. Структурно-уровневая организация индивидуальных качеств личности // Ярославский психологический вестник. 2020. № 2(47). С. 6-13.
4. Лекторский В. А. От редактора // Как это было: воспоминания и размышления. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5-20.
5. Мазилев В. А. Михаил Семенович Роговин и методологические проблемы психологии // Проблемы психологии и эргономики. 2000. № 3. С. 36-39.
6. Мазилев В. А. Михаил Семенович Роговин – методолог психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 2. С. 103-113.
7. Мазилев В. А. Михаил Семенович Роговин: философ психологии // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 80-88.
8. Мазилев В. А. Последний титан: методологические работы М. С. Роговина (60-е годы XX столетия) // Медицинская психология в России. 2016. № 1 (36). URL: http://www.mprj.ru/archiv_global/2016_1_36/nomer01.php (дата обращения: 05.04.2021).
9. Мазилев В. А. Предмет психологии. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.
10. Мазилев В. А., Слепко Ю. Н. Объяснение в психологическом исследовании. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. 157 с.
11. Мазилев В. А. Слово о Михаиле Семеновиче Роговине // Ярославский психологический вестник. 2006. № 17. С. 146-151.
12. Никитин Е. П. Объяснение – функция науки. М.: Издательство «Наука», 1970. 280 с.
13. Роговин М. С. Введение в психологию. М.: Издательство «Высшая школа», 1969. 383 с.
14. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии (методологические основы). Ярославль: Ярославский государственный университет, 1977. 78 с.

15. Роговин М. С. Психологическое исследование. Ярославль: Ярославский государственный университет, 1979. 67 с.
16. Шадриков В. Д., Мазилев В. А. Общая психология: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 411 с.
17. Шадриков В. Д. Способности и одаренность человека. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2019. 274 с.
18. Шадриков В. Д. Духовные способности. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2020. 182 с.

Вспоминая Учителя...

Е. В. Карпова, г. Ярославль, Российская Федерация

Почти 50 лет назад судьба подарила мне встречу с человеком, который оказал огромное влияние на мое личностное развитие и профессиональное становление.

Михаил Семенович стал работать на факультете с 1973 года, и наш курс был первым, с которым он начал проводить занятия. В воспоминаниях остались замечательные лекции Михаила Семеновича по общей психологии, истории психологии, нейро- и патопсихологии. Помню самое первое занятие, когда Михаил Семенович доброжелательно и с неизменной улыбкой у нас, у первокурсников, спросил, какие у нас есть учебники по психологии. У меня (кажется у одной из всех) лежал учебник «Военная психология» – толстая, в синей обложке книга, которую мне подарил отец. Я ей очень гордилась, поскольку в то время книги по психологии были большой редкостью. Михаил Семенович взял учебник в руки и выразился в том смысле, что есть и другие, на что я ответила: «А мне нравится!», что вызвало его улыбку.

Тетради с лекциями Михаила Семеновича сохранились у меня до сих пор. Всегда было, может быть, неосознанное понимание большой их ценности. И когда я перечитывала его лекции по патопсихологии, разрабатывая уже свой курс «Патопсихология с основами детской психиатрии», то испытала удивление – прошло столько лет, очень многое изменилось, а содержание лекций осталось не просто актуальным – идеи, которые в них содержались, далеко превосходили свое время. Была поражена глубиной содержания тем и, как сейчас принято говорить, «наличием авторской позиции».

Вспоминается и манера чтения лекций Михаила Семеновича – это были лекции-размышления. Михаил Семенович никогда не стоял за кафедрой, не пользовался какими-либо записями. Слушать его было интересно, он мог сложные вещи объяснить доступным языком.

Совершенно особым было его отношение к студентам. Наверное, главное, как мне кажется, это то, что мы были ему интересны. Михаил Семенович относился к нам с теплотой, хотя, наверное, мы вызывали у него улыбку своей наивностью и непосредственностью. Думаю, он видел главное – наше желание знать (это была отличительная черта студентов первых выпусков) и очень хорошо понимал нас, был естественным и доступным в своем поведении, общении, уважителен к студентам. Помню, на перемене студент младшего курса остановил Михаила Семеновича прямо на лестнице и стал выяснять, чем отличаются темперамент и характер, и Михаил Семенович серьезно и терпеливо ему объяснял.

Экзамены Михаил Семенович принимал «без билетов», а просто задавал вопросы по дисциплине. Помню, на экзамене истории психологии, сложному (и который, как считал Михаил Семенович, целесообразно было бы изучать на 4, а не на 3 курсе), он с неизменной улыбкой и доброжелательностью сказал: «А ты, Елена, проследи линию сенсуалистов и рационалистов по всей истории психологии». И уже вдогонку, когда, я, озабоченная объемом вопроса, шла к столу – «Да, и еще про древних греков расскажи». Вспоминаю также, что пока студенты готовились к экзамену, Михаил Семенович читал книги. Это были книги на иностранном языке, но однажды я видела толстый фолиант на немецком языке с готическим шрифтом, что произвело на меня большое впечатление. Еще мне кажется, что студенты как-то по-особенному готовились к экзамену Михаила Семеновича – не просто, чтобы сдать экзамен или получить хорошую отметку – нам стыдно было не знать.

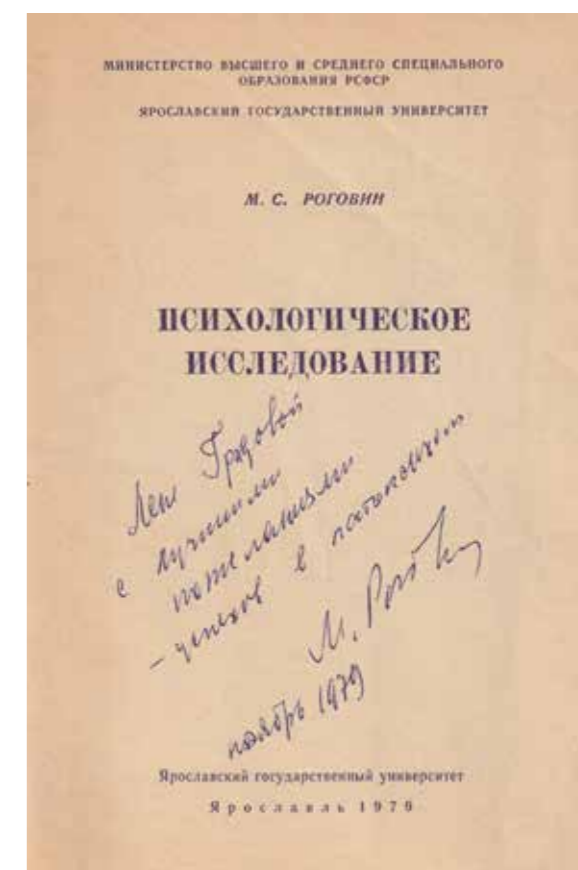
Спустя год после окончания университета (я тогда работала в другом городе) раздался звонок и сказали, чтобы я приезжала на кафедру, на встречу с Михаилом Семеновичем. Я была в полном недоумении и даже не предполагала, что эта встреча изменит мою жизнь. Помню дословно его фразу: «Елена, решились сделать из тебя кандидата наук, подавай документы в аспирантуру». Тема кандидатской диссертации, защита которой состоялась в МГУ, – «Изменения субъективного времени в случаях психиче-

ской патологии». В диссертации установлено не только как изменяются основные законы восприятия времени в случаях психической патологии (была описана их специфика при различных заболеваниях, что имеет большое диагностическое значение), но и раскрыто уровневое понимание проблемы субъективного времени. Оно изложено в статье, опубликованной нами с Михаилом Семеновичем в журнале «Вопросы психологии» в 1985 году (статья представлена и в этом номере журнала). Конечно, эти идеи могли быть реализованы и развиты в дальнейшем (сразу после защиты Е. Д. Хомская от лица кафедры нейро- и патопсихологии сделала предложение о сотрудничестве в разработке данной темы). Однако в силу различных обстоятельств мои научные интересы сместились в область мотивации учебной деятельности, и ей была посвящена докторская диссертация «Структура и генезис мотивационной сферы личности в учебной деятельности». В ней уже в полной мере были использованы идеи структурно-уровневого подхода, сформулированные Михаилом Семеновичем. И когда я смотрю на его автограф в книге «Психологические исследования», то смею надеяться, что его пожелания мне хотя бы частично сбылись....

Очевидно, что чем старше мы становимся, тем лучше начинаем все понимать и оценивать. Михаил Семенович во многом опередил свое время. Его идеи не всем были понятны при его жизни и не всеми приняты, но жизнь расставила все на свои места.

Михаил Семенович был не просто человеком энциклопедических знаний, высокой культуры, интеллигентом в самом истинном значении этого слова. В первую очередь, для меня Михаил Семенович – настоящий ученый, а это всегда – масштаб личности. Наверное, неуместно употреблять слово «идеал», но в моем понимании Михаил Семенович был олицетворением того, как должно делать, к чему стремиться; он научил меня делать все по-настоящему. Зная мой перфекционизм и ответственность и, соответственно, тревожность (успею ли?), часто повторял фразу: «Делай быстро, но не спеша». Михаил Семенович всем и всему знал цену и был точен в своих оценках людей и событий, глубоко все видел. Был человеком с твердым и независимым характером и непростой судьбой, и еще – с большим чувством юмора.

Все, кто учился у Михаила Семеновича, помнят его и благодарны ему. Он задал всем нам ту планку личностного и профессионального роста, к которой нужно стремиться всю жизнь. И не растерять те настоящие и главные ценности, которые он передал нам и примером своей жизни – жизни поколения, прошедшего Великую Отечественную войну, и примером научной жизни, которой он был искренне и по-настоящему предан.

Книга М. С. Роговина «Психологические исследования», подаренная им и подписанная аспирантке Е. В. Карповой (Градовой) в 1979 году

100 лет света

В. В. Козлов, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. В статье автором излагаются воспоминания о юбиляре – профессоре М. С. Роговине. Особая роль отведена влиянию на научную судьбу автора статьи личности юбиляра не только как ученого, но и как учителя жизни.

Ключевые слова: Учитель, психология, наука, философия, методология, интеграция, сознание

В жизни человека самой большой удачей является встреча со своими Учителями Света, которые не только раскрывают просторы развития, но и определяют векторы целей и смыслов. В моей университетской жизни я встретил своих Учителей, которые определили основные лейтмотивы, смыслы, настроения, главные предметные темы, идейные и эмоциональные тональности самореализации. Это Александр Моисеевич Пятигорский, 5 лекций по буддизму которого я прослушал на втором курсе, и он поразил мое воображение масштабом своего мышления и творческой новизной в понимании предмета. Встреча со вторым Учителем произошла на третьем курсе – профессором Михаилом Семеновичем Роговиным. На пятом курсе я познакомился с профессором Новиковым Виктором Васильевичем.

Когда мы говорим или пишем об Учителе с большой буквы, то у нас есть внутреннее убеждение в том, что наши рассуждения предметны – существует особый феномен Личности. Она (личность) имеет свои особенности, свой способ жизни, свойства, качества.

Учитель является особым способом описания мира, центрированным на ретрансляции этого способа на сознание, мышление, мировоззрение своих учеников.

Он активен, т. к. только в проявлении он может существовать.

Он всегда социален и коммуникативен потому, что он не может реализоваться по-другому.

Учитель является особым образцом и критерием в развитии личности и сознания учеников.

Учитель является особой деятельностью, опредмеченной в ученике, в формировании его сознания как уникального пространства знаний, умений, навыков.

В связи с этим особую значимость приобретают эталоны этой личности, которая проявляется через лучшие человеческие качества, как духовного наставника, хранителя основных экзистенциальных ценностей человеческой цивилизации.

К великому сожалению, не каждому человеку открывается мир настоящего Учителя. Дело не столько в том, что глаза не так смотрят или они закрыты. Основная проблема в том, что Учителей мало. Учитель от педагога отличается тем, что транслирует особые психодуховные состояния. Если преподавателю вуза или учителю школы повезло – то он великолепно знает это состояние, когда тексты рождаются из сердца, мысли свободно текут и столько в них силы, простоты, доступности, емкости, одновременно красоты и изысканности, что дух захватывает. Учитель отличается тем, что у любого человека, встречающегося с ним, при всех честолюбивых амбициях возникает трогательное желание стать учеником.

Мне особенно повезло в жизни – я встретил в жизни Учителей особой, поразительной силы, мощи, одухотворенности, красоты мышления и понимания, сопереживания и поддержки. Они являются для меня и многих их учеников образцом человечности и скромной мудрости.

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения М. С. Роговину (1921–1993) известному отечественному психологу, доктору психологических наук, профессору. Мне никогда не приходилось писать о М. С. Роговине как о психологе, давать характеристику его исследований. В этом преуспел мой друг профессор В. А. Мазилев [7-10], который считает его методологом и ярким представителем философии психологии.

Михаил Семенович Роговин родился 27 октября 1921 года в Москве в семье известного переводчика и философа С. М. Роговина. Поступил на механико-математический факультет Московского государственного университета. Был призван в армию, прошел Великую Отечественную войну, участвовал в войне с Японией. Был командиром экипажа танка, затем, после ранения, – инструктором, военным переводчиком. После войны М. С. Роговин окончил Военный институт иностранных языков, поступил в

аспирантуру по психологии в МГИИЯ к В. А. Артемову. В 1956 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблема понимания». В конце пятидесятых – начале шестидесятых годов работал в фундаментальной библиотеке по общественным наукам АН СССР. В шестидесятых годах М. С. Роговин работал на кафедре психологии МГПИ им. В. И. Ленина. В семидесятых и восьмидесятых был профессором на факультете психологии Ярославского государственного университета. В последние годы жизни был заведующим кафедрой психологии в Московском государственном лингвистическом университете. За это время им были написаны и опубликованы книги и учебные пособия: «Введение в психологию» (1969), «Философские проблемы теории памяти» (1966), «Проблемы теории памяти» (1977), «Психологическое исследование» (1979), «Структурно-уровневые теории в психологии» (1977), «Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования» (1988, в соавторстве), «Исследование отрицания в практической и познавательной деятельности» (1985, в соавторстве), «Основы исследования в акциональных науках» (1993, в соавторстве) и другие. Всего им было опубликовано около трехсот пятидесяти работ.

Когда в 1978-ом году я поступил на отделение психологии ЯрГУ (факультет в те времена назывался биологии и психологии), профессоров было мало. На первом курсе нам читал лекции профессор Владимир Дмитриевич Шадриков, но всего один семестр. Во время учебы на младших курсах мы знали о Михаиле Семеновиче, но познакомилась плотно только на третьем курсе, когда он нам начал читать курс по истории психологии и нейропсихологии, а затем патопсихологии.

Слушая его лекции, мы поражались его потрясающей эрудиции, широчайшему кругозору, глубоким знаниям истории философии и психологии. Он блестяще владел английским, немецким, французским, испанским языками. Во многих отношениях Михаил Семенович был образцовым ученым, классическим профессором.

Автор данной статьи увлечен буддизмом последние тридцать с лишним лет. Глубокий интерес к проблемным полям этой индийской философско-психологической и религиозной системы начался еще в студенческие времена в 1980 году. После текстов Пятигорского в силу своей молодости и узости представлений о знаниях я думал, что представляю психологию буддизма.

Во время курса «История психологии» М. С. Роговин объявил, что во время семинарских занятий мы можем прочитать доклад по теме, которая нас больше всего интересует. Я взял тему доклада «Психологические аспекты буддизма».

Студентам давали на семинарском занятии 10 минут на доклад. Мне явно не хватало времени и я попросил 15 минут для доклада. Через неделю подготовки я понял, что и 15 минут мало, и я еще раз встретился с профессором Роговиным и попросил 20 минут. При этой встрече Михаил Семенович мне сказал: «Тема очень интересная, если готов, то мне бы хотелось предложить выступить перед всем курсом с докладом в начале лекции по нейропсихологии». От этого предложения я почувствовал некоторую тревогу, но армейская привычка «приказы старшего по званию не обсуждаются, но выполняются» была еще живы внутри и я согласился.

Конечно, доклад я прочитал и при этом, заняв целый час лекции профессора. Мне задавали вопросы, и я отвечал и был доволен.

Следующий час своей лекции профессор Роговин посвятил жесткой многосторонней критике моего доклада. Доклад был разбит в пух и прах. Таким серьезным и суровым мы его не знали. У меня возник страх, что учеба моя в университета закончилась. Когда мои опасения не оправдались, вспомнил, что надо будет сдать экзамены и зачеты профессору. Дальше он ко мне относился положительно и даже уважительно. Все зачеты и экзамены сдал хорошо и легко.

После завершения университета мы встречались в основном в центре города, когда он гулял по Первомайскому бульвару.

Но только через 7 лет, когда я уже преподавал в Ярославском педагогическом институте им. К. Д. Ушинского, я осмелился спросить Михаила Семеновича, почему он так сильно критиковал мой доклад.

Он ответил, что доклад ему очень понравился, но он был не только субъективно-идеалистическим, опирался только на мифологическое мистическое мышление, но и не имел научного материалистического психологического обоснования.

Он добавил: «Суть не в том, насколько мне понравился доклад. Я не мог не критиковать твой доклад, поскольку я, как преподаватель, должен был мыслить его из научных принципов. Место у меня такое».

В тот момент, уже постигающий смысл «места», понял глубинную мудрость профессора Михаила Семеновича Роговина.

То, что доклад мой понравился Михаилу Семеновичу, был главным аргументом, чтобы продолжить свои изыскания в теории и методе буддийской философии и психологии. Автор проводил ритриты во

многих странах, в которых буддизм значим как религиозная система (Таиланд, Лаос, Бирма, Вьетнам, Малайзия, Монголия, Индонезия, Китай, Шри-Ланка, Непал, Республика Бурятия (Российская Федерация)). Результатом были монографии и статьи по буддийской психологии [1-5].

М. С. Роговин был прозорлив и еще в конце 60-х годов писал об опасности сепарации в психологии и необходимость интеграции.

В своей докторской диссертации «Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории» он пишет: «Прослеживание исторически изменчивого содержания основных психологических и патопсихологических понятий позволяет в известной мере преодолеть традиционное представление о психологии как совокупности изолированных и застывших «сущностей», функций и перейти к пониманию ее как сложной многоуровневой системы знаний, динамика которых определена целым рядом «внешних» и «внутренних» факторов (обусловленность логической структуры психологии ее историческим развитием как сменой донаучного, философского и научного этапов ее развития и соотношением их как характеристикой любого хронологически фиксируемого периода, в том числе и современного ее состояния; дифференциация и интеграция областей психологического исследования; взаимосвязь и взаимовлияния психологии и смежных наук, эволюция метода и связанная с этим дифференциация содержания понятий; интеграция понятий в объяснительные схемы)» [10]. В диссертации дается подробный анализ процессов в психологии, показано, что «несмотря на все большую дифференциацию отдельных областей психологического исследования, параллельно с нею развивается и обратный процесс – процесс установления связей между отдельными областями психологии» [10].

В монографии, которая является обобщением докторской диссертации, он указывает: «Основная опасность заключается в том, что разрываются внутренние связи между отдельными областями психологии, утрачивается единство предмета и его понимания» [11].

Для сохранения этого единства психологии мы предложили интегративную парадигму, которая предполагает максимальное использование возможностей диалога с представителями всех пяти направлений психологии, позволяющего расширить представления о подходах и исследовательских методологиях, применяемых к изучению психической реальности.

Этот диалог предполагает включение механизмов идентификации, эмпатии и рефлексии как условий понимания представителей всех пяти волн психологии и налаживания продуктивного взаимодействия между ними, подчиненное общей цели, – углублению представлений о сути психического, нахождения путей и способов сотрудничества.

Вместо того чтобы рассматривать физиологическую психологию, психоанализ, бихевиоризм, экзистенциально-гуманистическую и трансперсональную психологию как подходы конкурирующие, мы можем рассматривать их как взаимодополняющие пути получения новых открытий о человеке, каждый из которых потенциально информативен для другого.

Стратегия интегративной психологии – постижение природы человека через сопровождаемое критической рефлексией интегрирование, синтез различных традиций, подходов, логик, диагностического и психотехнического инструментария, при сохранении их автономии в последующем развитии. Суть ее заключается в многоплотностном, многомерном, многоуровневом, разновекторном анализе, создающем возможность качественно иного исследования, предполагающего включение в плоскость анализа аспектов множественности, диалогичности, многомерности психического феномена [6].

Заклячая настоящую статью, хочется произнести слова глубокой и искренней благодарности настоящему Учителю и мудрецу, энциклопедисту и философу психологии – профессору Михаилу Семеновичу Роговину.

Думаю, что все, кто встречался с профессором Роговиным, помнят его глаза, они всегда светились внутренней улыбкой, и он всегда был готов помочь словом и делом.

Есть светлые люди.

И Михаил Семенович уже 100 лет светит на этой Земле своей энергией жизни.

Когда мы учились, мы только догадывались, что имеем счастье общаться с человеком такого масштаба.

А сейчас мы уже знаем.

Литература

1. Психология буддизма. М.: Институт консультирования и системных решений, 2011. 200 с.
2. Козлов В. В. Психология буддизма. Четвертое колесо дхармы. Вологда: Древности Севера, 2016. 296 с.

3. Козлов В. В. Психология дзэн-буддизма. Ярославль, МАПН, 2019. 138 с.
4. Козлов В. В. Современная психология и буддизм // Ярославский психологический вестник. В.3. М-Ярославль: Изд-во ЯРО РПО, 2000.
5. Козлов В. В. Природа сознания в буддийской психологии и европейское психологическое понимание восприятия // Проблемы психологии и эргономики. В.3 Тверь-Ярославль: Изд-во ООО «Губернская Медицина», 2000.
6. Козлов В. В. Интегративная психология: Пути духовного поиска или освящение повседневности. М.: Психотерапия, 2007. 528 с.
7. Мазилов В. А. Михаил Семенович Роговин и методологические проблемы психологии // Проблемы психологии и эргономики. № 3, 2000. С. 36-39.
8. Мазилов В. А. Михаил Семенович Роговин – методолог психологии // Методология и история психологии: науч. журнал. Т. 1, Вып. 2, 2006. – С. 103-113.
9. Мазилов В. А. Михаил Семенович Роговин: философ психологии // Сибирский психологический журнал. № 40, 2001. С. 80-88.
10. Роговин М. С. Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории ... автореф. дис. докт. пед. наук. М., 1968. 28 с.
11. Роговин М. С. Введение в психологию. М., 1969. 381 с.

К 75-летию Великой Победы. Михаил Семенович Роговин¹⁰

А. А. Карпов, г. Ярославль, Российская Федерация

В 2020 году отмечался 75-летний Юбилей Победы в Великой Отечественной войне. Главный праздник для нашей страны, священнейшая дата в истории нашей Родины – это и знаменательный повод вспомнить героев-освободителей, тружеников тыла и всех сограждан, благодаря подвигу которых было низвергнуто самое страшное зло в истории человечества, поклониться им. Наш святой долг также – отдать дань памяти, разумеется, нашим родственникам и близким людям. В истории Ярославской психологической школы и факультета психологии Демидовского университета оставил яркий след известный отечественный психолог, видный ученый, фронтовик, талантливый педагог и просто замечательный человек – доктор психологических наук, профессор Михаил Семенович Роговин.

Михаил Семенович Роговин родился 27 октября 1921 г. в Москве в семье приват-доцента Московского государственного университета известного философа и переводчика Семена Мироновича Роговина. М. С. Роговин поступил на механико-математический факультет МГУ. Вскоре началась Великая Отечественная война, и Михаил Семенович прямо со студенческой скамьи в 1942 году был направлен на службу в танковые части. Армии он отдал 14 лет жизни, прошел всю войну, принимал участие в боях под Москвой и Смоленском, в освобождении Венгрии и Чехословакии, а также в войне против Японии. Был командиром танка. Затем, после ранения был назначен инструктором и военным переводчиком. Награжден двумя орденами и многими медалями.

По воспоминаниям Г. В. Залевского Михаил Семенович «был несколько раз ранен, горел в танке, выжил благодаря тому, как он мне рассказывал, что «когда во время какой-либо паники все бежали в одну сторону, я бежал в другую сторону». Это было сказано как бы в шутку, но в этой шутке – большая доля правды в том смысле, что Михаил Семенович был человеком очень свободолюбивым, независимым, не терпел диктата, предпочитал делать в жизни свой выбор. Таким он был и в науке».

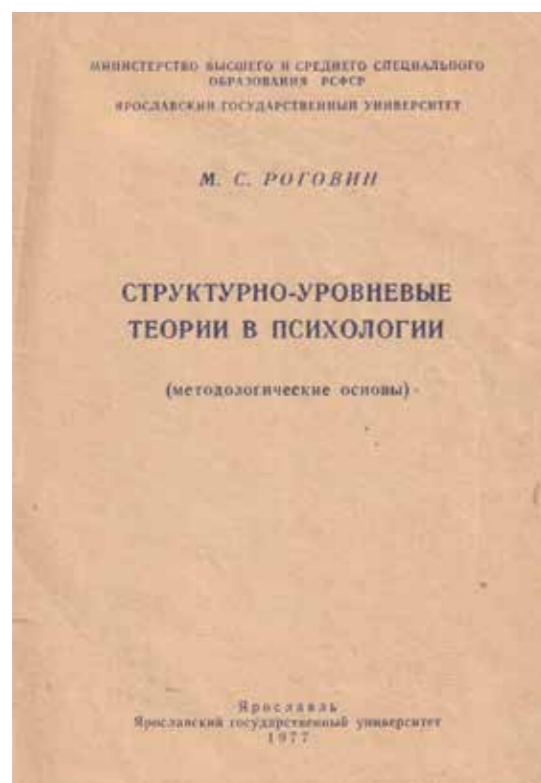
После войны М. С. Роговин окончил два факультета Военного института иностранных языков, поступил в аспирантуру в МГИИЯ. В 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию «Проблема понимания». В конце 1950-х – начале 1960-х работал в фундаментальной библиотеке по общественным наукам АН СССР, преподавал на кафедре психологии МГПИ им. В. И. Ленина; в 1970-80-х гг. был профессором на факультете психологии Ярославского государственного университета. В последние годы жизни Михаил Семенович заведовал кафедрой психологии в Московском государственном лингвистическом университете. В 1968 г. он успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории».

¹⁰ Библиографическая справка публикации: «Карпов А. А. К 75-летию Великой Победы. Михаил Семенович Роговин // Ярославский психологический вестник. № 2 (47), 2020. С. 113-114».

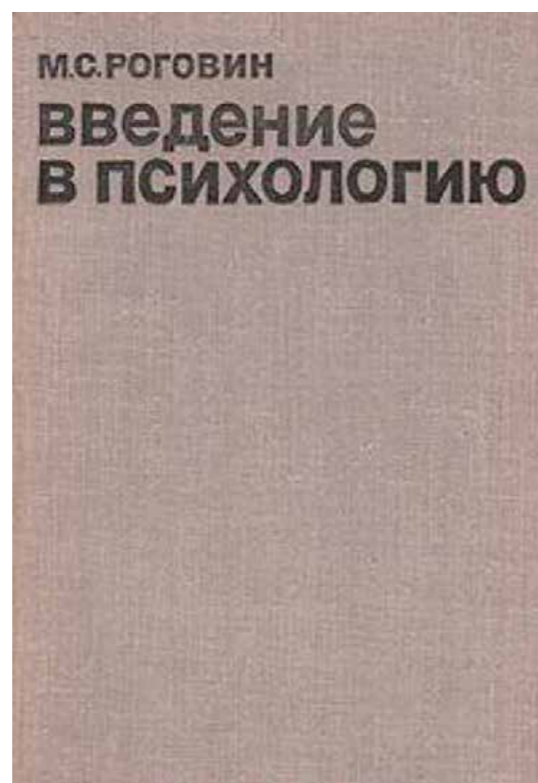
Вместе с тем, особый период работы Михаила Семеновича связан с факультетом психологии Демидовского университета. Ему он отдал почти 20 лет своей жизни и внес значительный вклад в становление факультета и нашей научной школы в целом. Он пришел на факультет, будучи уже крупным ученым, и всегда был для коллег высочайшим авторитетом. К нему часто обращались за советом, за консультацией по самым различным психологическим проблемам и всегда получали помощь, поскольку в знании психологической литературы, особенно зарубежной, ему не было равных. Профессиональный переводчик, он свободно читал на английском, немецком и французском языках, много времени проводил в читальных залах, следил за книжными новинками и имел прекрасную личную библиотеку. Кроме того, Михаил Семенович оказал неоценимую помощь в формировании библиотечного фонда ЯрГУ психологической литературой.

М. С. Роговиным опубликовано более 350 научных работ по проблемам военной психологии, истории психологии, философским вопросам психологии, методологии психологии, психологии познавательных процессов, патопсихологии, среди них монографии и учебные пособия: «Введение в психологию» (1969), «Философские проблемы теории памяти» (1966), «Проблемы теории памяти» (1977), «Структурно-уровневые теории в психологии» (1977), «Психологическое исследование» (1979), «Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования» (1988, в соавторстве), «Исследование отрицания в практической и познавательной деятельности» (1985, в соавторстве), «Основы исследования в акциональных науках» (1993, в соавторстве) и другие.

Михаил Семенович Роговин – замечательный ученый, прославленный ветеран Великой Отечественной Войны, прекрасный педагог, уважаемый и любимый коллегами и студентами человек. Таким он навсегда остался в памяти ярославских психологов. Его портрет размещен в главном стенде Музея факультета психологии Ярославского государственного университета на самом верхнем ряду бок о бок с портретами основателей Ярославской психологической школы.

Учебное пособие для студентов психологического факультета «Структурно-уровневые теории в психологии» М. С. Роговина, 1977 г.

Один из главных и наиболее известных трудов М. С. Роговина «Введение в психологию», вышедший в свет в 1969 г.

«Все в моей жизни так складывалось, чтобы я обязательно стал психологом»: несколько штрихов к портрету Г. В. Залевского¹¹

В. А. Мазилев, г. Ярославль, Российская Федерация

Предисловие

Михаил Семенович Роговин (1921–1993), столетию со дня рождения которого посвящен настоящий номер журнала, был уникальной личностью, со своим неповторимым мировосприятием, уникальным видением процессов, происходивших в философии, в науке, в жизни, уникальным личным вкладом в развитие психологической науки. Вероятно, по этой причине он воспринимается как совершенно «отдельное» явление в мировой психологической науке, фигура «вне школ и систем». Как точно сказано гениальным поэтом о другом поэтическом гении:

«Прославленный не по программе
И вечный вне школ и систем,
Он не изготовлен руками
И нам не навязан никем».

Однако, будучи выдающимся ученым, М. С. Роговин создал свою самобытную научную школу. Учеников он выбирал придирчиво, далеко не каждый мог стать. В числе первых учеников М. С. Роговина были Г. В. Залевский, А. В. Соловьев, Л. П. Урванцев, И. Н. Козлова, П. С. Желеско... Это «московский» набор, когда М. С. Роговин работал в Московском государственном педагогическом институте имени В.И.Ленина. Потом пришел черед «ярославского» набора, когда его аспирантами становились уже выпускники Ярославского государственного университета, среди которых Н. И. Курочкин, Л. М. Иванов, Е. В. Карпова, А. Э. Симановский...

Среди его непосредственных учеников, бывших аспирантов много докторов наук, известных в психологии специалистов.

Но первым его учеником безусловно был Г. В. Залевский, будущий член-корреспондент РАО, выдающийся ученый, основатель и многолетний редактор известного психологического журнала, создатель школы научной психологии в Томске...

Публикуемая ниже статья посвящена жизни и деятельности самого первого ученика Михаила Семеновича Роговина – Генриха Владиславовича Залевского.

8 января 2021 года Генрих Владиславович Залевский ушел из жизни. Ушел в расцвете сил, полный творческих планов. Очень трудно представить, что Генрих Владиславович ушел... Коварный вирус не щадит никого...

М. С. Роговин и Г. В. Залевский, Тартуский университет, 1971 г.

¹¹ Библиографическая справка публикации: «Мазилев В. А. "Все в моей жизни так складывалось, чтобы я обязательно стал психологом": несколько штрихов к портрету Г. В. Залевского // Методология и история психологии. Вып. 1, 2018. С. 207-217.

Генрих Владиславович Залевский (1938-2021) – известный отечественный ученый-психолог, организатор науки, педагог, преподаватель, главный редактор авторитетного научного журнала, председатель диссертационных советов, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Г. В. Залевский. Его труды широко известны и пользуются большой и заслуженной популярностью.

Остается лишь отметить, что Г. В. Залевский через всю свою жизнь пронес любовь и уважение к своему Учителю.

Говоря о творчестве Г. В. Залевского и подчеркивая, что у него множество достижений в самых разных областях и сферах научной психологии (смотри в статье, публикуемой ниже), нельзя не отметить вместе с тем и потрясающей, удивительной целостности его научного творчества. Для исследований Г. В. Залевского было характерно, что в течение полувека (начата эта работа была в 1971 году) творчество ученого было посвящено анализу центральной для него проблемы – исследованию фиксированных форм поведения, проявляющихся на уровне индивидуальных систем (отдельного человека) и групповых систем (семьи, профессиональных сообществ и организаций, этноса и общества в целом, государства), проявляемых в культурном и транскультурном пространстве, образовании, науке, психологической практике, в норме и патологии, вскрытию их природы на основе литературных данных и собственных многолетних экспериментально-психологических исследований. Результаты многолетних экспериментально-психологических исследований, подчиненных единой тематике, проводимых в течение полувека, впечатляют. На протяжении десятилетий автором проводились систематические исследования по проблеме (на уровне отдельной личности, различных общностей, общества и государства), в различных сферах (в образовании, науке, психологической практике, в культурном и транскультурном пространстве), в норме и патологии и т. д., что позволило автору сформулировать обобщающую теорию фиксированных форм поведения.

Попутно автор решал методологические, историко-психологические проблемы, методические и психолого-организационные вопросы, возникающие по мере продвижения его исследования. В результате возникла обобщающая концепция – «Био-психо-социо-ноэтическая (духовно-нравственная) модель (целостно-ценностная парадигма) «Восхождение к личности»», творчески развивающая идеи структурно-уровневого подхода, разработавшегося его учителем М. С. Роговиным в 1970-х гг.

Многолетние научные исследования позволили автору не ограничиваться построением теорий (что само по себе является выдающимся научным достижением), но и приступить и затем успешно осуществить практический анализ и на его основе разработать технологии коррекции фиксированных форм поведения. Разработанные Г. В. Залевским психологические практики позволяют успешно помогать людям с различными (химическими и нехимическими) аддикциями. Реализация разработанных практик позволила Г. В. Залевскому создать систему психолого-педагогической супервизии в образовании как средства профилактики и коррекции фиксированных форм поведения.

Исследования Г. В. Залевского продолжают его учениками в разных регионах России. Можно смело констатировать, что научная школа М. С. Роговина – Г. В. Залевского живет и развивается.

Генрих Владиславович Залевский – известный отечественный ученый-психолог, организатор науки, педагог, преподаватель, главный редактор авторитетного журнала, председатель двух диссертационных советов, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Его труды широко известны и пользуются большой и заслуженной популярностью.

Сфера научных интересов Г. В. Залевского и, соответственно, диапазон научного вклада в психологию чрезвычайно широки и многоплановы. Возникает устойчивое впечатление, что такое количество свершений по силам крупному научному подразделению, например, исследовательскому институту. Перечислим лишь некоторые направления многогранной научно-исследовательской деятельности

Г. В. Залевский – известный специалист в области методологии психологической науки. Его перу принадлежит знаменитая работа 1988 года, ставшая классической, написанная в соавторстве с его учителем М. С. Роговиным, посвященная теории психологического и психопатологического исследования (Роговин, Залевский, 1988). По этой многих психологических факультетов постигали премудрости методологии психологии, фрагменты ее разошлись по психологическим хрестоматиям. Обратим внимание на некоторые важные идеи, содержащиеся в книге.

М. С. Роговин и Г. В. Залевский выделяют три вида психологического знания. Первый вид – знание о психических процессах и индивидуальных особенностях, которое есть «предметное знание». Вторым видом – знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике – «знание методологическое». Третий вид знания –

«знание историческое», в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии в каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе (Роговин, Залевский, 1988 с. 8).

Другой чрезвычайно важный методологический сюжет, рассмотренный в упомянутой книге, касается классификации методов психологии. Авторами была предложена классификация методов, альтернативная ананьевской. Авторы рассматривают метод «как выражение некоторых основных соотношений между субъектом и объектом в процессе познания» (там же, с. 72). Общее число методов, согласно М. С. Роговину и Г. В. Залевскому, может быть сведено к шести основным. Первый – герменевтический метод, который генетически соответствует нерасчлененному состоянию наук. В нем субъект и объект познания не противопоставлены резко, в единстве функционируют мыслительные операции и метод, здесь познавательная деятельность регламентируется правилами языка и логики. Вторым – биографический, выделение целостного объекта познания наук о психике. Третий – наблюдение, дифференциация субъекта и объекта познания. Четвертый – самонаблюдение, на основе развитого внешнего наблюдения, уже имевшей место дифференциации, превращение субъекта в объект, их слияние. Пятый – клинический. В клиническом методе субъектно-объектные отношения как таковые отходят на второй план, а на первый план выступает задача перехода от внешне наблюдаемого к внутренним механизмам психического. Шестым – метод эксперимента, при котором имеет место изоляция отдельных переменных, целенаправленное манипулирование ими для наиболее рационального познания каузальных связей. В методе эксперимента субъект познания не только с максимальной активностью противостоит объекту, но и учитывается роль субъекта в процессе познания, оценивается достоверность выдвигаемых им гипотез (там же, с. 72-73).

В этой же работе (она переиздана в 1-м томе «Избранных трудов в шести томах» (Залевский, 2013, т. 1)) дается авторская трактовка соотношения психопатологического и психологического исследования, предлагается решение фундаментальных методологических вопросов клинической и медицинской психологии.

Методологические изыскания были продолжены Г. В. Залевским в его замечательных работах, посвященных проблемам понимания и объяснения – важнейшим феноменам психологической науки, исследовать которые отваживаются лишь немногие ученые (Залевский, 2008а; 2013, т. 1, с. 215–244, и др.). Внимание к изучению этих вопросов было привлечено работами М. С. Роговина, ученик выступает достойным продолжателем дела своего учителя. «Объяснение имеет структурно-уровневое строение не случайно, но это есть экстраполяция на самый процесс исследования внутренней логической структуры предмета психологии. В результате проведенных исследований мы, следуя таким мыслителям, как Аристотель, Х. Джексон, П. Жане и Н. А. Бернштейн, пришли к заключению о возможности объяснять закономерности многих видов деятельности их структурно-уровневой организацией. Под последней имеется в виду идеализированное соотношение целей и средств деятельности, когда уровень цели выступает как высший, т.е. направляющий и регулирующий, а средства образуют иерархическую структуру, подчиненную этому уровню цели. Совершаемые человеком (в психологическом исследовании – испытуемым) действия осуществляются в рамках этой структуры, но вместе с тем они образуют и иную – уже динамическую, в нашей терминологии акциональную структуру (от франц. action – действие)» (Залевский, 2013, т. 1, с. 215). Структурно-уровневая методология, как представляется, тот подход, который далеко не исчерпал свой потенциал и имеет большие перспективы именно как методологический подход.

В недавних работах, включенных в первый том избранных трудов, Г. В. Залевский фактически выходит за рамки традиционной методологии и пишет труды по философии психологии – той области знания, которая остро необходима, но еще только складывается в нашей стране. Как можно видеть, Залевский один из пионеров в разработке этой области психологического знания. «От иррического к ноэтическому и обратно – это путешествие в поисках предмета психологии – некоей психологической реальности, сущности этой реальности, а также путешествие в поисках человеком самого себя» (там же, с. 258) – как легко убедиться, здесь Генрих Владиславович уже выступает как трансперсональный психолог.

Другая ипостась научного творчества Генриха Владиславовича – история психологии. Здесь требуются определенные комментарии. История психологии очень коварная научная область, требующая от пишущего досконального знания. Иначе очень легко перейти к оперированию ярлыками, штампами, клише, которые упрощают и искажают историческую картину исследования многомерного психического, делая ее плоской и карикатурной. Впрочем, приведем одну цитату из произведения юбиляра: «Многие молодые стажеры и аспиранты очень стремились попасть к Михаилу Семеновичу в аспиранты, но из того их поколения я ему приглянулся, наверное, еще и потому, что я тоже владел на то время не-

мецким и английским языками, а это было несомненным моим преимуществом в плане возможности узнать мировую психологию, так сказать, из первых уст, из знакомства с оригиналами психологической классики и современной зарубежной психологической литературы» (Залевский, 2013, т. 6, с. 35). Именно это сочетание знания языков и широчайшей эрудиции автора, стремления «узнать из первых уст, из знакомства с оригиналами психологической классики и современной зарубежной психологической литературы» и научной скрупулезности делает историко-психологические изыскания Г. В. Залевского столь притягательными и значимыми. Отметим, что, как ни удивительно, по истории клинической психологии очень мало работ, и в этой области Г. В. Залевский является пионером-первопроходцем (Залевский, 1999; 2006б и др.).

Только очень эрудированный и подготовленный человек может выступать автором многоязычных психологических словарей. Г. В. Залевский – редкий автор, переводчик и редактор двуязычных немецко-русского, французско-русского и многоязычного русско-англо-немецкого психологических словарей (Залевский, 2004; 2013, т. 5 и др.). Интеграция – несомненная ценность в современной психологии, Г. В. Залевский, с моей точки зрения, является ярким представителем идеи интегративности в современной психологии.

Конечно, центральное звено научного творчества Г. В. Залевского – это различные аспекты клинической психологии. Он признанный лидер, автор широко известных и популярных теорий бихевиорально-когнитивной терапии, фиксированных форм поведения в норме и патологии, теории супервизорства в психотерапии, работ по психогигиене и т.д. Назовем только некоторые труды Г. В. Залевского: «Фиксированные формы поведения» (1976), «Психическая ригидность в норме и патологии» (1993), «К истории, состоянию и проблемам современной клинической психологии» (1999), «Основы современной бихевиорально-когнитивной психотерапии и консультирования» (2002), «Введение в клиническую психологию» (2006в), «Личность и фиксированные формы поведения» (2007), «Психологическая супервизия: современное состояние и перспективы развития» (2008б) и др. Кажется, нет такой сферы в психологии, где бы мы не нашли следов активной деятельности нашего юбиляра. Добавим еще только, что им разработана знаменитая методика, широко применяющаяся в психологических исследованиях: Томский опросник ригидности Залевского.

Не будем здесь перечислять все научные достижения. Достаточно ознакомиться с оглавлением «Избранных трудов в шести томах» (2013), чтобы понять, что предшествующие годы были очень продуктивными. Заметим, что шесть томов далеко не исчерпывают всех научных трудов Генриха Владиславовича.

Вспомним и о том, что Г. В. Залевский является крупным организатором науки. За годы работы в Иркутске, Тернополе, Томске Г. В. Залевским и при его непосредственном участии было создано немало различных научных структур. Для примера приведем справку по Томскому периоду деятельности Залевского. В декабре 1982 г. по рекомендации академика А. В. Снежневского и по приглашению Томского научного Центра СО АМН СССР Генрих Владиславович пере ехал в Томск, где организовал и возглавил лабораторию медицинской психологии НИИ психического здоровья СО ТНЦ АМН СССР (с 1991 – РАМН). С февраля 1993 года он директор Института образования Сибири, Дальнего Востока и Севера РАО. Одновременно по совместительству заведующий кафедрой общей и прикладной психологии Томского государственного педагогического университета. С 1 сентября 1999 г. – профессор, с 15 декабря – заведующий кафедрой генетической и клинической психологии факультета психологии Томского государственного университета. В Томском университете был открыт диссертационный совет по психологии под председательством Генриха Владиславовича, он был основателем и является бессменным главным редактором «Сибирского психологического журнала», одного из лучших психологических изданий в нашей стране.

Отметим, что Генрих Владиславович является участником многих Международных научных форумов, в том числе и Международных психологических конгрессов, что позволяет ему объективно судить о тенденциях и перспективах развития психологии. Будучи участником форумов и конференций, Залевский объехал полмира: мало кто может себе так ясно представить, что является собой современная мировая психологическая наука, не по чужим описаниям, а по собственным оценкам и выводам.

Нельзя не сказать о том, что для творческой биографии Генриха Владиславовича характерны, как он сам отмечает, «зигзаги жизни». Будучи признанным лидером сибирской школы, Залевский, совершив очередной зигзаг, оказался на Балтике, в Калининграде, где ныне и в Калининграде с неизменным успехом проводятся ежегодные научные конференции. Заметим при этом, что сибирские «нагрузки» остались за Генрихом Владиславовичем – он по-прежнему председатель диссертационного совета в Томске и главный редактор знаменитого журнала.

Генрих Владиславович создал школу, является научным руководителем, давшим старт в большую науку десяткам своих учеников.

Если бы потребовалось определить Генриха Владиславовича одной фразой, я бы выбрал такую: он настоящий психолог. Именно: не только преподаватель психологии (которых много), не только психолог-исследователь (которых много меньше), но и собственно психолог (коих совсем немного). Настоящих психологов – единицы. Впрочем, к этому мы еще вернемся...

А пока перелистаем страницы биографии. Воспользуемся тем, что наш герой не только главный редактор одного из лучших в стране психологических журналов, но и писатель. Г. В. Залевский – автор книги мемуаров, в которой описана, но и проанализирована. Мне кажется, ключом к пониманию творчества Залевского является его собственное признание: «Мои психологические труды и жизнь (автобиография) моя, конечно, различаются, это разные жанры, но все же не стоит их разъединять. Я, конечно, не родился в семье профессиональных психологов и, тем более, не родился психологом, но, видимо, все в моей жизни так складывалось, чтобы я обязательно стал психологом» (Залевский, 2013, т. 6, с. 5).

Родился Генрих Залевский 1 января 1938 года в маленьком городке Бар Винницкой области. «Я – ребенок лихих военных и голодных послевоенных лет. А все в моей жизни начиналось тоже своеобразно – в ночь под новый 1938 год, когда вся семья собралась встречать этот самый Новый год, мою маму срочно увозят рожать меня. До сего дня мне неизвестно, родился я до боя курантов, т. е. в старом году, или после боя курантов – в новом году. Но родители поступили в любом случае мудро, посчитав день (ночь) моего рождения 1 января 1938 года, тем самым я на целый год оказался моложе! Да и вообще – я праздную сразу два праздника вместе – Новый год и день рождения, далеко не всем так весело сразу» (Залевский, 2013, т. 6, с. 5–6).

Откуда такое необычное имя? «Назвали меня Генрихом. В отношении имен своих детей мои родители были довольно оригинальны – всем детям дали довольно редкие имена, заглянув в какую-то книгу-справочник имен: Маина (Мая), Рикард, Викентий, да и меня, последнего, Генрихом нарекли. Что-то польское в наших именах было (а надо сказать, что по матери у меня корни польские, бабушка и дедушка по материнской линии из обедневшей польской шляхты Гжешевских). Но то, что я Генрих, об этом знали только документы, даже близкие об этом не очень помнили. Я был для товарищей по школе, по улице, по работе, по армии Генкой, Геннадием, а для моих близких – Геной. Я стеснялся своего имени Генрих, и в этом опять же виновата была война, немцы-оккупанты, т. е. фашисты. Меня запросто могли бы мои сверстники, и не только, обзывать Фрицем, фашистом и т. д. Да и мои родители не могли знать, что скоро будет война, и немцы-фашисты, в том числе и «Генрихи» нападут на Советский Союз, оккупируют Украину, будут хозяйничать и в Баре до апреля 1944 года» (там же, с.6).

Детство, действительно, выдалось и лихим, и голодным, и во многом страшным. «Многое вспоминается из того лихого времени, благодаря рассказам и воспоминаниям более старших – сестры и брата, родителей. Например, о том, как мама, чтобы прокормить четырех детей и мужа-инвалида первой группы (отец был контужен еще до войны, будучи военным авиамехаником в Севастополе), работая в немецкой столовой посудомойкой, с угрозой для жизни тайком уносила что-то из еды детям. Как квартировавший в нашей квартире немецкий офицер любил брать брата Викентия в районе ушей за голову, поднимать и спрашивать, а «не видит ли он Москву». А после этого иногда давал малышу шоколадку. Вот такой шутник. Но долго еще и уже далеко после войны брат жаловался на головные боли. Смутно помнится, опять же при воспоминаниях взрослых, как мимо дома, в котором мы жили где-то в году 1942–1943, по улице, которая вела на городское кладбище (цвинтар), немцы вели колонну евреев на расстрел» (там же, с. 7).

Учился Генрих в украинской школе, так что русский язык, как и немецкий, был для него иностранным. Сам Генрих Владиславович отмечал, что хорошее знание немецкого языка предопределило выбор жизненного пути.

Путь в психологию Генриха Владиславовича оказался совсем не простым – как почти все в его жизни имело траекторию, напоминающую вышеупомянутые зигзаги. Психологию Залевский начал изучать еще в школе (вместе с логикой) в начале 1950-х, поэтому никак не думал, что когда-то станет психологом. После школьного знакомства с психологией прошло много времени – к психологии он обратился в 1967 году. А в этом длительном временном промежутке «познавал жизнь» в ее разнообразных формах. В Киеве был разнорабочим на авиазаводе, где начали строить знаменитые Антеи. В родном городке Баре на сахарном заводе работал кочегаром-водокатом, в Донецке (Сталино) был шахтером – подземным электрослесарем. Во время службы в армии в Кременчуге и в ГДР (в Группе Советских войск) – радиотелеграфистом, младшим командиром в войсках ПВО, охраняющим воздушный коридор Западной Германия – Западный Берлин. После демобилизации в Иркутске учился в Педагогическом институте иностранных языков имени Хо Ши Мина, там же после окончания института работал ассистентом кафе-

дры педагогики и психологии. Попал в Москву, был направлен на стажировку по психологии на кафедру психологии МГПИ им. В. И. Ленина, заведовал которой в то время Артур Владимирович Петровский.

Из автобиографического произведения Г. В. Залевского: «Первым заведующим этой кафедры был известный психолог-марксист Константин Николаевич Корнилов. О нем ходило много легенд, одна из них была о том, как он, по его словам, оценивал психологические диссертации. «Я кладу диссертацию рядом с ‘Капиталом’ Маркса и смотрю: если диссертация совпадает с ‘Капиталом’, то значит хорошая, а не совпадает, то плохая. На этой кафедре работали и классики советской психологии, такие, например, как профессор Николай Федорович Добрынин, автор классических работ по проблемам внимания и значимости, Михаил Семенович Роговин, который уже при мне защитил докторскую диссертацию, стал профессором, глубокий ученый, знавший три европейских языка, а потому и мировую психологию, давший впоследствии согласие стать моим научным руководителем, хотя формально вторым (первым был Н. Ф. Добрынин), но по существу главным» (Залевский, 2013, т. 6, с. 36). И далее о своем научном руководителе М. С. Роговине: «Я всегда останусь благодарным Михаилу Семеновичу и его семье за науку, за понимание, поддержку в трудные минуты жизни в Москве, благодаря чему я досрочно – не за два года, а за один – за вершил стажировку, поступил в аспирантуру, успешно ее закончил и защитил в сентябре 1971 года кандидатскую диссертацию. А много лет спустя, именно по рекомендации Михаила Семеновича и при поддержке академика АМН СССР А. В. Снежневского, я очутился в Томске в качестве руководителя лаборатории патопсихологии НИИ психического здоровья ТНЦ СО РАМН» (там же). И – трудно удержаться, чтобы не привести еще один фрагмент: «Вместо своего рассказа о защите я приведу отзыв на мою диссертацию, который дал на нее мой первый оппонент профессор Федор Дмитриевич Горбов, очень уважаемый ученый, медик и психолог, участвовавший в свое время в подготовке Юрия Гагарина к полету, за что был награжден орденом Красной звезды... Так вот, еще в такси по дороге на заседание диссертационного совета он меня почти что ругал, зачем я так много лишнего для кандидатской диссертации наделал. Но самое интересное, особенно для меня, а также для членов совета, коллег и друзей, было то, что сказал и предложил по поводу моей диссертации мой первый оппонент...: «Считаю своим долгом обратиться к Ученому совету с предложением о рассмотрении представленной работы как докторской диссертации и представлении автора к степени доктора психологических наук, которой он достоин. Считаю также необходимым рекомендовать работу к печати. В такой монографии будет заинтересован самый широкий круг уже готовых специалистов, несомненно ее польза для людей, подготавливающих к работе в психологии и медицине» (там же, с. 34-35).

Г. В. Залевский никогда не забывал своего учителя М. С. Роговина и сохранил ему благодарность на всю жизнь. В частности, к его 85-летию со дня рождения в 2006 году он опубликовал статью «О научном наследии М. С. Роговина», в которой описаны вехи научной биографии Роговина, отмечен его вклад в развитие психологической науки, прежде всего в общую психологию, патопсихологию и психопатологию. Освещена суть развитой М. С. Роговиным общепсихологической структурно-уровневой теории психики человека и возможности ее внедрения в клинико-психологические исследования и практику (Залевский, 2006а).

Не будем пересказывать насыщенную событиями биографию Г. В. Залевского, тем более, что он сам прекрасно описал свою жизнь. Отсылаю заинтересованного читателя к его автобиографическому произведению (Залевский, 2013, т. 6). В связи с этим не могу не отметить еще один яркий талант Г. В. Залевского – его литературный дар. Он легко и понятно пишет. Он автор пронзительных воспоминаний о своей жизни. Известно, что многим великим не удавалось преодолеть искушение, состоящее в том, чтобы совсем немного приукрасить, чуть-чуть «поправить» действительность. Залевскому это удается. Он пишет «как есть», приводя зачастую не самые приятные для себя факты. Это роднит его с З. Фрейдом, который был безжалостен к себе и во имя точности анализа не жертвовал истиной. И это дает основание заключить, что Генрих Владиславович, действительно настоящий психолог, для которого главное – истина.

Г. В. Залевский, конечно, по его собственному определению, человек иррический. Цитируем одну его работу: «Согласно метафоре, предложенной нами..., сущность человека, его жизни, здоровья и развития выражается в движении в указанных выше мирах или пространствах и во времени от иррического (земного, телесного) к нозетическому (духовному, ценностно-смысловому): человеческим идеалам, высшим чувствам, эстетическим, религиозным, интеллектуальным, нравственным ценностям, любви, самопознанию, творчеству, свободе, духовному здоровью и обратно. Мера личности и ее здоровья определяется высотой, на которую она поднимается, трансцендирует над иррическим, устремляясь к нозетическому, и фактом ее возвращения назад к иррическому, с целью его одухотворения и принятия его энергии для нового взлета. Как известно из греческой мифологии, сила известного титана возродилась в нем после того, как он дотрагивался до земли» (Залевский, 2013, т. 6).

Когда-то мне пришлось писать про учителя Генриха Владиславовича – замечательного отечественного психолога Михаила Семеновича Роговина (Мазиллов, 2016). В семидесятые годы прошлого века мне посчастливилось учиться в Ярославском государственном университете у профессора М. С. Роговина. Студенты тех лет восхищались лекциями профессора М. С. Роговина, любили и уважали его. И все же должно было пройти несколько десятков лет, чтобы понять (даром, что психологи!) то, что поэту было ясно в молодости: «лицом к лицу – лица не увидеть». Надо было прочесть не только книги, но и диссертацию Роговина, чтобы понять, что он был титаном. Не буду здесь повторять аргументацию. Скажу только, что Генрих Владиславович Залевский – ученик титана и сам титан. Несколько строками выше мы уже процитировали его работу, где сказано про известного титана. Как и положено титану, Г. В. Залевский – скромная личность, но достигнутые высоты и динамика трансцендирования подтверждают нашу догадку, что схема, предложенная автором, не просто солидна и остроумна, но еще и «работает». Как и положено титану, Г. В. Залевский – многогранная личность. Он, как и его учитель, прекрасный методолог, философ психологии. Как и положено титану, он дарует народам и людям надежду на взаимопонимание, являясь автором много язычных психологических словарей. Как и положено титану, он несет позитивное начало, являясь автором известных психотерапевтических концепций и практик, теоретиком и практиком супервизорства. И – мы уже говорили об этом – Г. В. Залевский настоящий психолог. Он любит и ценит психологическую науку, переживает за ее судьбу, способствуя ее дальнейшему развитию. Он искренне верит в большое и светлое будущее психологии. Он любит не себя в психологии, а психологию в себе – об этом свидетельствуют его мемуары, искренние и честные. Автору даже не приходит в голову приукрасить события, что-то смягчить, опустить детали. Это делает это произведение настоящим психологическим текстом, тем более что описание событий сопровождается рефлексией... Как сказано – мудро и точно – Генрихом Владиславовичем о себе, «все в моей жизни так складывалось, чтобы я обязательно стал психологом» (Залевский, 2013, т. 1, с. 5).

Случилось так, что с Генрихом Владиславовичем Залевским я познакомился достаточно поздно, в девяностые годы уже ушедшего века. Но услышал о нем намного раньше, в самом начале семидесятых: о нем рассказывали Михаил Семенович Роговин, профессор Ярославского государственного университета, и Леонид Петрович Урванцев, который после защиты своей кандидатской диссертации также приехал в Ярославль. Из этих рассказов неизменно следовало, какой талантливый и трудоспособный Генрих Залевский. А потом появилась книжка про фиксированные формы поведения (Залевский, 1976), изданная в Иркутске в 1976 году (добытая правдами и неправдами), которая все разъяснила: стало ясно, что автор обозначил новое направление в психологии, казавшееся уже тогда фантастически перспективным. Так оно и оказалось.

В истории нет сослагательного наклонения. Был вариант, что Г. В. Залевский продолжил бы свою карьеру в Ярославском государственном университете. Увы, это не осуществилось, зато в итоге выиграл Томск.

Генрих Владиславович стал не просто психологом, а выдающимся психологом. Настоящим. Получившим все мыслимые награды и отличия. Психологом, которого ценят и уважают коллеги, последователи, ученики. Без преувеличения, которого любит и которым гордится вся наша необъятная страна. Г. В. Залевский – был замечательным человеком: открытым, добрым, порядочным, оптимистичным. И замечательным другом...

Литература

1. Залевский Г. В. Фиксированные формы поведения. Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1976.
2. Залевский Г. В. Психическая ригидность в норме и патологии. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993.
3. Залевский Г. В. К истории, состоянию и проблемам современной клинической психологии // Сибирский психологический журнал. Вып. 10. С. 53-58, 1999.
4. Залевский Г. В. Основы современной бихевиорально-когнитивной психотерапии и консультирования. Томск: ТГУ, 2002, 150 с.
5. Залевский Г. В. Краткий русско-англо-немецкий словарь по психологии. М.: Academia, 223 с.
6. Залевский Г. В. О научном наследии М. С. Роговина // Методология и история психологии. Вып. 2, 2006. С. 99-102.
7. Залевский Г. В. 110 лет клинической психологии // Методология и история психологии. Вып. 2, 2006. С. 160-163.
8. Залевский Г. В. Введение в клиническую психологию. Томск: ИДО ТГУ, 2006. 192 с.
9. Залевский Г. В. Личность и фиксированные формы поведения. М.: ИП РАН, 2007, 334 с.
10. Залевский Г. В. Объяснение и понимание против «циклопной психологии» // Методология и история психологии. Вып. 1, 2008. С. 41-46.

11. Залевский Г. В. Психологическая супервизия: современное состояние и перспективы развития. Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. 160 с.
12. Залевский Г. В. Избранные труды: в 6 т. Томск: ТГУ, 2013.
13. Мазилев В. А. Последний титан: методологические работы М. С. Роговина (60-е годы XX столетия) // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. № 1 (36), 2016. URL: <http://mprj.ru>
14. Роговин М. С., Залевский Г. В. Теоретические основы психологического и психопатологического исследования. Томск: ТГУ, 1988. 223 с.

Михаил Семенович Роговин¹²

Л. П. Урванцев, г. Ярославль, Российская Федерация

М. С. Роговин родился 27 октября 1921 года в г. Москве. С механико-математического факультета МГУ он был призван в армию, которой отдал 14 лет жизни. Он прошел всю войну, участвовал в боях под Москвой и Смоленском, в освобождении Венгрии и Чехословакии, а также в войне против Японии. Был дважды ранен, награжден двумя орденами и многими медалями. После второго ранения должность командира танка сменил на инструктора по вождению и стрельбе, а затем был военным переводчиком. После войны М. С. Роговин окончил два факультета Военного института иностранных языков и с 1953 года работал в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР. В 1956 году он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1968 году – докторскую («Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории»).

Более 30 лет М. С. Роговин посвятил преподаванию психологии, работая сначала на кафедре психологии Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, затем очень многое сделал для становления факультета психологии Ярославского университета, а в последние годы был заведующим кафедрой психологии Лингвистического университета.

Как ученого М. С. Роговина отличали широта научных интересов, способность увидеть новые, перспективные темы исследований, высочайшая работоспособность, великолепное знание зарубежной литературы. Им опубликовано более 300 научных работ (в основном в центральных изданиях) по проблемам военной психологии, истории психологии, патопсихологии, философским вопросам психологии, психологии познавательных процессов и т. д. Хорошо известны психологам его книги «Введение в психологию» (1969), «Проблемы теории памяти» (1977) и другие (всего более 10 монографий и учебных пособий).

Особое место в научной тематике, разрабатываемой М. С. Роговиным в последние годы, занимают структурно-уровневый подход в психологии, выполненный под его руководством цикл исследований процесса медицинской диагностики, проблемы методологии психологического исследования. Значителен его вклад в подготовку научных кадров высшей квалификации: успешно защитили диссертации более 10 его аспирантов.

М. С. Роговин был прекрасным преподавателем. Его лекции и практические занятия в психиатрической клинике неизменно вызвали большой интерес у студентов, были насыщены новейшими научными данными. Студенты мечтали выполнять под его руководством курсовые и дипломные работы, а коллеги учились у него методическому мастерству. Очень популярен был студенческий научный кружок по патопсихологии, который нередко определял выбор студентами будущей специализации.

М. С. Роговин никому не отказывал в консультации, да и просто в добром совете, чутко и доброжелательно относился к людям. Его чувство юмора часто поднимало настроение окружающих, помогало разрядить обстановку и его самого выручало в трудных ситуациях. Он был удивительно интересным собеседником, любил и хорошо знал поэзию, музыку, живопись, театр.

Таким – неумолимым и глубоким ученым, отличным преподавателем, светлым, жизнерадостным человеком – Михаил Семенович Роговин навсегда останется в памяти учеников и коллег.

¹² Библиографическая справка публикации: «Л. П. Урванцев Михаил Семенович Роговин // Ярославский психологический вестник. Выпуск 3. Москва-Ярославль, Издательство «Российское психологическое общество», 2000. С. 5-7».

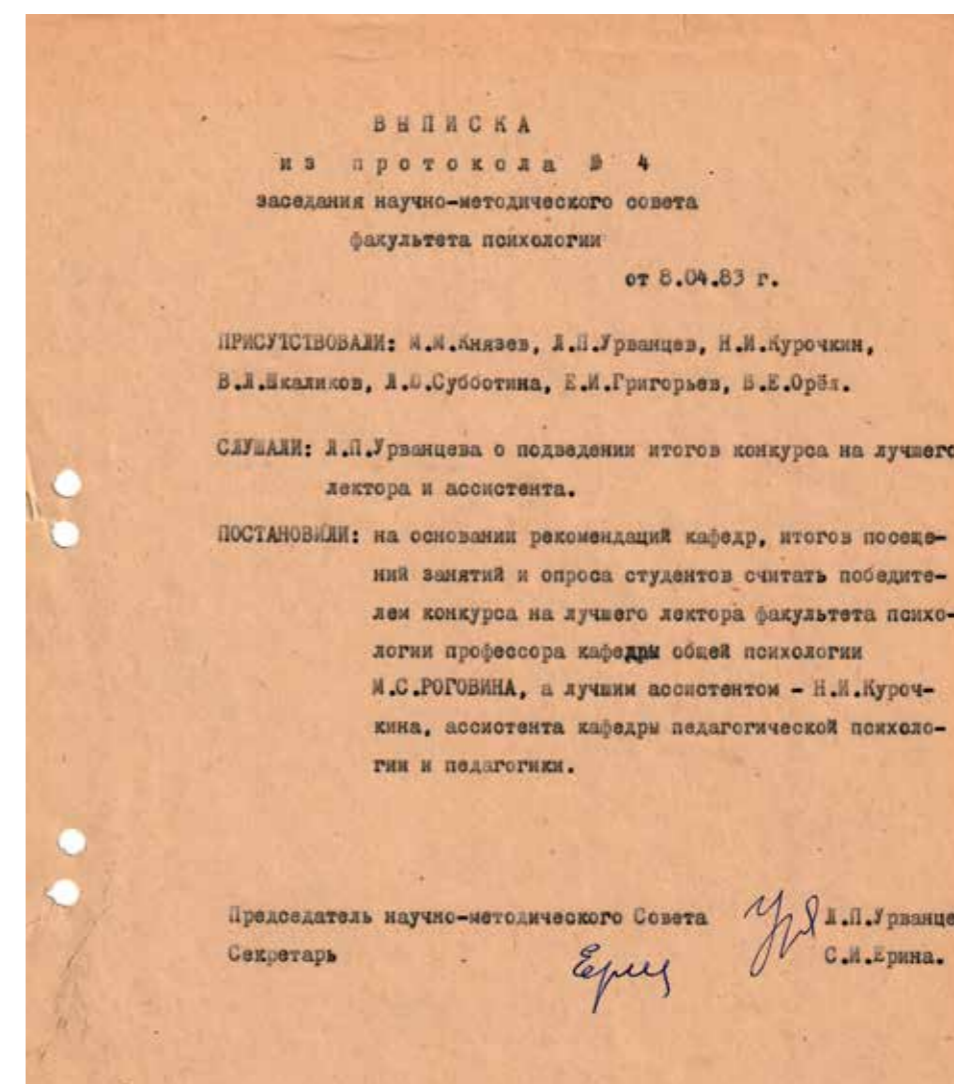
Прошло около семи лет с тех пор, как я написал это о своем Учителе. Что изменилось? Много, и иногда думаю о том, как бы чувствовал, ощущал себя Михаил Семенович в этой жизни? Вероятно, нормально, продолжая работать – писать статьи и книги, преподавать. Невозможно представить его пассивным, бездеятельным пенсионером. С годами все лучше понимаю, как много я получил от него. И если масштаб личности определяется ее вкладами в личности других, то просто удивительно, как много людей, говоря о Михаиле Семеновиче, отмечают его влияние, его яркую индивидуальность.

Ловлю себя на том, что часто невольно спрашиваю себя, работая над статьей или книгой, как оценил бы это «творение» Михаил Семенович? Вспоминаю очень внимательное, бережное его отношение к

семье. Когда был молодым, удивлялся, зачем, приехав из Москвы в Ярославль, надо сразу же с вокзала звонить и сообщать жене о благополучном приезде. Это было обязательным ритуалом, и только позже я понял, как это важно. Могу вспомнить и о том, как много лет назад, когда в Ярославле были большие проблемы с продуктами, Михаил Семенович возил мне (аспиранту!) колбасу и сыр. И не только мне. Он никогда не отказывал в помощи, если мог помочь.

Недавно побывал в квартире Михаила Семеновича, вспоминали о нем вместе с его женой и внучкой (а правнук просто слушал, он еще маленький). Больно думать, что многое из задуманного и начатого им не закончено. Больно видеть эту уютную квартиру, где книги занимают так много места, без него.

И все же не хочется заканчивать на грустной ноте. Все знали Михаила Семеновича как человека, умеющего радоваться жизни, стойкого к жизненным трудностям. Давайте таким его и вспоминать.

Выписка из протокола № 4 заседания научно-методического Совета факультета психологии от 8 апреля 1983 года с постановлением считать победителем конкурса на лучшего лектора факультета М. С. Роговина. Документ подписан председателем научно-методического Совета Л. П. Урванцевым

М. С. Роговин в современном информационном пространстве

В. А. Урываев, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. Публикация посвящена анализу представленности трудов М. С. Роговина в поисковых системах Интернет начала XXI века. Оценивается актуальное состояние, и обсуждаются возможности расширения внимания пользователей Интернет к работам выдающегося психолога XX века.

Ключевые слова: М. С. Роговин, общая психология, медицинская психология, методология психологии, В. А. Мазиллов, Г. В. Залевский, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, сетевой научный журнал «Медицинская психология в России»

Современные поисковые системы Интернет соревнуются между собой в возможностях предоставить пользователю полную и надежную информацию по любым возникшим вопросам. Мы воспользовались такими предложениями и набрали «Роговин Михаил Семенович» в поисковиках Google и Яндекс.

Как известно, запросы поисковиками ранжируются, и информация по запросам выводится на экран сообразно «степени востребованности» (первыми выдаются наиболее часто запрашиваемые сайты, далее – по убывающей). Мы сосредоточили свое внимание на самых первых поисковых страницах (получив, таким образом, информацию о наиболее востребованных пользователями сайтах).

В Интернете можно найти три группы данных о М. С. Роговине: краткие биографические справки, ссылки на написанные им книги (здесь отражается, безусловно, и активность интернет-торговых площадок), наконец, публикации, посвященные развернутому описанию его жизненного пути и научная рефлексия основополагающих трудов.

Согласно полученным нами результатам, первое место по популярности у пользователей Интернет делят две публикации (обе – ярославские, обе трижды представлены в списках самых востребованных запросов). Первая – объемная статья профессора В. А. Мазилова в одном из ранних номеров журнала «Методология и история психологии» (она была приурочена к 85-летию М. С. Роговина) [6]. Вторая – статья группы авторов в сетевом научном журнале «Медицинская психология в России» (<http://www.mprj.ru/>) [10]. Упомянутый номер сетевого журнала – тематический, он был посвящен ярославской школе в медицинской психологии и включал в себя не только развернутую статью о М. С. Роговине, но и работы его учеников [9, 11, 13, 14, 16].

Ссылка на статью, как мы отмечали, проходит трижды: собственно на статью, ссылка через цитирование статьи в интернет-издании «Психологическая газета» и ссылка на публикацию в «Кибер-Ленинке» – информационной платформе, работающей в режиме «открытого доступа» (то есть просмотр материалов статей на ней – бесплатен).

Заметим, что и первая упоминаемая статья В. А. Мазилова представлена не только ссылкой на оригинал (дважды, в двух поисковых системах), но и ссылкой на интернет-ресурс Psy-journal.ru, который ведет Московский государственный психолого-педагогический университет.

Развернутые публикации, посвященные по вкладу М. С. Роговина в современную психологию, подготовлены В. А. Мазилловым также к 90-летию со дня рождения М. С. Роговина (при активной поддержке со стороны главного редактора «Сибирского психологического журнала» профессора Г. В. Залевского) [7] и к 95-летию (уже совместно с профессором Г. В. Залевским в журнале «История российской психологии в лицах: Дайджест». [8]).

Отмеченные статьи также входят в 20-ку (10 первых позиций в Google + 10 первых позиций в Яндексе) самых популярных запросов.

Вторая группа ссылок на сайты – краткие биографические справки о жизни и научном творчестве М. С. Роговина. Здесь на первом месте находится очерк профессор В. Я. Гиндикина [1] (как в прямом цитировании, так и в варианте, изложенном в интернет-издании «Психологическая газета»), а также краткая биографическая справка, подготовленная Г. В. Залевским [2].

Третья группа запросов представлена информацией интернет-ресурсов о возможности приобрести книги М. С. Роговина (либо купить, либо скачать). Здесь мы сталкиваемся с крайней бедностью предло-

жений. Это либо букинистическая книга «Введение в психологию» (1969), либо сравнительно недавнее (2007) переиздание книги «Проблемы теории памяти». Заметим, что если выйти за пределы условных «первых страниц» поисковых систем, то можно найти и версию «Введения в психологию» для бесплатного скачивания.

Эту небольшую заметку можно завершить двумя важными выводами:

1. Можно констатировать, что фигура М. С. Роговина и его вклад в психологическую науку представлены в системе Интернет в основном работами ярославских психологов. Биография М. С. Роговина тесно связана с Москвой и московскими вузами, тем не менее, в первых авторах, представленных поисковыми системами – ученые из Ярославля и Томска (см. также [3, 4, 12, 15]). Вопрос о том, за каким регионом будет закреплен приоритет в исследованиях научного наследия М. С. Роговина, мы полагаем, будет решаться скорее по факту. В этом случае Ярославская школа имеет значительные заслуги.
2. Совершенствование интернет-обеспечения научной деятельности представляет как новые возможности (максимально широкий доступ в Интернет пользователей, прежде всего, молодого поколения ученых и практиков), так и новые задачи – оцифровка научного наследия М. С. Роговина с целью обеспечить максимальную полноту представленности его взглядов. При успешном решении этой задачи приоритеты ярославской школы в изучении наследия будут закреплены уже безусловно.

В заключение следует добавить, что автор данной публикации – дипломник М. С. Роговина; второе – автор был рекомендован М. С. Роговиным на должность медицинского психолога в Ярославской областной клинической психиатрической больнице (должность была введена в 1976 году и замещена В. А. Урываевым сразу после выпуска, начало работы – 02 августа 1976); третье – автор – главный редактор сетевого научного журнала «Медицинская психология в России» (<http://www.mprj.ru/>), учредителем которого (впоследствии – соучредителем) он является с 2009 года. Журнал издается Ярославским государственным медицинским университетом. Журнал одновременно является частью информационного портала «Медицинская психология» (<http://www.medpsy.ru/>). Информационный портал за 10 лет своего существования набрал более шести миллионов просмотров пользователей из более чем 70 стран. Мы убеждены, что подобная форма распространения психологических знаний еще не до конца своих возможностей используется в классической психологической науке. Многолетней работой автора в интернет-пространстве во многом обусловлен и выбор темы для публикации.

Литература

1. Гиндикин В. Я. Роговин Михаил Семенович // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2005. – Т. 1: История психологии в лицах. Персоналии / под ред. Л. А. Карпенко. С. 395-396.
2. Залевский Г. В. Роговин Михаил Семенович // Сибирский психологический журнал. № 14-15, 2001. С. 6-7.
3. Залевский Г. В. О научном наследии М.С. Роговина // Методология и история психологии. Т. 1, Вып. 2, 2006. С. 99-102.
4. Ключева Н. В. Психология переживания культурной травмы и нестабильность России // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. № 6(41), 2016. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 20.08.2020).
5. Конева Е. В., Русанова Л. С. Современные тенденции и проблемы в психолого-медико-педагогическом обследовании детей // Медицинская психология в России. Т. 10, № 4, 2018 – С. 4. doi: 10.24411/2219-8245-2018-14040
6. Мазиллов В. А. Михаил Семенович Роговин – методолог психологии // Методология и история психологии. № 2, 2006. С. 103-112.
7. Мазиллов В. А. М. С. Роговин: философ психологии // Сибирский психологический журнал. № 40, 2011. С. 80-88.
8. Мазиллов В. А., Залевский Г. В. Михаил Семенович Роговин: Последний из поколения титанов и его вклад в становление психологии как науки // История российской психологии в лицах: Дайджест. № 6, 2016. С. 241-260.
9. Митрушина Н. А., Солондаев В. К., Яковлева Н. В. Леонид Петрович Урванцев – когнитивный подход к проблемам медицинской психологии // Медицинская психология в России. Т. 5, № 5, 2013. С. 2. doi: 10.24411/2219-8245-2013-15020
10. Михаил Семенович Роговин – опережая время / Г. В. Залевский, В. А. Мазиллов, В. А. Урываев [и др.] // Медицинская психология в России. Т. 5, № 5, 2013. С. 1. doi: 10.24411/2219-8245-2013-15010
11. Морозин В. Г., Костина Н. П. Социально-психологическая история алкоголизации России // Медицинская психология в России. Т. 5, № 5, 2013. С. 14. doi: 10.24411/2219-8245-2013-15140
12. Симановский А. Э. Три подхода к патопсихологическому исследованию в России в конце XIX, начале XX века // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. № 6(29), 2014. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 04.09.2020).

13. Тихонова И. В. Опыт модификации методики изучения фрустрационных реакций С. Розенцвейга для изучения специфики реагирования медсестер в профессиональных конфликтных ситуациях // Медицинская психология в России. Т. 5, № 5, 2013. С. 10. doi: 10.24411/2219-8245-2013-15100
14. Урванцев Л. П. Об учителе с благодарностью // Сибирский психологический журнал. № 24, 2006. С. 9-12.
15. Урываев В. А. «Вверх по незнакомой реке...»: к проблеме психологического диагноза // Ярославский психологический вестник, Вып. 3, 2000. – М.-Ярославль. С. 207–211.
16. Урываев В. А. «Внутренняя картина лечения» как клинико-психологический феномен // Медицинская психология в России. Т. 5, № 5, 2013. – С. 9. doi: 10.24411/2219-8245-2013-15090

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ. ABSTRACTS

On the Unity of Cognitive Processes in the Structure of Individual Consciousness

V. D. Shadrikov

Academician of the Russian Academy of Education, doctor of psychological sciences, professor of the national research university «Higher school of economics», Moscow, Russian Federation, shadrikov@hse.ru

Abstract. The article considers the functional significance of individual cognitive processes united by a substantial complex of objective thoughts. The continuity of thought in the individual cognitive process is shown. An attempt is made on this basis to overcome the existing separation of the main cognitive processes.

Key words: thought, substance, objectivity of cognitive processes, functions of cognitive processes, individual continuity of thoughts.

Master's Lessons: a Man Who Knew Everything. Several Strokes to the Portrait of M. S. Rogovin

V. A. Mazilov

Doctor of psychology, professor of the department of general and social psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, v.mazilov@yspu.yar.ru

Abstract. The article on the basis of conversations with Professor Rogovin. There is an attempt to create a sketch of a psychological portrait of an outstanding scientist psychologist. Conversations with Rogovin took place in 1973-1982 at the Faculty of Psychology of the Yaroslavl State University. M. S. Rogovin was an extraordinary thoughtful person, a philosopher of psychology, many of his estimates retain their relevance and significance today.

Key words: M. S. Rogovin, psychology, Faculty of psychology, history of psychology.

Two Main Approaches to the Structural-Level Explication of Professionally Important Qualities

A. V. Karpov

Corresponding-member of the Russian Academy of Education, doctor of psychology, professor of the department of labor psychology and organizational psychology of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation, anvikar56@yandex.ru

Abstract. The article presents theoretical and methodological materials that reveal the main features and main difficulties of the current state of the problem of professionally important qualities. It is shown that by now there are two main approaches to its solution; they are epistemological and ontological. The essence of each of them is revealed, their detailed analysis is carried out. It is shown how specifically the synthesis of these approaches can contribute to the further constructive development of the problem of professionally important qualities, as well as related areas. A new interpretation of the general structure of professionally important qualities, developed from the standpoint of the meta-system approach, is proposed.

Key words: qualities, subject determinants, professionally important qualities, structure, organization of qualities, level approach, the principle of hierarchy.

Structural-Level Approach to the Problem of Phylogenetic Evolution of the Psyche (Article One)

A. A. Karpov

Doctor of psychology, associate professor of the department of labor psychology and organizational psychology of Demidov Yaroslavl State University, professor of RAE, Yaroslavl, Russian Federation,

karpov.sander2016@yandex.ru

Abstract. The article presents the materials of developments in the field of phylogenetic evolution of the psyche and behavior of animals and humans, as well as representatives of species located in other realms of wildlife.

The provisions according to which a single, integrated approach to the study of the phylogenetic evolution of the psyche can be implemented are formulated. It is shown that such a constructive methodological tool can be a structural-level approach developed in the works of a major Russian psychologist, a representative of the Yaroslavl Psychological School Mikhail Semenovich Rogovin. The basic principles and requirements of the structural-level approach necessary for its deployment in this area are highlighted.

Key words: phylogenetic evolution of the psyche, structural-level approach, levels, inter-level interactions, system approach, the law of increasing rates of development, meta-development.

M. S. Rogovin as a Historian of Psychology: Master's Testament

V. A. Mazilov

Doctor of psychology, professor of the department of general and social psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, v.mazilov@yspu.yar.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of creativity of M. S. Rogovin in the field of psychology history. It is argued that the productivity of the author's approach of M. S. Rogovin in consideration of historical and psychological material was due to the fact that the analysis of a particular historical issue was carried out from the standpoint of the original philosophy of psychology. The article contains an attempt to allocate the main characteristics of the author's approach. The main content of the article is the analysis of the author's warnings, who seen in the 1960s in the 1960s of the twentieth century for the development of scientific psychology. Cautions were not heard and perceived, which led to a large-scale crisis of scientific psychology.

Key words: M. S. Rogovin, psychology, history of psychology, problems of world psychology, subject of psychology, man psyche.

Influence of K. Jaspers' Works on the Content of the Work of M. S. Rogovin

A. E. Simanovskiy

Doctor of pedagogy, head of the department of special (correctional) pedagogy and psychology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,

Yaroslavl, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the influence of K. Jaspers' works on the content of M. S. Rogovin. The article shows that a number of methodological problems of setting a psychological and psychiatric diagnosis, criterion signs that distinguish mental norm from pathology were formulated by M. S. Rogovin under the influence of K. Jaspers' ideas. At the same time, M. S. Rogovin rejected the intuitionism and dualism of K. Jaspers and proposed a causal, scientific way to solve the problems posed by Jaspers. This approach was implemented in the subsequent works of M. S. Rogovin and his students.

Key words: M. S. Rogovin, K. Jaspers, methodology of psychological and psychiatric diagnosis, differences between norm and pathology, psychological methods of diagnosis.

Empathy as a Method of Cognition of the Psychic. Theoretical Aspect

A. A. Smirnov

Candidate of psychological sciences, associate professor of the department of pedagogy and pedagogical psychology of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation, asmirnov1970@bk.ru

E. V. Solovyeva

Bachelor student of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl,

Russian Federation, solovyeva.ev205@gmail.com

Abstract. Empathy is understood by scientists in its narrow and broad meaning. The specific meaning is used as a function of empathy: empathy, compassion, co-being, co-thinking. This article attempts to continue the structural-level approach developed by M. S. Rogovin, where empathy can be considered as a method of cognition of the psychic at the overlying levels of the phenomenon. This approach allows us to approach the phenomenon of empathy from the perspective of a multi-level, multidimensional system and bring it closer to understanding its structure. Based on the classification of methods according to M. S. Rogovin and G. V. Zalevsky analyzed the psychological mechanisms that make up the content of the empathic method. We have identified significant signs of empathic cognition that correlates with the clinical method. Thus, empathy is understood as a sensory, intuitive understanding of the other, acts as a method of cognition of the psychic.

Key words: method of cognition, extra-perception, empathy, structural-level approach.

Features of Estimating the Normality of the Distribution Indicators of Behavioral Characteristics

I. G. Senin

Candidate of psychological sciences, associate professor of the chair of labor psychology and organizational psychology of Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

isenin@bk.ru

Abstract. Article shows the specificity of application normal distribution law for the study of personality traits. Reasoned by more differentiated approach to evaluating of normality of distribution based on the multidimensional assessment.

Key words: normal distribution, internal and external factors, behavior, distribution parameters.

Contribution of M. S. Rogovin to the Development of the Problem of Level Explanation in Psychology

Yu. N. Slepko

Candidate of psychological sciences, associate professor, dean of pedagogical faculty of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation,

E-mail: slepko@inbox.ru

Abstract. This article is devoted to the scientific work of the outstanding domestic psychologist Mikhail Semenovich Rogovin and is timed to coincide with the 100th anniversary of his birth. The article deals mainly with the methodological studies of M. S. Rogovin, first of all, his development of the problem of the structural-level approach in psychology. It is argued that the results of the methodological analysis of the problem today remain of the highest importance for solving the problem of the subject and method of psychology, the problem of explanation, the organization of historical-psychological research, and many others.

Key words: M. S. Rogovin, psychological research, structural-level theories, explanation, abilities.

100 Years of Light

V. V. Kozlov

Doctor of psychology, professor of the department of social and political psychology of Demidov Yaroslavl State University, IAPS President, Yaroslavl, Russian Federation, kozlov@zi-kozlov.ru

Abstract. In the article, the author recounts the memories of the hero of the day – Professor M. S. Rogovin. A special role is assigned to the influence on the scientific fate of the author of the article of the personality of the hero of the day, not only as a scientist, but also as a teacher of life.

Key words: teacher, psychology, science, philosophy, methodology, integration, consciousness

M. S. Rogovin in Modern Information Space

V. A. Uryvaev

Candidate of psychological sciences, associate professor at the department of medical psychology in Yaroslavl State Medical University

e-mail: ladoyar@mail.ru

Abstract. The publication is devoted to the analysis of the representation of the works of M. S. Rogovin in Internet search engines at the beginning of the XXI century. The current state is assessed and the possibilities of expanding the attention of Internet users to the works of the outstanding psychologist of the XX century are discussed.

Key words: M. S. Rogovin, general psychology, medical psychology, methodology of psychology, V. A. Mazilov, G. V. Zalevsky, Department of Psychology in Demidov Yaroslavl State University, web scientific journal "Medical Psychology in Russia".

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов Александр Анатольевич

доктор психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, профессор РАО, г. Ярославль, Российская Федерация, karpov.sander2016@yandex.ru.

Карпов Анатолий Викторович

член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии, декан факультета психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, председатель Ярославского регионального отделения Российского психологического общества, г. Ярославль, Российская Федерация, anvikar56@yandex.ru.

Карпова Елена Викторовна

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии начального обучения Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Российская Федерация, evkar55@yandex.ru.

Козлов Владимир Васильевич

Президент Международной Академии Психологических наук, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация, kozlov@zi-kozlov.ru.

Мазилев Владимир Александрович

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Института педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль, Российская Федерация, v.mazilov@yspu.yar.ru.

Роговин Михаил Семенович (1921–1993)

доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Сенин Иван Геннадьевич

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация, isenin@bk.ru.

Симановский Андрей Эдгарович

доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой специальной (коррекционной) педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Российская Федерация, simanovsky@yandex.ru.

Слепко Юрий Николаевич

кандидат психологических наук, доцент, декан педагогического факультета ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль, Российская Федерация, slepko@inbox.ru.

Смирнов Александр Александрович

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии Ярославского государственного университета П. Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация, asmirnov1970@bk.ru.

Соловьева Елизавета Валерьевна

студент-бакалавр Ярославского государственного университета П. Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация, solovyeva.ev205@gmail.com.

Урванцев Леонид Петрович (1947–2006)

кандидат психологических наук, профессор кафедры общей психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Урываев Владимир Анатольевич

кандидат психологических наук, доцент по кафедре медицинской психологии Ярославского государственного медицинского университета, г. Ярославль, Российская Федерация, ladoyar@mail.ru.

Шадриков Владимир Дмитриевич

академик РАО, доктор психологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация, shadrikov@hse.ru.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЕННЫМ НА ПУБЛИКАЦИЮ

Уважаемые читатели!

В целях внедрения в ЯрГУ унифицированного издательского оформления материалов в научных изданиях, облегчающее их обработку в международных и национальных банках информации и позволяющее минимизировать искажения данных по цитированию, и включению нашего журнала в РИНЦ, прием материалов осуществляется по следующим требованиям.

В каждой статье должны быть указаны следующие данные:

1. Сведения об авторах

Обязательно:

- **Фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке);**
- **полное название организации** – место работы каждого автора в именительном падеже (на русском и английском языке). Если все авторы работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;
- **адрес электронной почты для каждого автора;**
- **должность, звание, ученая степень.**

Опционально:

- подразделение организации;
- другие сведения об авторах, фотографии авторов.

2. Название статьи

Приводится на русском и английском языках

3. **Аннотация** (объем **не менее 100** и не более 300 слов, отражающее основное содержание работы таким образом, чтобы читатель мог составить полное представление об этом содержании) Приводится на русском и английском языках

4. **Ключевые слова** (до 10 слов).

Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой. Приводится на русском и английском языках

5. Тематическая рубрика (код)

Обязательно – **код УДК**;

Опционально – другие библиотечно-библиографические предметные и классификационные индексы.

Список литературы

Требования к оформлению рукописи статьи

1. Содержащийся в файле текст должен быть оформлен в редакторе MicrosoftWord 97 и выше.
2. Формат страницы А4, ориентация «книжная».
3. Все поля по 20 мм.
4. Тип шрифта – TimesNewRoman, размер **14** пт.
5. Междустрочный интервал **1,2**, выравнивание по ширине, абзацный отступ **1,25** см.
6. Рисунки только черно-белые включаются в текст. Подписи к рисункам делаются внизу. Нечитаемые рисунки будут удалены из текста.
7. Таблицы прилагаются по ходу текста, снабжаются заголовками и имеют сквозную нумерацию.
8. Количество иллюстративного материала не должно превышать 5 рисунков (таблиц, графиков и т.д.)

9. Примеры оформления списка литературы.

Бойко, В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В.В. Бойко.– СПб.: Питер, 1999.– 105 с.

Карпов, А.В. психическое выгорание в управленческой деятельности: монография / А.В. Карпов, Н.С. Савина; М.– Ярославль: РАО, 2010.– 404 с.

Петров, Ю.В. Экономическая теория [Текст]: учебник / Ю.В. Петров, А.В. Сидоров. СПб.: Астрель, 2010.– 391 с.

Экономика предприятия [Текст]: учеб. пособие для студ. вузов / А.В. Петров, Д.И. Иванов, С.И. Сидоров; под ред. Р.П. Викторовой.– М.: Академия, 2011.– 327 с.

Статьи из журналов оформляются следующим образом:

Субботина, Л. Ю. Интегративная модель психологической защиты [Текст] / Л. Ю. Субботина // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.–2005.– № 3 (24).– С. 111–117 Здесь указывается автор, приводится название статьи, год издания, номер и страницы журнала, на которых размещена статья.

Словари оформляются подобным образом:

Власов, О.И. Толковый словарь [Текст] / О.И. Власов.– М.: Дрофа, 2010.– 1020 с.

Электронные ресурсы выглядят в библиографическом списке

Аминов, Н.А. Природные предпосылки возможности самореализации учителей начальной школы / Н.А. Аминов // Психологическая наука и образование. 1998. № 2. <http://psyjournals.ru/psyedu/1998/n2/Aminov.shtml>

Словарь юридических терминов [Электронный ресурс].– <http://...>

Психологический словарь [Электронный ресурс].– <http://...>

Водянец, П.Л. Планирование на предприятии [Электронный ресурс].– <http://...>– статья в интернете.

Громова, С.В. Исследование влияния роста заработных плат на уровень жизни населения [Электронный ресурс]: авт. дисс... к.э.н.– <http://...>– ссылка на автореферат диссертации.

Библиографический список не должен в основном состоять из электронных ресурсов.

Пример оформления текста

УДК

Название статьи

Авторы, город

Данные об авторах, электронная почта

Аннотация.

Ключевые слова.

Название статьи (англ)

Авторы, город (англ)

Данные об авторах (англ)

Аннотация. (англ)

Ключевые слова. (англ) электронная почта

Текст статьи. Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст

Литература.

Материалы публикуются в авторской редакции.